

TRIVIA KHO FE- HIN

19

64

Annotation

Среди авторов сборника есть опытные писатели, давно выступающие в приключенческом жанре, но большинство — молодые люди, только вступающие в литературу. Действие рассказов происходит на земле, на воде и в воздухе, на всех меридианах и параллелях нашей обширной Родины: от берегов Невы до Охотского моря, от приполярной тундры до пустынь Средней Азии. Советские писатели, как и их герои, всегда в походе. А это значит, что читатели получают новые увлекательные и боевые приключенческие истории. Ведь наш сборник намечено выпускать ежегодно.

- [ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1964](#)
- [К ЧИТАТЕЛЮ](#)
- [Виктор Смирнов](#)
- [Николай Устинович](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
- [Евгений Федоровский](#)
- [Глеб Горышин](#)
- [Гарий Немченко](#)
- [Рафаил Бахтамов](#)
- [Андрей Капица](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Георгий Токарев](#)
- [Николай Коротеев](#)

- - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - Семен Пасько
 -
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - Олег Куваев
 - Валентин Томин
 - Сергей Жемайтис
 - Александр Черешнев
 - Георгий Кубанский
 - Борис Раевский
 - Юрий Рослый
 - Лев Экономов
 - Альгимантас Чекуолис
 - notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1964

ПРИ
КЛЮ
ЧЕ-
НИЯ

1964

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга для тех, кто ценит мужество и находчивость, увлеченность и настойчивость, пытливую мысль исследователя, открывателя тайн.

«В жизни всегда есть место подвигу» — эти замечательные слова Максима Горького можно было бы поставить эпиграфом к этому сборнику.

Герои рассказов — охраняют ли они границу, доставляют на стройку срочный груз, разгадывают тайну преступления или загадки природы — это наши современники, героические дела которых свершаются на наших глазах.

Люди самых разных профессий, они прежде всего созидатели коммунистического общества, страстные и убежденные борцы за его идеи. Их приключения не самоцель, они одухотворены высокой конечной целью, любовью и преданностью своей социалистической Родине, своему делу. Трудные испытания, выпадающие порой на их долю, — это экзамен на прочность, на прочность убеждений, воли, характера.

Нужно много знать и много уметь, чтобы не спасовать перед трудностями. Тут одного желания мало. И если ты не знаешь «законы» моря, то не победишь бушующий океан, если не знаешь «законы» гор, то не одолеешь вершину.

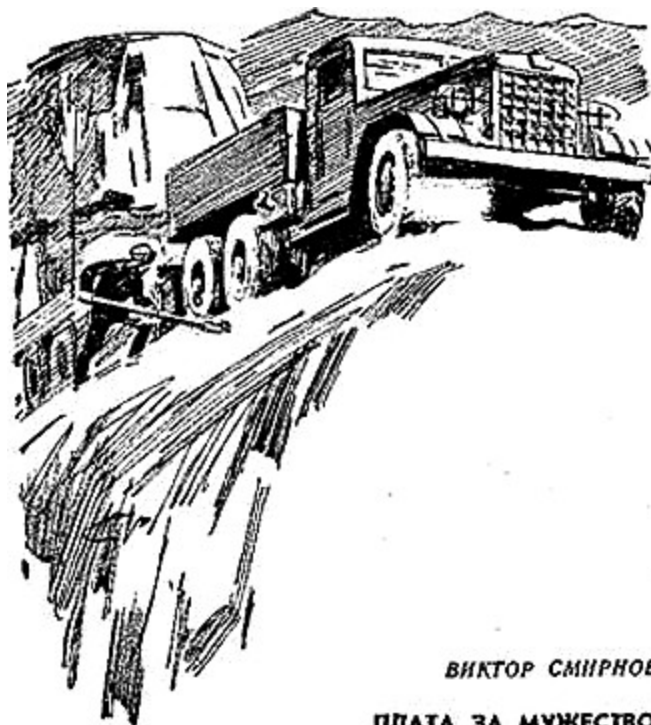
Но есть в нашей жизни еще один, пожалуй, самый главный закон, который помогает героям рассказов выходить победителями из необычайно сложных и отчаянных ситуаций. Это закон дружбы, товарищеской взаимопомощи и поддержки. «Человек человеку — друг, товарищ и брат» — так гласит святая заповедь морального кодекса строителя коммунизма.

Действие сказов происходит на земле, на воде и в воздухе, на всех меридианах и параллелях нашей обширной Родины: от берегов Невы до Охотского моря, от приполярной тундры до пустынь Средней Азии.

Среди авторов сборника есть опытные писатели, давно выступающие в приключенческом жанре, но большинство — молодые люди, только вступающие в литературу: ещё и сейчас бродит по

чукотской тундре геолог Олег Куваев; исследует ледяные просторы Антарктиды географ Андрей Капица; несет службу в рядах милиции Василий Томин.

Советские писатели, как и их герои, всегда в походе. А это значит, что читатели получают новые увлекательные и боевые приключенческие истории. Ведь наш сборник намечено выпускать ежегодно. И рассказы, которые войдут в книгу «Приключения. 1965», пишутся самой жизнью.

ВИКТОР СМЕРНОВ

ПЛАТА ЗА МУЖЕСТВО

Виктор Смирнов

Плата за мужество

Турбину грузили на трейлер пять часов. Кран, поднатужившись, поднял её в воздух, и она повисла над платформой, в голубом небе, сверкая светлой краской. Повисла, как капля, с такой же неминуемостью падения. Если, конечно, бывают капли весом в сорок тонн.

Но капля не упала. Кран, поиграв с турбиной, мягко опустил её на трейлер. Рельс, на который должна была лечь турбина, треснул от тяжести, как щепка под гирей.

— Ничего себе деталька, — сказал Макаренко.

Пришлось начинать сначала.

Через пять часов турбина уселась на трейлер. Округлая, дородная, она важно сидела на своем железном троне.

— Царица! — сказал Макаренко. — Как мы её, матушку, довезем?

— Всё шутишь! — заметил Тихон Танке. — Тебе, гладкому, всё шутки.

Турбину привязали тросами к трейлеру, чтобы предупредить её дорожное буйство.

«КРАЗ» набирал скорость.

Теперь их осталось двое: Макаренко и Танке. Длинный и широкий нос автомобиля втискивался в шоссе всё быстрее и быстрее. Встречные машины вежливо прижимались к обочинам. Шоферы затыкали уши и долго глядели вслед дизелю. Они знали, что ожидает водителей «КРАЗа» на долгом восьмисоткилометровом пути.

Горы.

Дорога лежала на хребтах с причудливостью второпях брошенной телеграфной ленты. Дорога выписывала крендели, танцевала среди обрывов, лезла на перевалы, падала в распадки и снова лезла вверх, к небу, для нового падения.

Реки.

Потеплевшие от весеннего дыхания, они размывали лёд, и в голубых зеркалах промоин уже лежало апрельское желтое солнце.

Мосты.

Старые деревянные мосты, которые отвечали каждой машине стоном и хрипом. Мосты, которые строились в те времена, когда в здешних местах не было ни «КРАЗов», ни турбин.

Каждому, кто глядел со стороны на «КРАЗ», казалось, что за рулем этой машины должны сидеть люди необыкновенного роста и чрезвычайной физической силы. Но Саша Макаренко и Тиша Танке вовсе не были необыкновенными людьми.

Саша Макаренко слыл на тракте первым балагуром и насмешником. Кабина «КРАЗа» была для него слишком просторной, а руль — непомерно большим. Рядом с ним молчаливый сухопарый Танке казался особенно высоким, особенно худым и особенно немногословным. В их характерах не было ни одной черточки, которая роднила бы их. Но вместе они представляли таранную силу.

Этот рейс был для них внеплановым и неожиданным. Вообще этого рейса не должно было быть.

Их подняли ранним утром, ещё в сумерках, как по тревоге. Ребята отсыпались после тяжелых зимних рейсов. «КРАЗ» отдыхал во дворе гаража в самом дальнем углу, среди грузовиков — массивный буйвол, случайно забредший в загон для овец. Каждую весну с потеплением «КРАЗ» уходил в этот загон. Он мог работать только зимой, когда на реках лежал лед стальной прочности. Мосты не выдерживали тяжести «КРАЗа». Весна разъединяла Сашу Макаренко и Тишу Танке.

Ранним утром, в сумерках, Тиша Танке прыгал на одной ноге, натягивая сапог, и ворчал, как умеют ворчать шоферы, когда они сердиты. Он ворчал, имея в виду начальство, стоявшее перед ним в лице диспетчера, и заодно Сашу Макаренко, потому что за зиму он привыкал ворчать на своего напарника и не сразу расставался с этой привычкой.

Диспетчеру было двадцать лет. Он пришел к шоферам как секретарь комитета комсомола и как человек, ответственный за доставку грузов на тракте.

— Ты пойми, — говорил он и бил себя в грудь. — Турбина. Ночью. Никто из нас и не думал... А на стройке её, знаешь, как ждут? Сейчас не вывезем — останется до зимы. А что такое стройка без энергии? Что такое комсомольская стройка без электрической энергии, скажи ты мне?

И вот они мчатся по тракту навстречу горным рекам и перевалам. Турбина давит на задние колеса дизеля всеми сорока тоннами. Нос машины подпрыгивает на неровностях асфальта, как легкий катер на волне.

Теперь за рулем Танке. Краем глаза он высматривает в боковом зеркале убегающий назад тракт.

Танке... Разумеется, шоферы зовут его Танком. На курсах водителей, когда Тиша был совсем зеленым и в уголках его глаз не собирались стайкой морщины, ребята звали его Танкеткой. Прадед Тиши, Стефан Танке, прибыл в Сибирь по этапу — он участвовал в восстании против царя. От Стефана и пошли сибирские Танке — революционеры и красные командиры, механики, шоферы и трактористы. Им, сухопарым, крепко сбитым, настойчивым, хорошо пришлась резкая и звонкая, как броня, фамилия Танке.

Смеркается. Ветер гонит по шоссе пыль — розоватую в закатных лучах. Над заснеженными сопками светлеет тонкое лезвие новенького месяца.

— Молодик ветерком обмылся, — замечает Макаренко. — Жди тихой погоды.

Краснеют в сумраке кабины огоньки папирос. Макаренко оглядывает панель. Стрелки приборов ведут себя, как прилежные ученики на экзамене. Мотор здоров.

Они, Танке и Макаренко, знают, что стоит добиться прилежания стрелок. Рука Саши, в которой тлеет папироска, покрыта синеватыми шрамами, светлыми ссадинами и розовыми следами тех ожогов, которые морозный ветер оставляет на коже, смоченной бензином.

Ты кино такое, «Плата за страх», смотрел? — спрашивает Макаренко. Он спрашивает об этом не в первый раз. Надо же занять молчаливого товарища. Без разговора и дорога длинней, и глаза слипаются, и руки тяжелеют. Сам Макаренко и пяти минут не высидит молча.

— Смотрел.

— Во шофера, а?

— Да ну, шофера! Из-за денег...

Потом они говорят о других кинофильмах: «Адские водители», «Порожний рейс», «Там, где кончается асфальт». Макаренко не пропускает ни одного фильма о шоферах.

Ночь ложится на землю тихо и бесшумно, как черный парашют. Светлая дорожка от фар бежит впереди машины. Макаренко пересаживается за руль и до отказа топит сапогом педаль акселератора. Надо успеть. Надо спешить, пока гололедица не легла на дорогу блестящей лентой. Танке, кое-как свернув клубком свое длинное нескладное тело, укладывается на горячее жестяное днище кабины. У него отдых.

— Тиш, а Тиш!

Танке не отвечает. Ему положен отдых, и он должен отдохнуть. Он должен заставить себя отдохнуть на этой горячей сковородке, которая заменяет ему постель. Пунктуальный водитель Тиша Танке.

Тогда Макаренко запекает песню. Он сам сложил эту песню, когда ещё только приехал в Сибирь с Украины, потом песня стала кочевать по тракту.

Я на «КРАЗе», друг на «МАЗе», йдэм!..

Глянув я на спидомэтр, до стовба остався мэтр, бэм!..

«КРАЗ» с грохотом и ревом ползет на сопку. Стрелка спидометра все ниже и ниже кланяется нулю. Днище раскаляется от огненного усилия мотора, и Танке беспокойно ворочается под ногами Макаренко.

— Это еще чепуха, — бормочет Макаренко. — Так, дурныця, а не гора. Настоящие горы впереди.

Впереди у них всё: реки, горы и гололедица на перевалах.

Первая река. Она хлюпает, хрюкает, шуршит — в «окнах», пробитых чьими-то колесами и солнечными лучами, выются-перевиваются жгутики быстрой и чистой горной воды. Солнце ещё не вышло, оно бродит где-то за пушистыми рассветными облаками, но горы — они развертываются за рекой, как декорация, — уже розовеют, легкие, утренние горы, словно дымки.

«КРАЗ» стоит у самого берега, упершись тяжелыми колесами в гальку. Он стоит, как собака у неостывшей миски, — он ворчит всеми цилиндрами, и его тупо обрубленный нос выражает и готовность к прыжку и боязнь.

С высокого и хрупкого деревянного моста, стоящего на тонких мухоморных ножках, за шоферами наблюдает начальник гидропоста.

Бесполезно! — кричит он. — Тут до вас «ЗИЛ» сидел. Бесполезно!

Помолчал бы, — бросает Макаренко. — Наблюдатель!

Макаренко и Танке долго ходят по льду, нагибаются к полыньям, деловито щупают холодные закраины. Они не имеют права идти на явный риск. Утопишь турбину — не вытащишь. Нет здесь такого крана, чтобы вытащить из реки сорокатонную турбину.

Но не имеют они права и задерживаться.

Тиша Танке сгибается над полыньей. Рассматривает сквозь прозрачную воду каменистое дно.

— Принеси-ка прутик.

Саша подает ему длинную хворостину, гибкую, как удилище. Танке опускает хворостину в промоину. Надо узнать, где здесь, на этой реке, самые глубокие места. Где глубоко, там течение тише. Где тише течение, там толще лёд. Где толще лёд, там и переправа.

Наконец трасса намечена. Танке становится на другом берегу, изображая вешку. На него должен взять направление «КРАЗ». Танке стоит вытянувшись, ничем не выдавая волнения.

— Из тебя хороший столб получится! — кричит Макаренко с подножки дизеля. — Телеграфный!

Танке, очень серьезный, показывает напарнику кулак. Ему, Макаренко, всё шуточки! До чего обстоятельная личность!

— Разгон больше! — кричит Тиша. — Гони всю!

Макаренко машет рукой: «Знаю!» Он дает обороты двигателю. Взрывное эхо прокатывается по реке и убегает куда-то к горам. «КРАЗ» кидается вниз, как ныряльщик. Он катится по льду прямо на Тишу Танке. Все это длится несколько секунд. Передние колеса уже хватают пологий берег. Вслед за ними выскакивают все шестнадцать колес трейлера. Пыхают сжатым воздухом тормоза.

Готово.

— Лиха беда начало! — говорит Макаренко напарнику.

Тот усаживается на сиденье.

— Достань-ка термос, Тиша. Что-то пить захотелось.

Гололедица начинается, когда машина вкатывается в горы. Сначала легкие и светлые, они темнели на глазах и росли, росли, и вот уже нет горизонта, а вокруг тяжелые каменные утюги, присыпанные снегом, покрытые ершистым покровом лиственниц.

В горах много снега, но мартовское солнце жжет и здесь. На северных, затененных склонах тракт покрыт влажной ледяной корочкой. Дизель с ревом катит турбину на подъем. Но вот колеса

начинают беспомощно вращаться на одном месте. «Вву-вву-вву», — ревет двигатель. Машина не находит точки опоры. Трейлер заносит куда-то в сторону. Танке выворачивает руль.

— Саша!

Макаренко на правах второго пилота отжимает назад рукоятку межосевого дифференциала. Теперь задние колеса должны вращаться одновременно.

Раз — включен и рычаг демультипликатора. Мощность машины возрастает.

«Вву-вву-вву», — продолжает реветь дизель.

— Саша!

Макаренко выскакивает из кабины, ноги его разъезжаются и скользят на льду. Он выдирает из-под обоймы запасного колеса, за кабиной, лопату. Это тяжелая экскаваторная лопата с хорошо развитой челюстью. Ворочать ею может человек, знакомый с тем, что такое мозоли. На трейлере — кучи песка. Макаренко сыплет песок под колеса, лопату за лопатой, вытирая пот замасленным рукавом телогрейки.

Ну, поднатужься, «КРАЗ»!

Танке осторожно отжимает сцепление и чуть увеличивает подачу топлива в форсунках. Теперь нужно поймать момент, чтобы колеса дрогнули чуть-чуть и не пробили сквозь песок ледяные лунки. И чтобы не заглох мотор на малых оборотах. Надо сдвинуть с места эти пятьдесят тонн, вцепившиеся железной хваткой в хвост тягача. Сорок тонн турбина и десять тонн трейлер.

«Врр-врр-врр», — рычит дизель. Это уже не вой, это ласковое рычание. Колеса дрогнули и потянули трейлер. Турбина величественно поплыла среди лиственниц. Горы заиграли эхом от двигателя.

Через минуту-две снова вой дизеля.

— Саша!

Лопату за лопатой — песок. Шаг за шагом рядом с колесами — осторожно, чтобы не поскользнуться и не растянуться под рубчатой шиной. Кончается песок на трейлере — остановка. Поиски ближайшего фанерного щита с надписью «Подсыпка». Там под снегом горки золотистого песка. Люди с осени позаботились о тех, кому придется буксовать весной.

Танке за рулем — Макаренко за лопатой.

Макаренко в кабине — Танке кидает под колеса песок.

Так встречают их горы.

Подъем длится до сумерек.

Макаренко спит в ногах у Танке. Он вздрагивает, что-то бормочет и бьет ногой по щиколотке напарника. Это Макаренко во сне нажимает на тормоза. Он делает то, что делает и Танке. Только Танке наяву, а его приятель во сне.

Машина бежит вниз, нагоняет время, упущенное на подъеме по ледяной дороге. Тракт петлями спускается с Лысой. Лысая — это первая большая гора. Она позади.

Вираж. Шипит воздух в тормозах. В лучах фар мелькает восклицательный знак: «Прочие опасности» — черный восклицательный знак в желтом треугольнике. Когда те, кто придумывал дорожные знаки, изобразили на них локомотив, грузовик, человека с лопатой, детей, зигзаг, круг, когда они исчерпали всю свою фантазию, они обратились к восклицательному знаку — символу, скрывающему за собой все опасности, которые могут встретиться в дороге.

Над всей этой дорогой следовало повесить восклицательный знак. Такой гигантский знак, точка которого лежала бы где-нибудь на горной вершине, а эта самая палка над ней, похожая на жезл регулировщика, уходила бы куда-нибудь в облака. Вот это был бы знак!

Танке тормозит. Ещё один вираж. Надо вписаться в него, повернуть «телегу» так, чтобы ни одно колесо не заехало в предательскую гладкость снега, скрывшего под собой кювет. Особым внутренним зрением, свойственным опытному шоферу, Танке определяет положение каждого из десяти колес «КРАЗа». Каждого из шестнадцати колес трейлера. Левее. Ещё левее. И вот теперь, когда, казалось, переднее колесо захватило кромку кювета, право руля. Вот так. И ещё вправо. Теперь можно добавить газу. Время не ждет.

Это его одиннадцатый рейс за зиму. А всего должно быть десять. Но это одиннадцатый. Внеплановый.

Танке трясет головой, отгоняя сон.

Ему предлагали перейти на стройку. Там тоже есть дизели. Ещё побольше этого. «Четвертаки». Они легко берут в свой ящик двадцать пять тонн. Рабочий день на стройке строго отмерен графиком. Семь часов. И дом рядом. Отработал — прими душ в гараже и катись

восвояси. Хорошо. Ну, а кто будет возить турбины и бульдозеры? Разве он не на стройке? Он на стройке. Только, может быть, о нём не вспомнят, когда закончат эту электростанцию и комбинат. Его не будет на митинге строителей. Он наверняка будет в рейсе в этот день.

И, кроме того, он любит горы. Он любит этот тракт. Конечно, есть на свете более легкая работа. Можно её найти, эту более легкую работу. Но он любит своё дело. Он любит, взобравшись на перевал, глядеть вниз, на блуждающие огоньки машин. Любит ветер, и горные реки, и эти крутые виражи. Он любит даже, когда его будят по ночам. Конечно, он ворчит, но ведь не каждого будят между двумя и тремя ночи. Только того, кто очень нужен. Хирурга, который — только он один — может сделать сложную операцию на сердце. Инженера, который может спасти город от наводнения. Будят летчика, который должен обезопасить небо от врага. Будят его и Макаренко — дизелистов-дальнерейсовиков.

Из-за поворота выползают фары встречного автомобиля. На секунду они слепят глаза и тут же гаснут. Алый свет от раскаленных нитей растворяется в ночи. Шофер, почуявший впереди большую машину, прижимается к обочине. Мирнолюбиво светят подфарники.

Танке тормозит.

— Как там впереди?

Шофер кричит, пересиливая рокот дизеля:

— Скользко! Очень скользко. Сидит уже один в кювете.

Шофер оглядывает тускло мерцающую светлой краской турбину.

— Ну и кастрюля!

Танке нагибается к Макаренко.

— Саша, вставай! Опять подъем.

Макаренко вскакивает, протирает глаза.

— Поехали!

Мост. Старый деревянный мост — доски потемнели от ветров и дождей, перила покосились. Перед мостом столбик, на столбике жестяной диск. В диске цифра «15». Мост рассчитан на пятнадцать тонн. Более тяжелая машина может сломать ему деревянный хребет.

Рядом с мостом должен быть объезд для «КРАЗа». Здесь был недавно объезд. Но сейчас его нет. Вырытый в слежавшемся снегу коридор доверху забит пушистым свежим снежком. Здесь прошли снегопады и поработали ветры. Они всегда дуют в этом ущелье.

Надо вызывать бульдозер. Надо вызывать снегоочиститель.

Но нет ни снегоочистителя, ни бульдозера. И нет времени ждать, пока они придут. На это может уйти день, а то и два.

Нам бы радиотелефон, — говорит Макаренко. — Позвонил по ноль один, вызвал помощь.

Болтаешь! — раздраженно отвечает Танке. — Нет тебе покоя.

Плохо тебе было бы без моей болтовни, — замечает Саша. — Завял бы, как тюльпан в солярке.

Вдвоем идут осматривать мост. Каждый сибиряк — плотник. Даже если он имеет дело только с железом, он должен знать толк в дереве. Без этого здесь не проживешь.

Они ощупывают мост, как придиричвые покупатели на ярмарке. Проверяют каждый держак и каждый гвоздь. Ковыряют мозолистыми пальцами труху.

Вообще-то раз перед мостом стоит ограничительный знак, ехать по нему нельзя. Это грубейшее нарушение всех инструкций. Если что-нибудь случится с мостом, они будут нести ответственность за ДТП — дорожное происшествие. Паровая турбина мощностью в несколько тысяч киловатт не игрушка.

Однако какое дело тем тысячам строителей, которые их ждут, до запрещающего знака и всех шоферских переживаний? А если за дни ожидания вскрыются реки? Впрочем, их никто не будет судить, если не доставят турбину на стройку. У них будут объективные причины. Причины-то будут, но турбина...

— Выдержит! — после долгих исследований решает Танке. — Запас есть.

Он вколачивает обухом вылезший гвоздь. Ещё целый час они подправляют мост то тут, то там.

Потом, когда «КРАЗ» уже стоит по ту сторону речушки, они снова возвращаются к мосту с топорами в руках. Надо посмотреть, не нарушено ли что-нибудь жесткими колесами дизеля. Не потому, что им хочется скрыть следы нарушения. Просто они хозяева и должны заботиться о том, чтобы везде на тракте был порядок. Особенно на мостах. Мосты — это плечи дороги. Они несут на себе главные тяжести.

В левом баке плещется на дне солярка. А в правом баке вместо двухсот литров солярки двести литров воздуха — правый бак пуст.

Горная дорога, гололедица и объезды съели все горючее, положенное им по норме.

Макаренко работает воздушным насосом, накачивая в форсунки остатки топлива. Километровый столбик, высунув из сугроба жестяные белые крылья, заглядывает в кабину и уходит назад. Ещё один столбик. Тяни, тягач, тяни!

Тахометр предупреждает. Обороты падают. Форсунки судорожно глотают последние порции горючего. Танке чувствует, как снижается сила двигателя. Одна за другой вылетают из упряжки лошадиные силы.

«Чхи!»

— Закурим...

Что ещё остается делать шоферу в такую минуту? Надо посидеть, пораскинуть мозгами. Только теперь, в непривычной тишине, чувствуешь, как набрякла тяжестью каждая мышца, как устал каждый шоферский нерв.

До заправки — пятьдесят километров. До заправки — ни дома, ни заимки. Вот как бывает в шоферской судьбе: спешишь, ведешь счет каждой секунде, а потом случается непредвиденное, и ты... куришь себе в кабине. И дым не сладок тебе, а горек, будто в папиросу набили полыни.

Солнце стоит в зените. Горные снега ослепительны. Потрескивает, остывая, мотор.

Дорога прямо уходит в гору. Черной веревкой она пересекает склоны и теряется где-то в кедраче.

Но вот из кедрача выпадает зеленая капля. Она катится вниз, видны уже зеленая кабина и солнечные отблески на краске.

— Новенький «газон», — замечает Макаренко.

«Газик» весело мчится навстречу остывающему «КРАЗу».

— Стой!

«Газик» тормозит. Из кабины высовывается молодое розовое лицо. На дверце нарисован красный флажок: «Ударник коммунистического труда».

— Привет ударнику от ударников!

Макаренко протягивает юнцу пачку «Беломора». Это вроде верительной грамоты при дипломатическом знакомстве. Без «Беломора» не начнешь серьезного разговора.

Но парень отказывается.

— Не курю.

— Так, так... медицину уважаешь. Спешешь?

— Спешу.

Танке не в силах вынести дипломатии Макаренко.

— Ты лясы не точи! Прямо объясни человеку.

Макаренко вздыхает и объясняет. Солярка кончилась. Надо съездить на станцию и привезти бочку. Или хотя бы три канистры. Вот, собственно, и всё.

У парня вытягивается круглое лицо.

— Обратно ехать? У меня график...

Он нажимает стартер.

— Ну его! — Танке машет рукой. — Сквалыга!

Макаренко вскакивает на подножку «газика».

— Слушай, парень, ты знаешь, что такое комсомольская стройка без электрической энергии? Да заглуши ты мотор!..

И он объясняет розовощекому, что такое стройка без энергии. Потом объясняет, что такое, по его мнению, ударник коммунистического труда. Это, считает Макаренко, не просто гонять по графику. Это не просто театры посещать и читать новинки литературы. Для этого надо за душой кое-что иметь...

— Хватит политграмоту читать, — говорит парень. — Садись в кабину. Поехали.

...У последнего перевала забавное название — Пыхтун. Здесь, в горах, два перевала со смешными именами — Смехтун и Пыхтун. Какой-то острый на слово человек, вроде Саши Макаренко, дал перевалам прилипчивые имена.

Тот, кто сумел вылезть на Пыхтун, может считать себя победителем. Будут ещё горы и сопки, но куда им до этого перевала! Так, мелочь.

Искрятся острые вершины трехтысячников, а в распадках уже тень. Третью ночь встречает «КРАЗ» на пути к стройке.

На Пыхтуне снова гололедица.

Макаренко медленно подводит машину к виражу. За нависшей скалой дорога делает крутой поворот, карабкаясь к седловинке. С одной стороны скала, с другой — почти отвесный обрыв. Здесь кедрач, значит высота порядочная. Кедровые любят высоту.

Сказывается усталость. Руль делает попытку вырваться из натруженных рук. Танке рядом с Макаренко сидит, утопив подбородок в воротнике. Голова его отсчитывает такт, как метроном. Глаза полужакрыты. Макаренко осторожно начинает вписываться в поворот.

Колеса вдруг срываются, словно им надоела черепашья осторожность. Они жаждут скорости. Они кружатся на скользкой ледяной корке.

Буксовка на крутом вираже.

— Тиша, песок!

Танке хватает лопату. Но песка нет — израсходован.

На трейлере должен быть ещё мешок с цементом. Он только что лежал здесь... Выпал. Где-то неподалеку.

Танке бросается вниз по дороге. Падает на лёду. Катится. Вон там, в двухстах метрах, бумажный мешок.

Макаренко еле удерживает машину на крутом склоне. Стрелка тахометра падает.

Где этот Тишка Танке, длинный черт?

Тиша бежит вверх, хватая ртом горный холодный воздух. Он прижимает к груди тридцатикилограммовый мешок.

Ну, быстрее, быстрее! Ноги подгибаются. Когда-то Танке хорошо бегал стометровку. Но только без мешка с цементом. Бегать стометровку с мешком цемента на руках — этому его нигде не учили.

Двигатель глохнет. Схваченные тормозами колеса медленно утюжат дорогу, оставляя за собой черный лоснящийся след. Шестьдесят тонн металла едут к обрыву.

И в эту секунду, почти падая, Танке высыпает мешок под колеса. Тягач как будто натывается на стенку. Он застывает. От черных колес идет пар.

Серый спасительный порошок надежно скрепил дорогу и колеса.

...На четвертые сутки «КРАЗ» остановился у длинной избы-пятистенки, над окнами которой алело полотнище с белыми буквами: «Добро пожаловать!» «КРАЗу» предстояло одолеть ещё не одну сотню километров, но самые опасные реки и самые высокие горы позади.

Турбина будет на стройке. Те тысячи строителей, которые ждут её, могут быть спокойны. Турбина будет вращаться. Пусть только не жалеют для неё пару.

Шатаясь, Макаренко и Танке вошли в заезжую.

Шоферы сидели за дощатым столом и ужинали. Консервные банки сияли под голой электрической лампочкой серебристой жестью. Пахло свежим чаем и хлебом.

— Я на «МАЗе», друг на «КРАЗе»! — заорал кто-то из шоферов, увидев Макаренко.

И замолчал.

Макаренко приветственно поднял руку. Лицо его изобразило что-то близкое к улыбке. Он и Танке прошли в одну из комнат и захлопнули дверь. Водители молча глядели им вслед.

Шофер может понять шофера без слов.

Потом один из шоферов взял тетрадь, в которую записывали жалобы и пожелания, вырвал листок в косую клетку и, крупно красным карандашом выведя надпись, прилепил хлебным мякишем листок на дверь: «Не тревожить, не стучать. Спят ребята с «КРАЗа».

Николай Устинович

След человека

НИКОЛАИ УСТИНОВИЧ

СЛЕД ЧЕЛОВЕКА

Нелегкое дело — отмахать по тайге с пудовой котомкой за плечами более тридцати километров в короткий осенний день. Именно об этом подумал Егор Кочергин, когда перед ним неласково сверкнула холодной сталью река. И, кажется, только теперь, когда дошел до реки, где, возможно, ждал его длительный отдых, он почувствовал, как ноют под лямками плечи, горят подошвы ног и побаливает поясница.

Егор остановился на самом краю крутого яра и пытливо оглядел реку. Широкая, могучая, она текла здесь плавно и величаво. Солнце ещё не зашло, но лучи его уже не пробивались сквозь серый войлок облаков и вода отливала чернотой. О том, что она двигалась, можно было догадываться лишь по густым пятнышкам синевато-белых льдинок, деловито спешащих куда-то вдаль. Иногда они сталкивались, издавая еле уловимый звон, кружились и, разойдясь, снова продолжали свой путь. А некоторые, теснимые соседями, прибивались к берегам и, ткнувшись боками о широкие забереги, примерзали.

«Суток через двое станет, — определил Егор и скупно улыбнулся: — Всё-таки приятно, когда твои расчеты сбываются».

Дня три назад, когда он собирался отправиться на промысел в тайгу, колхозники советовали обождать ещё с недельку.

— Не время быть ледоставу, — говорили они. — Не скоро переберешься через реку в кедровники.

Но Егор верил в свои приметы. А они показывали, что нынче ледостав должен быть ранний. День езды на верховой лошади, день хода до реки, потом ещё километров двадцать вниз. Как раз к тому времени морозы скуют реку. Перейди по льду, и вот они, кедровники. В охотничью избушку ещё летом завезены мука, сухари, сахар, соль, боеприпасы. Отдохни с дороги и начинай белковать.

Взглянув на часы, Кочергин решил не делать на яру передышки, как предполагал раньше. Скоро должно было стемнеть, а до места ночевки оставалось всего каких-нибудь два километра. Поправив котомку, он зашагал вниз по реке.

Вскоре впереди послышался глухой непрерывный шум. Там река перекатывалась через неширокую, но опасную для лодок клыкастую

гряды. Зато дальше тянулись спокойные плёсы, где мороз прежде всего сооружал ледяные перемычки.

Пройдя перекат, Егор спустился в глубокую, густо заросшую пихтачом расселину, промытую впадающим в реку ручьем. Сюда не проникал даже сильный ветер, и лучшее место для привала было бы трудно найти.

Только теперь Кочергин снял, наконец, котомку и с облегчением пошевелил онемевшими плечами.

— Шабаш, Руслан! — сказал он собаке, следившей за его движениями внимательными глазами. — Ночуем!

И набегавшийся за день пес тотчас же свернулся на земле калачиком.

Егор любил ночевки в тайге и несложные приготовления к ним. Ему доставляло какое-то необъяснимое удовольствие рубить хрупкие лиственничные сучья, таскать сухие колодины и складывать всё это по-хозяйски, аккуратным штабелем. А разведение костра он превращал прямо-таки в священнодействие. Надо было видеть, с каким увлечением, забывая обо всем другом, собирал он тончайшие берестяные листочки, бережно прикрывая их кусками толстой бересты и потом искусно обкладывал этот «запал» сучками — сперва с соломинку, затем всё толще и толще. И когда от поднесенной спички всё это хитроумное сооружение вспыхивало, когда к запаху хвои примешивался горьковатый запах дыма и в пристроенном на сошках закопченном котелке начинала бурлить вода, Егор бывал на вершине блаженства.

Из-за страсти к разведению костров Кочергин получил в своей деревне прозвище «Норвежец». Точнее, из-за последствий этого увлечения.

Года три назад, когда Егор собирался отпраздновать своё сорокалетие, не было у него никакой бороды. Но случилось так, что в самом начале промысла он потерял бритву. А когда пришло время выходить из тайги, лицо его окаймляли красивая черная борода и щегольски подкрученные усы. «Ведь идёт, — подумал Егор и тут же решил: — Снимать не буду».

Жена вначале поворчала, но потом согласилась, что и в самом деле бородку сбривать не надо: очень уж мужественный вид придавала она Егору.

Но вскоре случилась неприятность. Разжигая в дождливую погоду костер, Кочергин, раздувая его, так увлекся, что не успел и ахнуть, как вспыхнувшее пламя начисто слизало правый ус.

Делать нечего, пришлось сбрить и левый. И осталась у него одна окладистая черная борода. «Это по-норвежски», — сказал кто-то. И прозвище «Норвежец» накрепко пристало к Кочергину.

Вспомнив сейчас о том случае, Егор усмехнулся. Нет, теперь он не ткнется лицом в костер. Теперь он научился разжигать его при любом дожде. Достаточно одной спички.

И, словно подтверждая это, прозрачные красноватые язычки дружно побежали по сучьям. Весело затрещал сушняк, залюбился в раскидистых ветвях голубой дым, в хмурое небо взметнулись еле заметными точечками искры.

Егор удовлетворенно хмыкнул и, отойдя в сторону, стал рубить пихтовые лапки для постели.

Кочергину некуда было спешить, и утром он долго чаевничал у костра. За ночь небо очистилось от войлочных облаков, день обещал быть ясным и безветренным.

К восходу солнца сильно приморозило. В тайге стояла та чуткая звонкая тишина, когда далеко бывает слышен даже звук упавшей шишки. Березы и осины давно сбросили листву, тайга посветлела и как бы поредела. Высокие травы полегли, покрылись инеем и похрустывали под сапогами, как хрустит пересохшая солома.

Собравшись в дорогу и тщательно затушив ещё тлеющую нодью, Егор начал спускаться к устью ручья. Едва он прошел сотню шагов, как наткнулся на свежее кострище. Дня три, может быть, четыре назад здесь кто-то ночевал. Скорее всего — четыре. Тогда шел дождь, и путнику пришлось делать над своей постелью маленький навес из пихтовых лапок. Но кто это мог быть? Охотники из их колхоза ушли в другую сторону; сюда, к реке, направился один он, Кочергин. Кто-нибудь из проплывавших по реке?

Егор пробрался сквозь частый мелкий ельник к самому устью и удивленно присвистнул. Перед ним лежала наполовину вытянутая на камни голубая лодка. От высоко поднятого носа к вбитому в землю колу тянулась длинная цепь. Корму залила вода. Сквозь неё был виден пролом в днище — одна доска сломалась пополам от сильного удара снизу. Это была моторка, но двигателя на ней не оказалось.

Взглядом знатока Кочергин определил: подручными средствами суденышко не наладить. Это понял, конечно, и хозяин лодки. После того как на перекате произошла авария, неизвестный путешественник прибил к берегу и, убедившись, что дальнейшее плавание невозможно, лодку надежно привязал, а мотор снял. Но куда он его упрятал?

Егор стал приглядываться к следам. Влажный песок был истоптан вокруг сапогами с рубчатыми подошвами.

Кожимитовые рубчики наполовину стерлись, видимо человек немало походил по тайге. Там, где подъем на яр был менее крут, виднелось подобие тропки: путник прошел здесь несколько раз.

Кочергин поднялся на яр.

Он не ошибся. У большого, вросшего в землю камня виднелась разрытая и снова старательно притоптанная рубчатыми подошвами земля.

Кочергин расковырял мерзлую корку, и скоро конец ножа звякнул о металл. Раскопав отверстие шире, он увидел часть засыпанного землей мотора.

«Молодец! — мысленно одобрил Егор неизвестного путника. — Позаботился о лодке и о моторе. Только не до конца додумал. Мотор-то сохранится, а лодку весной унесет. Вместе со льдом...»

Заровняв землю, Кочергин спустился под яр, подергал лодку за цепь. Нет, одному не втянуть. И оставить нельзя. Унесет...

Подумав, он отошел в сторону, свалил стройную молодую пихту, очистил ствол от веток и разрубил на несколько частей. Разложив катки перед лодкой, Егор перекинул цепь через плечо, поднатужился. Не скоро, с большим трудом удалось ему затянуть лодку на кругляки. Дальше пошло легче. Постепенно перекладывая катки из-за кормы под нос, он вытащил лодку в безопасное место и привязал к дереву.

— Вот теперь будет ладно, — сказал Кочергин удовлетворенно и рукавом вытер со лба пот.

«Интересно, для кого это я старался? — подумал он. — У наших охотников таких лодок нет. Скорее всего возвращался человек из какой-нибудь экспедиции. Но почему один? И куда он теперь направился?»

Отдохнув, Егор приладил котомку и двинулся своим путем. Спешить было некуда, но до места добраться к вечеру всё же следовало. За ночь шуга погустела, шире стали забереги. Ниже, где река мелка и спокойна, её, может, уже и сковало.

Но вскоре Кочергину пришлось остановиться ещё раз. За крутым поворотом, где кончился яр и потянулся низкий лесистый берег, Егор наткнулся на усеянную щепой площадку. Песок был истоптан всё теми же рубчатыми подошвами. Невдалеке виднелись пни недавно срубленных сухостойных пихт. У самой воды валялись поломанные тальниковые вицы ^[1].

«Вот как! — весело подумал Егор, радуясь сообразительности незнакомца. — Салик ^[2] сделал! Ну, этот в тайге не пропадет, до места доберется. Находчив».

По-видимому, путник ночевал и здесь: в кострище нагорело много золы, рядом валялись примятые пихтовые лапки. На этом следы человека кончились, дальше мелкий береговой песок был чист, как неисписанная бумага.

— Уплыл, — прошептал Кочергин, глядя на бесконечный, всё густеющий поток шуги. — Дай-то бог, чтобы проскочил...

Осень — лучшее время в тайге. Исчезает в эту пору страшный бич всего живого — гнус, лежат и перестают мешать ходьбе буйные травы, спадает выматывающая силы жара. А главное — созревают к осенним холодам пушные богатства тайги. Темнеет искрометная шкурка соболя, и становится дымчатой шубка белки. И как же приятно начать промысловый сезон метким выстрелом!

Пока Егор шел неторопливо по берегу, Руслан облаял несколько белок. Охотник взял их спокойно одну за другой. Зверьки были полные, упитанные — корма им нынче хватало. Промысел обещал быть удачным. И это поднимало настроение.

Кочергин потихоньку мурлыкал песни про славное море — священный Байкал, о диком бреге Иртыша, о могучей енисейской волне. Пробовал сложить песню про свою реку, возле которой сейчас шёл, но как-то не получалось. Слова подбирались вроде и ладные, а мотивы лезли в голову давно известные. В конце концов он вздохнул и сказал:

— Не выйдет, Руслан, из твоего хозяина композитора. Таковы-то, брат, дела...

Руслан вежливо крутнул загнутым в баранку хвостом: дескать, что поделаешь...

Так и шли они по берегу — охотник и пес, оба довольные жизнью и друг другом, оба благодушные в предчувствии хорошего промысла.

Чем дальше, тем шире разливалась по плоской равнине река. Вырвавшись из гор в долину, она разбивалась на множество больших и малых проток. Одни были уже вплотную забиты шугой, по другим льдины ещё двигались, но двигались медленно, налезая одна на другую, упираясь в берега, надолго останавливаясь. Близок, близок был полный ледостав.

До места, где Кочергин обычно переходил через реку, оставался какой-нибудь час ходьбы. Там у него был сделан добротный, покрытый корой и дерном шалаш. В нём в ожидании ледостава ему приходилось жить по нескольку дней. Но нынче он там не засидится. Отдохнет денек и перемахнет на другой берег, в кедровники.

От этих мыслей Егора отвлекло странное поведение Руслана. Пёс насторожил уши и, приняхиваясь к песку, молча бросился вперед. Ясно было, что он напал на чей-то след.

Кочергин по привычке, сам того не замечая, сдернул с плеча ружье. И так же непроизвольно быстро огляделся. Никого...

Через несколько шагов он остановился, склонился над землей. Опять след человека. Рубчатая подошва сапога!

Вот здесь незнакомый путник сошел со льда протоки на берег, бросил длинный шест, ставший теперь ненужным. На самой середине протоки виднелся затертый льдами салик.

Кочергин всё понял. Где-то там, вверху, человек направил свой плотик в крайнюю протоку. А возможно, его затянуло сюда течением. Льдины развернули салик боком, и он закрыл единственный узкий проход. Сзади на бревна тотчас же надвинулась шуга. Будь здесь течение сильнее, льдины разметали бы плотик по бревнышку. Но этого слабого препятствия оказалось достаточно, чтобы лёд остановился. Забереги сомкнулись до весны. Человеку не оставалось ничего другого, как взять шест и, прыгая с льдины на льдину, добираться до берега.

«Не прошел... — покачал головой Егор. — Куда же он теперь подастся?...»

Впереди лежала безлюдная тайга, лишь через много десятков километров река выходила к мало-мальски обжитым местам. Назад тоже далеко, да и знать тропы надо. Одним словом, куда ни кинь — всюду клин.

Хорошее настроение было безнадежно испорчено. Что ждет путника дальше, Кочергин представлял достаточно ясно. В лучшем случае — голод и лишения, в худшем...

«И чего сидел в верховьях до самой шуги! — рассердился Егор. — Чистая глупость! Попробуй теперь выкрутиться...»

Следы вели вниз по течению. На маленьких отмелях они исчезали, но там, где был песок, рубчатые подошвы отпечатались достаточно четко. Человек шел размеренным, уверенным шагом.

Из-за пихтовой поросли показался конусный верх шалаша. Егор свернул к своему временному пристанищу и ещё издали понял, что незнакомец здесь ночевал. Опять совсем свежее, возможно вчерашнее, кострище, опять пихтовые лапки. Но на этот раз сошек у костра не

было, чай путник не кипятил. «Котелок пошел ко дну, — понял охотник. — Хорошо, если только один котелок...»

Кочергин осмотрел набросанные в шалаше ветки. Они были нарублены топориком, а возможно, и нарезаны ножом. Во всяком случае, какой-то режущий инструмент путник имел.

— Всё равно плохо, — вздохнул Егор, глядя на Руслана. — Туго придется мужику...

Пёс приподнял с вытянутых лап голову и, словно соглашаясь с хозяином, вильнул хвостом.

За ночь погода резко переменилась, от звонкой осенней тишины не осталось и помина. Налетевший с гор ветер пригнал белесоватые снежные тучи. Деревья вздрогнули, пошептались друг с другом и возмущенно зашумели. Сквозь густые ветви посыпалась мелкая крупа.

Кочергин вышел к реке. Здесь ничем не сдерживаемый ветер гулял во всю свою силу. Острые ребра вздыбленных торосов дымились снежной пылью. Изредка что-то глухо трещало, торосы посреди реки то начинали двигаться, то вновь застывали причудливыми нагромождениями. Ветер расшевелил успокоившуюся было реку, и теперь она сердито ворочалась, ломая то здесь, то там неокрепшую ледяную броню.

— В хату, Руслан, — мрачно скомандовал собаке Егор. — Не вовремя черт нанес этот ветер. Загорать будем...

В плотном толстостенном шалаше было тихо. От разложенного у входа костра шло приятное тепло. Бушевавшая кругом непогода казалась отсюда особенно пугающе-злой.

И, может быть, от этого мысли Егора неизменно возвращались к незнакомому путнику. Где он сейчас и что с ним? Сыт или голоден? Переживает непогоду в укромном месте или, выбиваясь из сил, упорно бредет наперекор ветру к далекой цели?

Кочергина вдруг перестали радовать тепло и покой. Исчезло ощущение примитивного, но драгоценного таежного благополучия и уюта. Всё сильнее овладевали душой беспокойство и недовольство собой.

И как-то без четкой и ясной мысли руки сами собой потянулись к ружью и котомке.

— Пойдем, Руслан, — сказал Егор.

Собака сладко зевнула и неохотно выползла из шалаша.

Уже шагая под качающимися деревьями и захлестываемый струями колючей крупы, Кочергин определил, что он должен сделать. Сегодня ему всё равно на тот берег не перейти. Вероятно, и завтра. И, вместо того чтобы отсиживаться в шалаше, надо пройти по берегу. Возможно, незнакомец где-нибудь совсем близко переживает непогоду.

Надо посмотреть, что с ним. Человек попал в беду — это бесспорно. Уж если потерял даже котелок... Нельзя допустить, чтобы ушел он с голыми руками навстречу гибели.

Выл и свистел в вершинах деревьев ветер, потрескивали и дымились торосы, постепенно белела от снежной крупы земля, а Кочергин всё шагал и шагал размеренно вниз по реке.

К концу дня наткнулся он на разметанные ветром остатки костра. Незнакомец здесь не ночевал, костер был разложен на открытом месте. Ага, вот оно: беличья лапка! Путнику повезло, он добыл белку и, поджарив её на костре, съел. Вот и тальниковый прут, служивший вместо вертела...

Выходит, нет у бедняги никаких продуктов, иначе не стал бы он терять дневное время, чтобы поджарить белку. Неголодный человек сделал бы это на месте ночевки.

Но где он, Егор, догонит этого сильного телом и духом, быстро идущего человека?

Мысли о промысле, о переходе в кедровники отодвинулись куда-то далеко в сторону. Теперь перед охотником сама собою обозначилась совсем другая цель: догнать незнакомца. И Кочергин без отдыха двигался вперед всё тем же размеренным, спорым шагом.

Следующее место ночевки неизвестного путника Егор обнаружил перед самым наступлением ночи. Он уже привык к строгому порядку этого человека: привал только в лесистом распадке, обязательно поставленная наклонная стенка с наветренной стороны, постель из пихтовых лапок. И это несмотря на голод и усталость, когда хочется пренебречь таёжными правилами и ограничиться одним костром. Дисциплина незнакомца вызывала у Кочергина уважение к нему.

Длинная ночь прошла беспокойно. Было холодно, и часто приходилось вставать, чтобы подбросить в костер дров. А когда огонь разгорался, ветер завихривал искры и дым, швырял их в лицо. Несколько раз начинала тлеть ватная телогрейка, чуть не наполовину сгорела повешенная для просушки портянка.

Невыспавшийся, хмурый, продолжал Егор на рассвете свой путь. Погода нисколько не переменилась, только вместо крупы пошел мелкий снег. Тайга совсем побелела.

Впереди в реку вдавался острый каменистый мыс, на краю его стояла могучая лиственница. Она широко размахнулась в стороны толстыми узловатыми сучьями, напоминающими вскинутые навстречу ветру сильные руки.

«Сколько же вынесло это дерево страшных бурь, — подумал Кочергин. — А ведь стоит, и никакая сила его не сломит...»

И тут заметил он, что внизу, на уровне груди человека, на лиственнице широко стесана кора. Затёска была сделана совсем недавно, обнаженная древесина не успела потемнеть от солнца.

Егор подошел к дереву и с удивлением прочитал вырезанные ножом слова: «В яме под камнем». Большая стрела указывала вниз, к корням.

Кочергин отворотил припорошенный снегом камень-плитняк, под ним оказалось небольшое углубление, а в нём между двух кусков бересты обыкновенная ученическая тетрадь. Чувствуя, что здесь кроется какое-то объяснение загадочной истории незнакомца, Егор укрылся от ветра за толстым стволом лиственницы и, волнуясь,

раскрыл тетрадь. Простым, остро очинённым карандашом, неровным почерком, на разграфленных в клеточку листках, было написано:

«Я, гидрограф Леонид Михайлович Зырянов, был направлен в верховья реки, в район озера Светлого, с целью получения дополнительных данных, необходимых для уточнения места постройки гидрометеорологической станции. Мною произведена работа в соответствии с полученным заданием.

Путь от города до озера Светлого мы проделали на моторной лодке вдвоем с проводником Яковом Мельниковым; в дальнейшем он выполнял обязанности рабочего. После выполнения задания Мельников получил расчет и, как это было обусловлено заранее, ушел в свою бригаду, в горы, чтобы заняться пушным промыслом. Обратно я пошел один.

На Васильевском перекате лодка получила пробоину, и я едва пристал к левому берегу возле устья Безымянного ручья. Заделать пролом было невозможно, поэтому лодку пришлось привязать, а мотор снять и закопать у большого камня на яру. Здесь же я сделал салик и поплыл дальше.

В узкой протоке салик затерло шугой, он едва не перевернулся, и при этом в воду упал рюкзак с продуктами и с привязанным к нему котелком. Его сразу же затянуло под лёд. Вследствие затора дальше плыть было нельзя, и я сошел на берег. У меня остались малокалиберная винтовка, двенадцать патронов, походный топорик, большой складной нож и неполная коробка спичек.

Иду вниз по реке в надежде добраться до жилых мест. Продуктов нет совсем. Вчера застрелил и съел белку. Сегодня ночью, когда спал, на спине телогрейки от искры выгорела большая дыра. Сильно порвались брюки.

Не предаюсь отчаянию, но и не тешу себя иллюзиями. Конец может наступить скоро. Обидно будет, если моя работа пропадет даром. Поэтому решил, пока есть для этого силы, изложить кратко результат работ и оставить здесь. Возможно, эта тетрадка будет вскоре найдена. Подлинники дневника и документации несу с собой в надежде на благополучный исход».

Дальше несколько страниц были заняты мало понятными Кочергину чертежами, цифрами и описаниями. В самом конце стояли дата и подпись:

«Л. Зырянов».

И больше ничего. Ни жалоб, ни слов прощанья. Ничего...

Голодный, оборванный, измученный Зырянов, идя по диким таежным дебрям, оставлял за собою след. Это был след сильного духом, мужественного человека.

Кочергину трудно было понять, как это произошло, но факт оставался фактом: гидрограф застрелил выдру. Егор установил это по жалким остаткам выпотрошенных внутренностей, не съеденных воронами, и по клочкам шерсти, примерзшим к обледелой гальке.

В углублении под обрывистым берегом Зырянов жарил на палочках «шашлык». Кочергин подумал, какой вкус должен быть у этого пропахшего рыбой мяса, к тому же без соли и хлеба, и его чуть не стошнило. Но как бы там ни было, а охотник порадовался, что у гидрографа есть хоть какая-то пища. Голодная смерть ему пока не угрожала.

Однако что за выносливость и настойчивость были у Зырянова! Делая только короткие и самые необходимые остановки, он шел вперед так быстро, что между ним и сильным, привычным к таежным походам Кочергиным неизменно оставалось одно и то же расстояние. Егор понял это по той точности, с какой совпадали их ежедневные ночевки.

«Этак я пройду за ним понапрасну всю тайгу», — думал порою Кочергин и сам не мог разобраться, рад этому или недоволен. А иногда ему становилось даже смешно. Это походило на состязание в выносливости, где сзади идущий никак не дождетя, когда же выбьется из сил передний.

Егор попытался представить: какой он собой, Зырянов? Пожилой или молодой? Веселый человек или нелюдим? Семейный или холост? И как-то постепенно в его воображении сложился образ бывалого человека лет сорока, крепкого и немногословного, без ума влюбленного в свою гидрографию и не успевшего из-за этого жениться. Знал он одного такого инженера. Правда, тот был геолог, но ведь жизнь у геологов и гидрографов во многом сходна.

Потом Кочергин стал с беспокойством думать: догадается ли Зырянов привязать шкуру выдры к спине, ведь в телогрейке выгорела

дыра? А ветер дует как раз в спину.

Впрочем, метель начала как будто затихать. Неба по-прежнему не было видно, но тучи поднялись выше и стали светлее, прозрачнее. Они сеяли на землю уже не хлопья, а игольчатую изморозь. Заметно похолодало. Ветер ещё налетал дикими порывами, но, словно обессилев, тут же успокаивался.

По многолетнему опыту Егор знал: ночью вызвездит и ударит настоящий зимний мороз. Вот когда надежно закует реку!

«Как всё стихнет, буду стрелять, — решил охотник. — Над рекой в мороз выстрел километров на десять раскатывается. Может, и услышит».

И вдруг вверху, в туманной мгле изморози, что-то мелькнуло. Можно было подумать, что над вершинами деревьев медленно и бесшумно скользнула большая птица. Разве вылетела не в своё время потревоженная кем-либо сова?

Кочергин поднял голову — и остолбенел. Вертолет! Самый настоящий, спускающийся с неба вертолет!

Но почему он потянул куда-то в сторону? Неужели летчик его не заметил?

Егор сорвался с места и, крича и размахивая руками, ринулся вслед за медленно уходящим вертолетом.

Ага, увидели! Кто-то помахал через борт рукой. Но огромная стрекоза по-прежнему тянула куда-то дальше. Потом она повисла на одном месте и через минуту стала опускаться к земле — как раз в центр маленькой полянки.

Как вертолет приземлился, Кочергин не видел из-за деревьев. Сразу вспотев от волнения, он изо всех сил побежал к полянке. А навстречу ему пробирался сквозь мелкий пихтач человек в авиационном шлеме.

Но странно: чем ближе они сходились, тем медленнее шел летчик. Наконец он остановился совсем.

— Вы не... Зырянов? — донесся до Егора неуверенный вопрос.

— Нет, — покачал головой Егор. И, увидев на лице летчика разочарование, поспешно добавил: — Но я знаю, где его искать.

— Где? — встрепнулся летчик.

Кочергин вытащил из кармана тетрадку.

— Читайте. Потом будем толковать.

Их было четверо: пилот, врач, Егор и Руслан. Они поднялись с маленькой полянки в воздух и медленно поплыли над тайгой.

Кочергин не раз летал на самолетах, но там было совсем другое. Там он смотрел на землю с большой высоты, как на огромную карту. Она постепенно разворачивалась перед ним, и он мог до подробностей разглядеть всё эти ниточки речек, коробочки домов и квадратики полей. А на вертолете, идущем над самыми деревьями, кругозор сужался до предела. И хоть летели очень медленно, в глазах так и рябили мелькающие вершины пихт, елей и кедров, мешая сосредоточиться и приглядеться к тому, что делается на земле.

Впрочем, ко всему надо было привыкнуть. Вскоре Егор освоился настолько, что стал узнавать знакомые места. Вот очередной изгиб реки, до которого ему пришлось бы шагать да шагать, вот протока, огибающая каменистый остров. Где-то там, ниже этого острова, ему пришлось бы сегодня заночевать. И, вероятно, то место от ночевки Зырянова отделял бы еще дневной переход. Но теперь, наконец, он настигнет этого неутомимого гидрографа. И очень скоро.

— Как же вы узнали, что Зырянов попал в беду? — спросил Егор у пилота.

— Об этом нетрудно было догадаться, — ответил тот. — Река замерзла, а от Зырянова ни слуху ни духу. А так как он уехал на моторке, то, значит, и возвращаться должен был по реке.

К вечеру небо, как и предполагал Кочергин, начало проясняться. Последние жидкие белесоватые тучи уползали куда-то в низовья, открывая бледно-голубое небо. Снег больше не шел. Над зубчатым горизонтом показался пепельный серпик луны.

«А вдруг не найдем? — забеспокоился Кочергин. — Скоро стемнеет, как тогда его увидишь в этой чащобе?»

Егор посмотрел на летчика. Его лицо было непроницаемо. Никто не мог бы сказать, волнуется ли он, закрадываются ли в его душу тревожные мысли. Спокойно и невозмутимо поглядывал он то на приборы, то вниз на землю. Наверное, с таким же спокойствием

воспринял бы он любую радость или беду. Таково уж свойство его профессии, вырабатывающей твердокаменные характеры.

А летчик, если бы он пожелал, мог бы поведать о своих самых обыденных, будничных думах. Зырянов где-то здесь, в этом квадрате. Уйти отсюда он просто не в силах. Возможно, над ним уже пролетели. Тайга у берега слишком густа. А через полчаса начнет темнеть. Значит, не исключено, что придется заночевать на какой-нибудь поляне. А утром продолжать поиски.

Врач же думал о том, что его присутствие здесь, вероятно, окажется ненужным. По словам Кочергина, Зырянов идет непрерывно и быстро. Значит, он пока здоров. Если, конечно, ничего не случилось сегодня. В тайге беда караулит одинокого путника на каждом шагу.

И только Руслан был далек от всяческих забот. Свернувшись калачиком, он безмятежно спал в ногах хозяина, словно путешествие на вертолете было для него самым обычным делом.

На западе угасала скупая, неяркая заря. От дерева к дереву поползли синеватые зыбкие тени. Серп луны озарил призрачным голубоватым светом причудливые нагромождения торосов.

Вертолет сделал один круг, второй. Потом пилот посмотрел вправо, влево и молча повел машину на посадку.

Зима пришла сразу и всерьез. Утром солнце долго не показывалось из морозного тумана, а когда, наконец, выглянуло, в тайге нисколько не стало теплее. Рыхлый снег на земле и деревьях заискрился бесчисленным множеством холодных блесков, на белой пелене четко обозначились синие тени. В тишине звонко раздавался каждый звук, дым от костра поднимался к небу прямым столбом.

— Пора! — сказал пилот.

Лететь решили в обратном направлении — вдоль реки.

— Мы его вчера просто не заметили, — говорил летчик. — Возможно, он уклонился от реки в сторону. Во всяком случае, искать надо здесь.

И опять замелькали под вертолетом вершины — стрельчатые, кудрявые, запорошенные снегом, голые... Бесконечно тянется белая торосистая лента реки, до уныния однообразно чередуются неисчислимые изгибы и выступы берега. Какой же незаметной пылинкой был здесь одинокий человек, пришедший разведчиком от тех, кто в конце концов покорит и освоит эту дикую сторону!

Вертолет внезапно круто повернул вбок и сбавил скорость. Кочергин тщетно пытался увидеть внизу что-нибудь новое. Всё тот же заснеженный берег, разлапистые пихты, крутой яр...

Нет, вон вдали какая-то темная точка. Она как будто движется. Ну да, так и есть. Человек!

Пилот посадил машину в сотне метров от путника. И пока все вылезали на землю, он приближался быстрым, неровным шагом.

«Не он!» — мелькнула мысль у Егора. Ведь по его представлению Зырянов должен быть кряжистым сорокалетним мужчиной, а этот щупленький, молодой, долговязый. В следующее мгновение Кочергин заметил шкуру выдры. Гидрограф положил её на спину мехом к телу и сверху надел прожженную телогрейку.

Врач и пилот забрасывали Зырянова вопросами, а Егор стоял в стороне и думал, что вот и кончилось его неожиданное приключение, что теперь надо переходить на другой берег и, по пути промышляя, двигаться по кедровникам к своей избушке.

— Нет, не видел я вчера вертолета, — отвечал Зырянов, торопливо отправляя в рот кусок шоколада. — Слишком густой шел снег. Какое-то гуденье до меня доносилось, но я и не подумал, что это имеет отношение ко мне. Рассчитывал только на свои силы...

— Чрезмерная уверенность, молодой человек, — буркнул врач, может быть недовольный тем, что ему оказалось нечего делать.

— В нашем таежном деле без надежды на себя нельзя, — вступил в разговор Кочергин. — На помощь надейся, но и сам не плошай.

— Ну, на этот раз Леониду Михайловичу повезло, помощь шла с двух сторон, — улыбнулся пилот.

— А он бы сам тоже добрался до жилых мест, — убежденно сказал Егор. — Уж в этом-то я уверен. Понял, когда шел по следу.

— Давайте по местам, — прервал разговор летчик. — Тронемся.

Врач, видимо, считая, что Зырянов все-таки находится под его опекой, помог ему сесть в вертолет. И тут Егор хорошо разглядел, как исполосованы сучьями брюки гидрографа. Сквозь одну дыру даже виднелось голое тело. Не каждому выдавшему виды таежнику выпадает такое, что перенес этот молодой человек!

— А вы что же? — обратился к Егору пилот.

— Так нам не по пути. Вам — в город, а мне — в обратную сторону, к своей избушке.

Летчик усмехнулся.

— Станный человек!.. Неужели вы думаете, что я оставлю вас, не доброшу до места? После того, что вы сделали...

Кочергин не заставил себя уговаривать. И вот снова смотрел он на знакомые пустынные места, которые вдруг озарились теплом человеческих сердец.

А на полу постепенно таял раздавленный сапогом ком снега с отпечатком рубчатой подошвы.

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ

СЛЫШИШЬ, ЗЕМЛЯ!

Евгений Федоровский

Слышишь, земля?

На зелёном экране локатора появилась крохотная точка. Не было предупреждения, что в такой-то час, в таком-то квадрате моря может появиться самолет. Значит, это был чужой.

Горлов перегонял на свою базу новый истребитель-перехватчик, когда в сетке локатора заплескалась точка на большой высоте.

— Неизвестный летит вдоль границы, — передал Горлов. — Близко. В полутора-двух километрах... Есть сопровождать!

Горлов прибавил скорость. Свист рассекаемого воздуха сорвался назад.

Некоторое время они летели по обе стороны невидимой черты — границы. Потом локатор показал ещё одну точку. Это шел свой перехватчик, поднятый по тревоге. Он спешил сменить Горлова.

— Я ухожу! — крикнул Горлов, склоняя машину в глубокий вираж.

— Цель принял, — ответили со второго перехватчика.

Горлов откинул щиток шлема и вытер шелковым чехлом перчатки лицо. Непредвиденная погоня отвлекла его от маршрута.

Вот тут-то прямо перед глазами вспыхнула красная лампочка. Это значило, что двигатель работает последние минуты, добирая остатки топлива.

Сигнал подмигивает красным глазом: «Когда я погасну, двигатель остановится. Думай. Соображай».

«Попробовать дотянуть до аэродрома? Или катапультироваться, если увижу, что всё равно не дотяну? Нет, надо дотянуть. Новая машина. Отличная машина. Ты только что получил её и должен её спасти... Что бы там ни было, жми до последнего. Выбери глиссаду планирования и такой режим, чтобы двигатель расходовал минимум топлива. И главное... главное — сгони с фонаря этот проклятый лед... Сделай всё, чтобы согнать».

Самолет мчится над морем.

«Интересно, откуда поднялся тот летчик, что пришел на смену?»

Аэродром... Горлов представил бетонные полосы, порядок во всем, столовую, столики с белыми скатертями.

— Слушай, морячок! Сообщи самочувствие, — слышит он голос.

— Превосходное. Обледенел фонарь. Спирта нет. Я слеп, будто выкололи глаза. Тяну на красной, — отвечает Горлов невидимому собеседнику.

— Плохо, — Горлов узнает голос летчика, что вылетел ему на смену. — Ты Сидориху знаешь?

— Какую ещё Сидориху?

— Дыра, — сочувственно сообщает летчик. — Но ближе ничего нет. Слушай внимательно!

Он сыплет цифрами. По коду объясняет, как пробить облачность и выйти на посадочный курс.

Горлов взглянул на карту. Действительно, ближе ничего нет. Но что это за Сидориха? Её не видать на карте. Какая-нибудь посадочная площадка для геологов? Бочка с бензином, шест с флагом и ладонь ровного грунта среди скал?...

— Попробуй вызвать, — летчик называет позывные и отключается.

Но загадочная Сидориха не отзывается.

К фонарю плотной коркой прирос лед. На непроглядном фоне ночи он походит на зеленоватых медуз, запутавшихся в паутине морозных узоров.

В этом зеленом тумане Горлов берет курс на неведомую Сидориху.

Пальцы на ручке управления чуть дрожат.

«Это страх. Нет человека, которому он неведом. Но тебе надо его победить. Ты осознаешь опасность, но всё равно не думай о ней. Когда человек попадает в переплет, он должен думать о другом. Твой самолет идет прямо к этой загадочной Сидорихе. Твои глаза привычно отмечают показания приборов, и пальцы, застывшие на ручке, машинально делают своё дело.

Проклятая слепота. Кто мог предусмотреть, что у тебя так обледенеет фонарь? Этот чужак здорово помотал тебя в облаках. И всё равно не позволяй страху овладеть тобой.

Минуты, минуты... За это время надо решить сотни задач. Не на бумаге, в уме! Определи местонахождение, рассчитай верный курс,

выдержи постоянный угол спуска... Ошибка в полградуса — и всё!

Руками ты ведешь ещё послушный самолет. А куда и как вести, должен подсказать ум. В миллионах клеток твоего мозга хранится много всякого... Ты долго жил и много видел. Твое поколение сделало кое-что. Сейчас ты занят другим — главным, срочным, но это живёт в тебе.

Ты был мальчишкой, ты прочитал книжку «Летчик-испытатель» и захотел летать. Помнишь? «У меня была мечта...

Я не могу сказать, в чём она заключалась. Могу только сказать, что желание летать было одним из её проявлений. Так было в дни моей ранней молодости... И вот я стал летать...» Это слова американского испытателя Джимми Коллинза. Он был хорошим человеком и честным коммунистом. И превосходным летчиком».

Самолет скользит вниз. Крылья пока держат его, работает двигатель, создает тягу. И пока есть время, чтобы подумать.

«Только не волнуйся. Делай своё дело спокойно. Стань бесстрастным, как автопилот, и сохрани те силы, те нервы, которые потребуются для посадки. Это будет самая тяжелая в твоей жизни посадка. Если она будет... Она будет. Ты не позволишь самолету разбиться. Отличная машина. Она тянет, она выручает тебя...

...Когда-то ты в первый раз поднялся в воздух. И сразу потерял аэродром. Показалось, он сзади. А инструктор кивнул в сторону, где стояли крошечные крестики самолетов.

Ты думал, тебе никогда не научиться летной премудрости: выдерживать «капотгоризонт», высоту, скорость — словом, летать гладко и прямо, а не так, чтобы самолет рыскал, как слепой, из стороны в сторону.

Помнишь дежурство на аэродроме?

Стартовый наряд... На раскаленном от зноя аэродроме винты взбивают пыль. Пыль лезет в рот, глаза и уши. Ты стоишь и белым флажком машешь товарищам, разрешая им взлет.

А потом желтое, приземистое здание учебно-летного отдела училища. Глиссады, формулы, чертежи, которые помогали понять, какая сила движет самолет вперед и держит в воздухе.

И снова сумрак утра. Снова полеты.

А потом ты полетел один...

Самолет зазвенел расчалками, прыгнул вверх и оторопел перед выбором: или провалиться вниз, или лететь дальше. Стрелки мигают зелеными цифрами: не унывай, будешь летать... Впереди не маячит голова инструктора, и можно ощущать всё вокруг: и цвет облаков, и свист ветра, и мощь мотора, и смотреть сколько угодно на тесную землю».

Горлов опустил голову к часам. Прошло три минуты с тех пор, как он свернул к берегу. Скорость медленно падает. Теперь двигатель шумит, как примус.

Сидориха не отвечает.

Молчит и летчик, сменивший Горлова. Он теперь ушёл далеко и не слышит.

Самолет врезается в воздух, закручивая за собой тугой поток. На приборной доске настойчиво светится красный сигнал.

«Если уж ты, лампочка, загорелась, то гори дольше... Пока не покажется земля.

Успокойся, ты не в первый раз попадаешь в переплёт. Правда, к этому трудно привыкнуть.

Война... Для тебя она свалилась с раскаленного неба пикирующими «юнкерсами». Истребитель комэска рванулся по полю, но шасси попали в воронку, и самолет встал на нос.

Тебе так сильно хотелось летать и драться, что часы, проведенные в воздухе, проносились секундой. Казались вечностью те дни, когда наступала нелетная погода, или сидели без бензина, или аэродром перебазировался. Верилось, с друзьями не пропадешь.

Славе Рогульскому из Сызрани было девятнадцать лет. Когда тебя добивал «мессер», он прикрыл тебя. После боя он опустил на свой аэродром, привычно спрыгнул с крыла, шагнул навстречу бегущим механикам и вдруг стал тихо опускаться в пыльную траву. Он истек кровью раньше, чем подоспела помощь.

Москвич Коля Кутенко и Вася Звонарев из Ухты. Однажды они сопровождали самолет командующего. На них налетела девятка «фокке-вульфов». Немцы атаковали напористо: знали, простой транспортник русские охранять не станут. Кутенко и Звонарев отогнали фашистов. Они вырвались из боя, чудом держась в воздухе. У их машин прострелили всё, что можно прострелить. Но они были хорошими летчиками. Машина Кутенко потеряла элерон и

заваливалась влево. У Звонарева заклинился в крайнем положении руль поворота, и самолет тоже кренился влево. Но они летели совсем рядом, как будто поддерживали друг друга, и так, ковыляя, «рука об руку», тянули домой».

Горлов поднял взгляд на бронестекло и с ненавистью посмотрел на лёд. Теперь лёд не походил на медуз. Он вцепился в стекло толстой пористой губкой, и никакая сила не сорвёт его.

В первый раз появился лёд, когда Горлов настиг чужака. Уменьшив подачу топлива, он сбавил скорость. Хлопья паров бросились на фонарь. Влага сразу затвердела. Образовался кружок льда, но через секунду фонарь покрылся сеткой белых трещин. Сильней засветилась приборная доска с сотней выключателей, стрелок и цифр. Рука потянулась к тумблеру антиобледенителя. Секунда, две, три... Спирт омыл стекло, и лёд исчез, как будто кто-то жарко подышал на фонарь.

Но через несколько минут снова появился лёд, и снова пришлось включать антиобледенитель. Чужой бомбардировщик-разведчик нарочно летел в такой облачности, где истребителю, рассчитанному на стремительный, кратковременный полет, придется туго.

Разведчик летел у границы нейтральных вод. Заверни он немного к берегу — и конец его полету. Но пилот разведчика, видно, знает дело.

Горлову показалось, что он мог встречаться с ним. Может быть, это тот, с кем они пили вместе спирт? Тогда, на раскисшем фронтовом аэродроме? Они хлопали друг друга по крепким спинам и пили за победу. Тот наливал воды в спирт, сосредоточенно рассматривал мутнеющую жидкость и протягивал руку: «За жизнь, кэмрид!»

Вполне вероятно, что это он или другой, похожий на него, с подбородком, рассеченным глубокой морщиной, старательно огибает мысы и заливы, выдерживая двенадцатимильное расстояние от русских берегов. А инженеры, сидящие рядом, записывают на пленку всё, что приборы могут учуять отсюда.

Конечно, они видят Горлова на своем локаторе и, пока он тут, не сунутся ближе ни на дюйм.

Бомбардировщик прибавил скорость и выскочил из туч.

В голубом сиянии луны вздыбленные тучи внизу были похожи на волны. Пронзительно свистел ветер. И казалось, не двигатель, а это

холодное, фосфорное море клокотало, гремело.

Две черные птицы неслись над ним, забираясь вверх, будто их тянули к себе рассыпанные звезды. Мощь, скрытая внутри, рвалась наружу, выдыхая раскаленный газ. Но вдруг из сопел бомбардировщика потянулась красная полоса. Его нос вяло опустился вниз, к тучам, он заметался, меняя высоты, стараясь ускользнуть от истребителя Горлова, который тенью мчался рядом до тех пор, пока не пришла помощь.

А подросла она в то время, когда в антиобледенительной системе уже не было спирта, когда зажглась красная лампочка...

И теперь двигатель высасывает из баков последние килограммы топлива.

«Черт возьми, летчику надо, чтобы везло. Да, везло! Пока ты видишь красный свет — ты живешь. И самолет слушается тебя».

Двигатель работает, крылья держат обледеневший самолет. Горлов с благодарностью подумал о своей машине. «Новая машина. Отличная машина! Твоя стихия — земля. Но её стихия — небо. Только там она показывает себя. Она слушается тебя. Ей тоже хочется уцелеть».

— Берёза, Берёза! — с отчаянием кричит Горлов, и вдруг его голос кто-то услышал.

В наушниках раздался щелчок

— Семерка, я Сорок третий. Берёза вас не слышит. Следите за нами. Идите прежним курсом.

— Кончается топливо!

В эфир сразу включилось несколько голосов — Двадцать второй, Тридцатый, Сороковой. За кодовыми цифрами скрывались неизвестные друзья. Каждый хотел чем-нибудь помочь Горлову. Помочь советом, добрым словом, ободрить незнакомого им человека.

— Я Сорок третий. Попытаюсь вызвать Берёзу.

— У неё заложило уши! — крикнул Горлов.

И оттого, что за ним следят, его слышат, отчаянно захотелось вернуться целым.

«Может быть, действительно дотяну? Только бы не этот лёд!»

— Сообщите, где я?

— От Берёзы в трех минутах.

— Берёза молчит!

— Выдерживайте курс триста семь.

— Там есть привод?

— Нет привода.

Нет радиостанции, которая пошлет точный сигнал и приведет на посадочную полосу.

Двигатель вдруг напрягся и шумно кашлянул. Горлова бросило к приборной доске, как будто машина наткнулась на какую-то преграду. «Неужели конец?» — мысль показалась страшно дикой, неправдоподобной.

Двигатель всхлипнул, всосав в раскаленные камеры последнее топливо. Самолет снова вздрогнул и стал проваливаться вниз.

«Ты падаешь! Последний шанс — это держать курс триста семь. Катапультироваться уже нет смысла».

Через гул и треск наушников Горлов услышал торопливый голос Сорок третьего:

— Семерка! Отвечай Берёзе.

— Береза, где ты?

— Я Берёза, слушаю вас, — пропищал тоненький голосок.

— Зажгите огни!

Голосок вздрогнул и растерянно прошептал:

— Сейчас, одну минуту...

— У меня нет минуты! Я ничего не вижу!

Горлов прильнул к бронестеклу, пытаясь через ледяную пелену разглядеть огни.

— Семерка! Я Береза. Видишь меня? — вдруг ворвался властный бас человека, который привык командовать.

«Кто-то свой! Этот посадит. Только держись!»

— На фонаре лёд.

— Понятно, дружище... — Голос на секунду умолк.

По бронестеклу запрыгали вспышки огней. Сквозь лед они походили на снежные комья. Ударяясь о фонарь и рассыпаясь, они искрились всеми цветами радуги, слепили глаза.

— Ты правильно зашел. Выпускай шасси!

«Ты сядешь. Ну, разве это так сложно? Главное, быстро выполняй, что тебе скажут».

— Включай фары! Ручку на себя! Сильней на себя! Ах ты какой!..

И через секунду:

— Везучий! Ты чуть не подцепил сопку. Доверни на полградуса. Так... Выпускай воздушные тормоза.

Машину резко тряхнуло.

— Тяни на себя! Та-ак... Два метра... Полтора. О, многовато! Так держи!..

Горлов ничего не видел, но обостренными нервами он чувствовал посадку. Вот сиденье плавно проваливается вниз. Вот машина несется над полосой, гася бешеную скорость.

— Полметра... Убери левый крен!

Горлов качнул ручку в сторону и в следующую секунду услышал, как шасси со свистом резануло землю.

...Рывком он открыл замок и откинул тяжелый колпак. По горячему лицу наотмашь ударил ледяной ветер. Навстречу, брызгая ярким светом фар, мчалась машина с техниками и санитарный фургон.

Горлов выбрался из кабины.

«А земля-то действительно твердая». С минуту он постоял, глядя на горячий ещё самолет. Провел рукой по плоскости. «Новая машина. Отличная».

В небольшом домике он увидел маленького тщедушного радиста в штатском и офицера в летной кожаной куртке, склонившегося над рацией. Офицер рокотал в микрофон:

— Порядок, братцы! Да, да! Уже здесь. До связи.

Он протянул Горлову огромную ладонь.

— Жить тебе, браток, сто лет. Аэродром неважный. Самый что ни на есть запасной. Скажи спасибо парнишке, как тебя?...

— Бороботько, — сказал радист, краснея.

— Ветер антенну сорвал — он тут наладил.

— Как разведчик?

— Что-то у него стряслось. Стал уходить, звал базу, да не дозволялся. Может, дотянул, а может, и нет. Ему-то помощи ждать не от кого...

На рассвете Горлов вылетел к себе на аэродром. Знакомая полоса. Возле неё дружными угольничками выстроились перехватчики.

«Джимми Коллинз погиб. Ты остался жить. Коллинз был превосходным летчиком. Но он всегда был один. Он один шел на риск. И никто не помогал ему. А тебе помогли. Пусть никто не знал тебя, но каждому ты всё равно был дорог.

Это самое важное».

— Заря! Я Семёрка. Прошу посадку! Приём.

Навстречу неслась блестящая от мороси лента бетонки. Тучи, высевавшая последний дождь, скатывались в океан. День обещал быть солнечным.

ГЛЕБ ГОРЫШИН

ЛАХТИНСКИЕ КАМЫШИ

Глеб Горышин

Лахтинские камыши

Он был не виноват, командир торпедного катера. Вёл катер по курсу на учебное задание. Залив был пустой. С северо-запада, прямо от распаханного горизонта, несло свежим ветром. Острую рябь гнало к стадиону имени Кирова, в устье Невки, к стрелке Елагина острова. Командир чувствовал пятками эту рябь. Она была в днище катера. Нос взлетал и с маху падал на жесткую, неровную воду. Брызги секли лицо. Всё вокруг было живо, подвижно и как бы подвластно командиру.

Он глядел на ползущий против Лисьего Носа лихтер и усмехнулся даже: «Тоже плавают люди...» Всякая жизнь, что шла сейчас где-то там, не на катере: вон трамвай тащится, шатает его, беднягу, вон баржу ставят под разгрузку, вон лодка-шалаш, охотничек гребёт к лахтинским камышам, — всё это казалось командиру медленной, слабой, ненастоящей жизнью...

Дизель ревел, море бешено молотило в днище катера, обдавало ветром; ветер был холодный, но, кроме брызг и стужи, он нёс ещё в себе маленькое тепло ноябрьского солнца. Командир был счастлив этим днем своей службы, своим местом и властью на катере, мощностью и солнцем. Он недавно закончил училище имени Фрунзе.

Сначала и не заметил парную двойку. Темная мокрая лодка была не видна, она шла вровень с морем. И гребцы неразличимы: в синем. Только красное пятно, как буюк на воде, шапка наверно. И весла, если взглядеться, взблескивают на солнце.

Лодка шла метрах в двухстах впереди, ближе к берегу, к Лахте. Командир чуть увел катер с курса. Самую малость. Он не мог упустить этот случай. Ему захотелось, чтобы ребята на лодке увидели его, как он стоит на своем командирском месте и смотрит только вперед, как ему нет дела до всяких там гребцов. Пусть ребят качнет на волне. Пусть они крепче держат вальки своих весел, раз вышли в море.

Катер прошел в полусотне метров от лодки, развалил надвое море. Одна волна пошла к Лахте, другая — к Вольному острову.

Гребцы развернули лодку бортом к волне. Они приподняли борт, подставили бегущей воде округлое и скользкое днище. Узенькая, длинная лодка взлетела по крутизне, будто весу в ней как в поплавке-берестянке. Перевалила гребень и скатилась по отлогому боку волны. Волна побежала в берег.

Катер ушел далеко. Его командир не обернулся.

Если бы второму номеру чуть-чуть подгрести левым, боковым веслом, если бы первому номеру не так сильно работать правым. Впрочем, нет. Спасти лодка уже не могла. В кормовом отсеке был порван фальшборт.

Об этом знал первый номер, Сережа Францев, фрезеровщик по дереву с восьмого ДОКа. Это его красную шапку заметил издали командир катера.

Красивая шапка. С помпоном. Её связала для Сережи Майка. Она приходила к нему в гребной клуб. Дожидалась на мокрой от ленинградской погоды скамеечке под липой, пока Сережа тренировался на одиночке. Тренеры и разные мастера спорта предлагали ей поучиться грести. На спуинге. На фофане. И даже на драгоценной, как пианино, на красивой, как скульптура «К звездам», на легонькой лодочке красного дерева — скифе. Майка любовалась скифами и мастерами спорта, но учиться грести всерьез ей не хотелось, а дожидаться Сережу лучше было одной, на скамейке.

Когда он подчаливал к бону, Майка бежала к нему по крутому, с поперечными рейками настилу. Сережа протягивал ей весло и говорил: «Проведи повыше». И она проводила. А потом брала весла и знала, как их положить на бон: вальками вниз.

По дороге домой Сережа доказывал Майке:

— Я с ним ещё потягаюсь. Хоть полкорпуса, хоть четверть, а выиграю. Главное, понимаешь, даже не физическая тренировка, а чтобы самому себе не поддаться. На той неделе мне в день работать. В институте сейчас нельзя лекции по сопромату пропускать. Да ещё комитет комсомола меня выбрали. Ответственным за спортсектор... Возьму у боцмана ключ от эллинга. Буду тренироваться ночью. Зимой лыжами как следует займусь. Тридцатку обязательно пройду за час пятьдесят... Летом — в отпуск, ещё за свой счет возьму недельки две. Как раз перед первенством города. Я вполне могу выиграть у Петрова.

Это в моих руках, понимаешь? В спорте не бывает прирожденных гениев. Только тренировка, только не отступать от своей цели...

— Ты выиграешь у него, — говорила Майка. — Он, конечно, всё время спорту отдает. Не человек, а как весло какое-нибудь. А ты хороший рабочий парень. Тебя на всё хватает. И на спорт и на общественную работу. Ты как человек выше его. Ты обязательно победишь.

Но когда знаменитый гребец Станислав Петров поглядел на Майку, проходя мимо скамейки, на которой она дожидалась Сережу, он решил ещё раз пройти там и поглядеть.

Он сказал Майке:

— Что же вы здесь сидите? Так и замерзнуть можно. Хотите, я вас поучу грести?

Майка сказала: «Хочу». Потому что, хотя она относилась к чемпиону, как к веслу, всё же она была молоденькая и красивая, а значит, безотчетно-тщеславная девочка. Петров показал ей, как нужно садиться в учебный ящик, и она сунула свои остроносые туфли в специальные ременные петли на подножках.

Ей было неловко сидеть на скрипучей тележке — сляйде, ворочать грубое, большое весло. Чемпион обхватил валец поверх её пальцев своими твердыми, как древесина, будто утратившими живую теплоту, но в то же время и внимательными руками. Прикосновения таких сильных рук, их руководящая надежность успокаивали Майку и как бы давали смысл её нелепому сидению в ящике. В сложности своих ощущений, в гордости и робости Майка не заметила, как причалил к бону Сережа Францев.

В этот раз он сам отнес весла в эллинг, а когда они шли с Майкой обыкновенным путем по асфальту Крестовского острова, он всё молчал и был хмур, чувствовал внутри себя неожиданную большую опасность. И злился, потому что вся жизнь, которую он прожил: ремесленное училище, завод, институт и гребной клуб — ни разу не научили его бояться или поддаваться обиде. Эту свою жизнь он сам создал себе. Никто, ни один чемпион не мог его тут потеснить. Сережа сказал Майке:

— Ну что, приголубил тебя Слава Петров? Поучил гребле?...

Он говорил так и знал, что слова его несправедливы, а потому злился ещё больше, чтобы грубостью сразу пересилить свою

неуверенность.

Майка поехала домой в этот раз на двенадцатом трамвае, а Сережа сел в сорок пятый автобус.

Вторым номером в парной двойке, в той, возле Лахты, был Станислав Петров, олимпийский чемпион по академической гребле. Бывший чемпион.

В первой своей триумфальной гонке на олимпиаде в Хельсинки Петров был силен молодостью. Победительная его сила копилась от лодки к лодке: с учебного плота в четверку, из четверки в клинкер, из клинкера в скиф. Он был яростен, и работа веслами на воде была для него, как для волка бег по лесам, счастливой необходимостью. Его молодость пролегла по Малой, по Большой Невке, по Большой Неве, по Крестовке и Ждановке, по взморью от Вольного острова до лахтинских камышей. Он был сильнее и яростнее австралийца Вуда, американца О'Келли, поляка Коцерки. Перед финишем он выигрывал у этих великих гребцов больше корпуса лодки. И он бросил тогда грести, столь велики были его сила, ярость и торжество. Он бросил тогда грести на финише. Он финишировал первым с брошенными веслами. Он даже подтабанил и улыбнулся трибунам...

Когда остыла его юная, уверенная в победе ярость, Петров не заметил, что это произошло. Мышцы его и навык не ослабели, а как нарастить характер и волю, он не знал и не думал, всегда утомленный и возбужденный тренировками на воде.

На европейском первенстве он рванул со старта. Полдистанции вёл гонку. Это была его тактика, его характер. Но тут его догнал югослав. За пятьсот метров до финиша подтянулся англичанин. Петров стал грести чаще, но югослав не отставал от него. И англичанин тоже не отставал. Они шли и шли рядом с ним, хотя он был сильнейший, первые весла мира. Петрову стало страшно и дурно, плохо от страха. Он испугался своего проигрыша. Он повернулся посмотреть на югослава. Он знал, что так нельзя делать. До финиша двести метров. Но он испугался.

Югослав ушел вперед. И англичанин ушел. Тогда Петров бросил весла. Не мог он финишировать в хвосте у победителей. «Вертлюг заело», — сказал он после гонки.

Долго потом не садился в лодку.

Однажды, совсем уже поздно, после сезона, пришел к себе в гребной клуб. Так, чтобы никто не увидел. Эллинг был заперт. Один парнишка на одиночке болтается.

— Слушай, — крикнул Петров парнишке, — боцмана не видал?

— Боцмана нет.

— А ключ от эллинга у тебя?

Парнишка подчалил одиночку к бону, вылез юный такой, в бедрах узенький, длинный, на щеках смуглота не пышет, но крепко живет, ещё разгорится, как октябрьский морозец. В плечах широкий, рубашка обтянута, черный трикотаж будто заодно с телом. Снисходительный.

— От твоего мастерского отделения у меня ключа нет. Мы кустари-одиночки.

Петров поглядел на парнишку. Не так уж часто юнцы говорят «ты» олимпийским чемпионам. Пусть даже экс-чемпионам.

— А я думал, в залив схожу, — сказал Петров.

Парнишка прибрал свою одиночку, протер её днище ветошью с керосином. Кончив всё, сказал:

— Может, на двойке пройдемся? Тут есть одно такое корыто.

...А сам уже двадцать километров намотал. Петроградскую обошел. Прямо со смены — в гребной клуб. Сережа Францев. Он себе увеличил нагрузку с тех пор, как вышла размолвка с Майкой. Раньше вокруг Елагина острова ходил, а теперь — вдвое.

— Давай, — сказал Петров. — Только ты уже выходился. Заметно. Зачем тебе сейчас такая нагрузка? Сезон кончился. Над техникой работай понемножку.

— Ладно, надо и о судьбах советского спорта подумать. Петров не тянет, а смены ему нет. Вот и вкалываем как можем.

— Ну тогда вкалывай.

В лодке они молчали. Только один раз Серёжа не удержался.

— Вальки, вальки не держи, — крикнул он, — живее выбрасывай!

Он глядел на чемпионскую спину. Очень ещё сильная спина. И руки и шея. Все работает ровно, и, кажется, никогда не кончиться этой работе. Станок. Сереже стало даже немного жаль чемпиона. Он чувствовал сейчас свое полное превосходство над этим человеком. Жестокое превосходство юности над старением.

«Перевернуть бы лодку, — подумал вдруг Францев. — Пусть искупается чемпион. Пускай. Это ему полезно. Так, чтобы не очень

плыть до берега... Я ему устрою ванночку».

Против стрелки Елагина острова они положили весла на воду. Тут уже не речка была, но ещё не море.

— Будешь ещё выступать? — спросил Сережа.

— Не знаю.

Петров сказал это неожиданно для себя. Какие же без него настоящие гонки? Только ему захотелось вдруг, чтобы этот парнишка, чужой, молоденький и злобный звереныш, чтобы он сказал ему что-нибудь в поддержку. Или в укор. Пусть обидно скажет. Надоело Петрову это молчание. Все они молчат — тренеры, друзья и девицы. В утешение молчат. Пониманием утешают. Бережным отношением. А что думает этот мальчишка? Тоже молчит.

Сережа думал сейчас не об этом. Как раз такое место было, где можно лодку перевернуть. А дальше — море. Он быстро дакнул на валец, лодка сыграла набок...

Петров тотчас сбалансировал. Этого не перевернешь. Реакция у него электронная. Обернулся.

— Не шали!

— Да вот вертлюг заедает.

— Не приучайся свою дурость на вертлюги сваливать. Это тебе не поможет.

— Ну что, до Лахты дойдем?

— Пошли.

Когда схлынула волна от торпедного катера, они выругались в адрес этого шалуна-морехода. Перевалили волну, не заметили сразу, что корма отяжелела, что зыбью хлещет прямо в дырявый фальшборт. Лодка вдруг присела на корму, подержалась минуту, задравши нос, и скользнула под воду, вниз, всё круче...

Море, то самое море, что вот плескалось вокруг, безобидно рябило, — это море вдруг оказалось огромным, ледящим и беспощадным. Оно вовсе не было тихим. Бегущие по нему крохотные остроголовые бугорки шипели, кидались в лицо.

У Сережи были крепко зашнурованы ремни на подножках. Он не смог сразу высвободить ноги и ушел вместе с лодкой под воду. Вынырнул без шапки. Первая его мысль была о шапке... Но ударил холод и вместе с ним страх. Сковало руки, и плечи, и сердце. Стало слышно, как пульсирует кровь в виске. Набухает и лопаются. Мысли

будто тоже приходят и лопаются вместе с кровью: «Не доплыть. Замерзну. Лодка пропала. Что скажет боцман? Майка ждет на скамейке. Надо выиграть у Петрова. А что, если Петров потонет? Как я без шапки?»

Низкий берег был еле виден, далеко-далеко. Чужая земля. Другая планета. Вот электричка. «Мы здесь тонем, а всем наплевать».

Казалось, это длится уже давно, уже обо всём успел подумать. На самом деле секунды прошли с тех пор, как нырнула лодка.

Она всплыла, но не вся, только нос показался. Петров ухватился и толкает её перед собой туда, к берегу.

Вначале Сережа не видел Петрова. Он только слышал свои мысли. Теперь он глядел, как сильно бьет Петров ногами по воде, как уверенно он плывет и толкает лодку. Сережа обрадовался и быстро догнал Петрова.

— Ничего, — сказал Петров, — я Неву в декабре переплывал.

— Лодку брось. На моторке за ней потом сходим. — Сережа сказал так и вдруг подумал, что эти слова: «потом», «сходим» — теперь не имеют смысла. Берег не приближался. Электричка всё ползла там. Сейчас уползет...

«Мы потонем», — сказал себе Сережа. Но не поверил. Опять очень больно ударило холодом, и нельзя было понять, плывет он или не плывет. Как будто руки двигались в воде, но это ничего не меняло и можно вовсе не шевелиться.

Петров плыл немного впереди, он часто оглядывался, Сережа отставал, правда, но тоже плыл. Он даже кивал Петрову и будто хотел улыбнуться. Но улыбка не получалась у него. Лицо запрокинуто, и было видно Петрову, как трудно парню удержать свое лицо поверх воды, как он вытягивает подбородок, и всё равно уже вода у самых губ, и нужно стискивать губы, чтобы не глотнуть эту пахнущую нефтью воду.

Петров говорил себе только одно слово: «Доплывем. Доплывем». Свело судорогой ногу. Отпустило. Петров боялся судороги. Он долго массировал голень, поджимал колено к животу, шевелил пальцами...

А когда посмотрел назад, парня уже не было видно. Повернулся рывком, поплыл саженьками. Успел схватить за свитер. Вытянул на поверхность.

Глаза у Сережи были раскрыты, но уже не видели. Руки шарили, вцепились мертво Петрову в рукав. Петров замахнулся и сильно ударил Сергея в лицо. Тот дернулся и как будто ожил. Посмотрел. Отпустил руки. Опять пошел вниз.

— Эй, парень! — крикнул Петров. — Держись, гад! Держись за мое плечо и работай ногами!

Сергей поглядел ему прямо, близко в глаза и ничего не сказал.

Но руки положил Петрову на плечи. Петров подтянул его ближе. И поплыл. Он был очень силен, первый гребец мира. Но теперь он знал, что плыть так долго не сможет. Судорога опять.

Сереже стало тепло. Будто он засыпает. Спит уже. И не спит. Он открывал глаза и видел близко, вот, можно дотянуться губами, затылок и ухо человека. Больше он ничего не видел. И не знал, что это за человек. Только затылок и ухо.

Но вдруг затылок ушел вниз. И сразу стало холодно Сережиному лицу. И вспомнилось всё. Он увидел воду и берег... Затылок опять стал на свое место... И можно держаться за твердые плечи.

Петров попытался достать дно. Он знал, что ещё рано, что не может здесь быть дна. Но кончилась сила тащить этого парня.

Вдруг он услышал... Нет, парень не бредил. Живой ещё.

— Ты плыви, — сказал парень. — Ты олимпийский чемпион. Ты будешь чемпионом. Ты будешь... Тебе нельзя утонуть... Я сам. Мне всё равно тебя не победить. Я знаю. Я ведь фрезеровщик по дереву. Я сам... — И он отвалился куда-то.

Петров поймал и опять втащил парня себе на плечи.

— Я тебя убью! — крикнул он. — Ты держись, сволочь, или я тебя покалечу!

«Я вас всех...» — думал теперь Петров. Он думал о великих гребцах мира, о своих соперниках, об англичанах, и югославах, и австралийцах. Они представлялись ему несмышлеными ребятами. Ну, что они могут против него, Петрова? Только бы добраться до берега...

Он был сейчас очень слаб, едва-едва подгребал руками. Но ему казалось, что он сильнее всех в мире. «Я вас всех, — думал он, — я вас всех... Дайте мне только доплыть. Только доплыть...»

Сергей опять затих. Он вспомнил о Майке. Но это было не главное теперь. Он думал ещё о смерти. Не верил в смерть. Не видел

её. Не мог он почувствовать свою смерть. Но он думал об этом, и рядом с этим Майка казалась чем-то далеким и чуждым, как берег. Вспомнилось и сразу прошло. Он думал ещё о том, что не надо ему побеждать первого гребца страны Петрова. Петров отдал спорту свою жизнь. Сергею не хотелось отдавать свою жизнь. Ему припомнился красный треугольный лоскут и у него над станком. Лоскут уже полинял, и надпись надо бы подновить: «Ударник коммунистического труда». Не будет он больше ходить по ночам на одиночке. Устал. Он не может сам плыть, и теперь его тащит олимпийский чемпион.

— Ты плыви, — сказал Сергей, — я...

Но Петров уже не слышал его. Он хлебнул воды. Вырвался. Ещё хлебнул... Ноги сами начали опускаться...

И вдруг коснулись дна. Петров встал на дно. Дно тут было твердым и каменистым. Можно идти. Он ещё не верил в это. Он шатался и падал. Сказал Сергею:

— Живые.

Он сгреб Сергея и поволок. Долго тянул его по мелководью, по камышам, по болоту. Иногда валился, задыхался и дико глядел по сторонам. Говорил кому-то: «Я их всех!» И скрипел зубами. И шел, не чуял прикосновения и шелеста лахтинских камышей. И плакал. Оплакивал свое прошлое, в котором была ошибка. Но в слезах его была также и радость. Ему открылось будущее и победа.

На Приморском шоссе Петров положил Сергея прямо на асфальт и сам тоже сел. Он сказал Сергею, запинаясь от холода:

— Мы с тобой их всех... сделаем. Мы их... На двойке. Ты на первом номере... Я загребать буду... Мы с тобой вдвоем... Я знаю...

Сергей ничего не ответил, и не понять было, слышит он или забылся.

...Так они дожидались машину на холодном асфальте Приморской шоссейки. Один лежал лицом в небо. Другой склонялся над ним и всё говорил.

Когда показалась машина, Петров поднялся. На ногах он держался нетвердо. Шагнул навстречу машине и поднял обе руки.

Было слышно, машина издали начала притормаживать.

ГАРИЙ НЕМЧЕНКО

ЛЕШКА ПРОСИТСЯ
НА ПЕРЕДНИЙ

Гарий Немченко

Лёшка просится на передний

— Ты хоть старый-то успел проводить?...

— Успел маленько. Самый чуток...

Лешка с сожалением цокнул.

— А я, видишь, нет...

Толстый короткий факел, свернутый из толя, зацадил у него в руках. Лешка наклонил его книзу. Факел вспыхнул снова. На пол брызнули жирные искры.

Бригадир Пилюгин отступил от Лешки на шаг, отряхнул зачем-то рукав пиджака.

— Закоптишь потолок людям...

Мы стоим в пустой комнате нового дома. Грязный пол, заляпанный раствором, несколько штукатурных ящиков посередине. На них мангал из железных прутьев с горящим коксом. В доме ещё не просохли стены.

— Погаси факел, Казанцев...

Это говорит прораб энергоучастка. Застыл у двери, опершись о косяк. Руки в карманах модного пальто, яркий шарф разметался на груди.

— Погаси...

Лешка бросил черную трубку, наступил на пламя ногой. В комнате резко запахло варом.

В темноте веселей заплясали голубые и желтые языки в мангале. На черном стекле окна отпечатались разноцветные огоньки.

Лешка дергает меня за рукав.

— Смотри, ёлка как будто...

Все смотрят в окно. Там за тонким стеклом метет сухая жесткая поземка. Глухо, по-шмелиному гудят в поселке провода. И всё-таки эти веселые огоньки, утонувшие в черной ночи, в самом деле похожи на яркие елочные игрушки.

Молчание прерывает прораб.

— Будет тебе сегодня ёлка, Казанцев...

Чиркает спичкой, долго раскуривает сигарету.

— Всем всё ясно, друзья?

В общем-то ясно. Под нами в подвале этого пятиэтажного дома стоит ледяная вода. Вероятно, прорвался водопровод.

Вода прибывает, она уже хлынула в теплотрассу. Если не устранить аварию немедленно, сейчас же, может осесть фундамент дома. Холодная вода затопит теплотрассу. А на улице нынче тридцать пять. Не выдержат трубы, лопнут.

Самое простое — перекрыть воду в колодце. Никаких тебе хлопот. Но строители завалили его, а в управлении механизации сказали, что экскаватор может подойти только утром.

Остается одно: искать, где порвался водопровод. И чеканить.

Конечно, всем всё ясно. Поселок молодой, и такое и раньше случалось не раз. И всё-таки прорабу трудно вернуть людям настроение обычного дня.

Трудно, потому что слесарей из аварийной бригады Пилюгина оторвали, что называется, от новогоднего стола.

Прораб оттолкнулся от косяка.

— Пошли...

...Черная, как нефть, вода уже покрыла нижние ступеньки.

— Посвети, Пилюгин...

В воде расплывается яркое оранжевое пятно. В подвале — темень.

Мы толкаемся позади прораба и бригадира — им решать.

Коротко бросил прораб:

— Несите доски... Потолще да подлиннее...

Там, в подвале, штукатуры оставили козлы. Недалеко от двери торчит над водой неотесанное вершковое бревно.

Принесли доски, перекинули их на козлы.

— Осторожней...

Пошли по одному. Впереди Пилюгин с факелом, за ним прораб, потом Лешка.

— Свети...

Черная вода да серый бетон на потолке. Трое на шатком помосте. Резкий профиль прораба, добродушное лицо Пилюгина под факелом, шупленькая фигура Лешки позади.

Потом они вернулись на лестницу, и прораб только спросил:

— Кто?...

Слесари стояли тесным кружком. Молчали.

Прораб — это мой друг, Юрка Лейбензон. Он играет на гитаре, пляшет «Цыганочку» и в конце всегда делает сальто. Он веселый. И я каждый раз удивляюсь, каким суровым может он быть тут, на работе. Поднял голову тяжело и ещё раз спросил:

— Ну, так кто же?...

Тихо. Шуршит поземка в раскрытых дверях, ледяным холодом тянет снизу.

Лешка протянул руку к факелу.

— Разве Пилюгин пойдет? Вырядился, что только руководящие указания давать в силах... Да и остальные... А на мне комбинезон, чего там!...

Кто-то отдал Лешке резиновые сапоги. Пилюгин сказал ехидно:

— Не зачерпни знай.

Казанцев молча взял факел.

На мостках выстроилась почти вся бригада.

Лешка по грудь в воде шел быстро, почти бежал, к центральному вводу — там, в темноте, должна быть такая штука. Вода расступалась, бурлила позади. Маленькие острые волны ломались о козлы, плескали на них оранжевыми огнями от факела Лешки.

Вот он уже ушел далеко. Здесь, на помосте, мне кажется, что он бродит по воде уже добрых четверть часа. Смотрю на зеленые блески цифр — пять минут прошло.

Лешка остановился у черной трубы на серой стене. Подался к воде плечом — ощупывает трубу.

Выпрямился. На худом лице тени. Крикнул нам:

— Ниже, наверно!..

Переложил факел в другую руку, высоко поднял его над головой и стал медленно опускаться в воду. Вот над водой остался только факел, зажатый в руке.

— Что делает, ишь, что делает, креста на нём нет, — скороговоркой шепчет Пилюгин.

Я почему-то думаю о том, что видел в Новосибирске такой памятник из гранита — кулак, сжимающий факел.

Вдруг факел плашмя хлестнул по воде и погас. Потом будто большая рыбина плеснула сверху. И Лешкин голос:

— Зажгите свет!..

Мы все лихорадочно чиркаем спичками. Семь огоньков ведут Лешку из темноты.

Он подошел к помосту, протянул руку. Густые брови взлохмачены, по лицу стекает вода. Губы трясутся.

— Где чеканка, Пилюгин? Нашел я это дело... Разошлась, понимаешь, в стыке...

Пилюгин светится, сует Лешке ключ, свинец, каболку — просмоленную льняную нитку.

Принесли новый факел.

Прораб присел на корточки.

— Сделаешь, Лешка?

Лешка передернул плечами.

— Н-неужели нет...

— Посветить пойти?

— А мне свет там не нужен. В спину д-дайте!..

Лешка снова бредет по воде. Нам вдруг становится очень холодно. Прораб поднимает воротник.

Здесь, на помосте, слышно, как тяжело дышит Лешка, набирает воздух. Потом — глухой всплеск, и нам кажется, что мы чувствуем под водой торопливые глухие удары.

Прораб курит. С факелом стоит Чавкин, сварщик.

Пилюгин суется, говорит громко:

— Скорей, Лешка, золотой ты мой человек... Памятник тебе с полочки поставлю, право слово...

Я трогаю локоть прораба.

— Замерзнет он...

Он долго молчит, потом смотрит на часы.

— А ну, выйдем...

Кричит из коридора вниз:

— Музамберов!..

К нам поднимается скуластый парень в матросском бушлате.

— Посвети...

Я жгу спички.

Прораб что-то пишет в блокноте, потом с треском вырывает листок.

— Директору магазина, самому... Скажи, сантехники просили, для аварийной... Одна нога здесь, другая там — срочно!..

Через полчаса мы сидим на ящиках вокруг мангалки. На шестике сушится Лешкино белье. От него валит густой пар.

Пар валит и от Лешки. Он сидит в одних трусах па куртке Музамберова, протянув к огню руки и ноги. Ладони и пальцы у Лешки иссиня-белые, в глубоких морщинах. Такие бывают у женщин после долгой стирки.

Чавкин стоит над Лешкой, трет ему спиртом спину.

— Ну и худой ты!.. Шкелет совсем...

— Дурак, — беззлобно бросает Лешка.

— Поторопись, Чавкин! — Пять минут осталось... — У прораба пыжиковая шапка сбита на затылок. В коленях зажата большая бутылка с серебряным горлышком.

Пилюгин положил красную короткопалую ладонь на Лешкину волосатую ногу, заглянул в глаза.

— Новый год без штанов встречаешь, а?

Глухо выстрелила пробка, в пол-литровой банке с наклейкой «Свиная тушенка» запенилось, заиграло шампанское.

— Пей, Казанцев! Пора как раз...

Лешка взял банку обеими руками, поднес к губам.

— Тост, тост скажи!

Казанцев долго хмурил черные клочковатые брови, улыбался напряженно.

— Чтоб всем нам хорошо в новом году было...

Лицо Лешки сморщилось. Через силу тянул вино, пил с остановками. Вытер губы ладонью, сказал презрительно:

— Газировка!..

Пилюгин высоко поднял банку, сказал торопливо:

— За тебя, что ли, Лешка, чтоб тебе пусто было!.. Экий ты, право...

Потом пили спирт.

Внутри жгло, как будто проглотил горячую картофелину.

— Вот и встретил ты Новый год под своей елкой, — прораб улыбнулся в сторону окна. Там на иссиня-черном стекле продолжали плясать огоньки.

— Первая в этом доме...

Мы немножко пьяны: и от пережитых событий и от сознания необычности этого праздника.

Я вижу: у Лешки на лице хитрая улыбка, в глазах ласковые искры. Наклонился к прорабу, заглянул снизу.

— Может, хоть нынче договоримся, Леонидыч?... В праздник-то?...

У прораба нарочно, по-моему, сердитое лицо. Сказал грубовато:

— Что-о, Казанцев? На передний край снова, что ли?

— Ну, Леонидыч...

Я понимаю: сейчас, пользуясь настроением, когда всё становится ближе, когда стираются эти самые административные грани, Лешка хочет решить какие-то свои дела.

Прораб усмехнулся. Мудро как-то, чуть свысока.

— Знаешь что, Казанцев... Ну тебя к богу!..

Лешка наклоняется ещё ближе, и в глазах у него такая просьба, что отказать ему, кажется, невозможно, попроси он сейчас хоть полмира.

— Ну разве плохо я у вас работал, Леонидыч?...

Протягивает прорабу ладонь с оттопыренным большим пальцем.

— Ну, вдарим по пяти, Леонидыч, а?

— Рубаха, смотри, сгорит, — бросает Юрка.

Краешек новой рубахи, что была у Лешки под комбинезоном, пожелтел, от него идет уже не пар — дым.

Лешка с Пилюгиным возятся с бельем, перевешивают его на шестке.

Я спрашиваю у прораба:

— Чего это он?

Тот говорит тихо:

— Бульдозерист он, ты же знаешь... В моторах разбирается — не упаси... И слесарь — золотые руки. Но вот заладил одно: там, на самой стройке, настоящая жизнь. Передний край там. А мы, видишь, в поселке. И всё, мол, мимо, мимо... Разве работа — слесарь-сантехник?... В дерьме копаемся...

— Здравствуйте, — говорю я. — А то что дом-то вот этот, восемьдесят квартир, спасли? Что теплотрассу?

Юрка улыбается широко, смотрит мне в глаза:

— Агитируешь?...

...Лешка надевает рубаху. Пилюгин рядом держит комбинезон.

Оделся наконец.

Пилюгин бросает в угол шестик, садится на ящик.

— Ну, по домам теперь, к бабам да детишкам... За насосом один послежу.

Мы выходим из подъезда. Под ноги бросается тугая позёмка. Вверху звезды яркие-яркие, иглятся и, кажется, поскрипывают от мороза. Далеко в центре поселка музыка. Радиола поет про два сольди.

Уходим от дома.

Я кладу руку Лешке на спину, поднимаю ему воротник. Комбинезон у Лешки стоит колом, воротник торчит, как накрахмаленный.

Смотрю в окно, где светятся огоньки в мангале, где остался Пилюгин.

«Будет в этом доме елка... — думаю... — Зайти бы к кому-нибудь под Новый год... Когда завод построим. И сказать: «Люди! А знаете, как справляли здесь первую елку? Давайте выпьем за Лешку, люди!...»

РАФАИЛ БАХТАМОВ

ОТКРЫТИЕ

Рафаил Бахтамов

Открытие

— О ходе следствия будете докладывать мне, — сказал прокурор. Возьмите дело.

* * *

За проходной плакат. На плакате — самолет, во всю ширину разбросавший стальные руки — крылья. По небесно-голубому красным: «Больше светлых», и три решительных восклицательных знака.

— Светлых нефтепродуктов, — пояснил сопровождающий.

Валерий смотрел на массивные тела резервуаров, на махины колонн и башен, увитых разноцветной перевязью труб. Звучали названия, цифры температур и давлений, крекинг каталитический, термический, специальный.

— Я хотел бы осмотреть установку, где произошел взрыв, — сказал он.

— Пожалуйста... Только зачем же взрыв? Просто авария...

Это не первый. Как угодно: авария, неприятность, происшествие, только не взрыв.

«Объект преступления» — установка высокотемпературного крекинга — по виду не отличалась от других. Такая же махина: металл, кирпич, трубы. «Можно подняться?» — «Конечно. Но установка работает нормально».

Всё-таки он поднялся — взлетел на лифте. Походил по площадке. Но труба заслоняла всё.

Зашли в операторскую. Начальник установки — немолодой человек с седыми лохматыми бровями — назвал себя, показал всё, что требовалось, но в разговор не вмешивался. Отвечал сопровождающий.

— Да, установка управляется отсюда. Сначала следует повернуть левую задвижку, потом правую. Ошибиться трудно — цвет, как видите, разный. Когда покрашены? Верно, краска немного стерлась. Есть

схема, абсолютно ясная. Разумеется, висит давно — видите, бумага пожелтела. Если открыть в обратном порядке? Взрыв возможен. Нет, не обязателен. Всё зависит от параметров: концентрации, температуры, давления.

Валерий молчит. Ничего нового. Обо всём этом сказано в заключении. Даже задвижки он видел раньше — на эскизе. И представлял: сначала оператор поворачивает левую. Выжидает, пока температура снизится на сто пятьдесят градусов. Открывает правую. Следит по приборам за повышением температуры. Закрывает обе. И всё. Просто.

Правила Таирова, конечно, знала. И выполняла, надо думать, точно. Кроме одного: вместо левой задвижки, возможно, вначале открыла правую. Температура сразу подскочила, произошёл взрыв.

— Двинемся дальше? — вежливо спрашивает сопровождающий.

— А? Нет, нет... Вернемся.

Инженер, кажется, немного разочарован. Чего он, собственно, ждал? Хитроумных вопросов, подвоха? Прощаясь, они смотрят друг на друга и улыбаются: ровесники, вчерашние студенты...

* * *

Секретарь директора кивнула Валерию, как старому знакомому.

— Открыть?

— Пожалуйста.

Провела его в комнату (письменный стол с зеленоватым стеклом, чернильница, счеты, на стенах диаграммы: что-то поднимается, что-то падает).

— Располагайтесь, — сказала она. — Сейчас вызову.

Оставшись один, Валерий переставил кресло, двинул поближе стул. Сказал спокойно и твердо:

— Войдите.

У неё было худое, смуглое, тонко очерченное лицо. Но это он увидел потом. Даже глаза — очень большие, очень темные — он умудрился не заметить. Так поразила Валерия её неожиданная веселость.

Она вошла с улыбкой. При виде незнакомого человека она попыталась стать серьезной, нахмурилась. А губы продолжали улыбаться, и руки играли с пуговицами в какую-то забавную игру. Казалось, она с трудом сдерживается и вот сейчас рассмеется. Впервые Валерий видел обвиняемую, которая так странно вела себя у следователя.

— Садитесь, — сказал он сухо. И когда она села: — Моя фамилия Крымов. Валерий Петрович Крымов. Мне поручили... проверить обстоятельства дела.

Она сжалась, притихла.

— Расскажите, пожалуйста, подробно, как всё произошло.

Не было в её рассказе ничего неожиданного, никакой «ниточки». Всё знакомо, даже скучновато, Левая задвижка. Правая...

— А не наоборот?

Она не торопилась с ответом. Вспомнила — это читалось на её лице. Странно, ведь её не в первый раз спрашивают.

— Нет. Я сначала открыла левую. Правую после.

— А вы не забыли? Знаете, бывает...

— Нет.

— Кстати, если не ошибаюсь, вы говорили, что взрыв произошел очень скоро, как только вы открыли вентиль (это не очень «кстати», но ничего, сойдет).

— Нет, — она покачала головой. — Я успела закрыть оба вентиля, подошла к столу, взяла журнал...

— И температуру успели заметить?

— А как же! Всё было по инструкции: температура сперва снизилась, потом стала повышаться.

— Не может быть! — не удержался Валерий. (Вентили можно спутать. Но температура... Если бы температура понизилась, взрыва не было бы. Значит, она говорит неправду.)

— Вы успели сделать запись в журнале? (Он отлично знает, записи нет.)

— Нет, я не успела...

Ясно. Сошлется на взрыв.

— Помешал взрыв?

— Не совсем... — Она покраснела. — Я как-то так... задумалась. А потом это... и я испугалась.

Валерий не смог скрыть улыбки. Сразу почувствовал — зря, но было поздно.

Лицо у неё замкнулось. Будто кто-то задернул между ними тяжелую плотную штору. Попробуй раздвинь. Неужели один человек не может объяснить другому?... Ведь ничего плохого он ей не желает. Даже больше: в сущности, он хочет ей помочь. Всё это так, а сумей убедить...

— Можно уйти? — спросила она.

— Да, пожалуйста. — Он вздохнул с облегчением.

Она дошла до двери, взялась за ручку и остановилась. Кто знает, о чём она думала. Может быть, ей казалось, что именно сейчас решается её судьба. Ещё есть возможность вернуться и заставить этого человека поверить, что она не виновата. А может быть, ей просто было трудно переступить порог и остаться одной.

* * *

— Пожалуйста, сюда.

Валерий очутился в окружении книг. Они закрыли стены так плотно, что черные, желтые, синие корешки казались рисунком на обоях.

— Эммануил Семенович Левин, — хозяин поклонился. — Эксперт. Прощу садиться.

Помолчали. Конечно, физиономистика — наука темная, но эта небольшая, слишком верткая голова, хитрые, глубоко посаженные глаза и губы — тонкие, длинные...

Левин закурил, сказал быстро, в одну фразу:

— Осмотр эксперта окончен, мнение составлено, перейдем к делу, чем обязан?

— Пришел к вам за советом.

Ответ, кажется, смутил эксперта. Он поерзал в кресле, загасил папиросу, зажег другую. Может, он ожидал, что новый следователь будет нападать на его заключение, и приготовился к отпору?...

— Пожалуйста, — сказал он наконец. — С удовольствием... А в чём, собственно, вопрос?

Валерий объяснил. Таирова упорно отрицает свою вину. В конце концов и у него появились сомнения. Он понимает, что это несерьезно, что сомнения — дело сугубо личное. Именно потому он не пошел к прокурору, решил сначала посоветоваться с опытным человеком.

— Опытный... первый раз в глаза видит... — пробурчал Левин и улыбнулся. Неожиданно оказалось, что улыбка у него мягкая, а морщины у губ — усталые и добрые.

Хозяин заметил взгляд Валерия. Он поправил галстук, нахмурился. Сказал сурово:

— У нас нет оснований не верить Таировой, однако она может искренне заблуждаться. Вы же прекрасно знаете, какие выкрутасы проделывает иной раз память.

— Может быть, какие-то другие причины?

— Какие же? — холодно спросил эксперт. — Вы, товарищ Крымов, конечно, понимаете, что, прежде чем писать заключение, я вместе с заводскими инженерами облазил установку. Так что посторонние влияния исключаются. Могу вас заверить, что из числа известных причин ошибка, названная в заключение, единственно возможная.

— А если там в установке произошло нечто науке неизвестное?

— Ох, и спешите вы, молодые, с выводами! «Неизвестное науке» — это же очень серьезно! Не надо, дорогой Валерий Петрович, бросаться такими словами...

— Хорошо, не буду, — улыбнулся Валерий. — Подскажите, что делать. Не верить?

— Нет, этого я вам никогда не скажу. Обязательно надо верить. Теперь о деле. Если вопрос стоит категорически: не верить человеку или сомневаться... — Эммануил Семенович сделал паузу и вдруг закончил весело: — Я, например, предпочитаю сомневаться.

— В науке? — быстро спросил Валерий.

Левин рассмеялся.

— Вы меня на слове не ловите. Скажем точнее, а заодно и осторожнее: в полноте сведений, которыми наука располагает в данной области и на данном этапе своего развития. Вам ясно?

— Ясно, — серьезно сказал Валерий.

— Итак, предположим, неизвестное — икс. Где его искать: в установке, в химизме реакции? Не думаю, тут всё исследовано.

Остается сырьё, нефть. Конечно, глубокая переработка нефти насчитывает десятки лет. За это время испытывалось сырьё из тысяч скважин. Но скважины уходят всё глубже, и нет гарантии, что мы не столкнемся с новым явлением в случае номер «икс».

— Понимаю.

— Боюсь, что не вполне. Вероятность появления «икса» ничтожно мала. Работа предстоит огромная, а шансы на успех близки к нулю. Впрочем, в науке это обычно, дорогой товарищ Крымов.

— Меня интересует не наука, а справедливость. — Валерий покраснел: слишком громкое слово. Он поправился: — Я хочу знать правду.

— Понимаю. Теперь вопрос практический: где и как искать этот таинственный «икс»?

Левин протянул блокнот, вынул из подставки карандаш. В нижнем углу листа возник силуэт вышки. От неё потянулись линии к ступенчатым башенкам и дальше, к домикам резервуаров. Линии раздвигались, уходили и сходились вновь, постепенно сдвигаясь вниз и вправо — к миниатюрным колоннам нефтеперерабатывающего завода.

— Начало здесь, — острие карандаша уперлось в вышку. — Отсюда нефть поступает на сборный пункт, который обслуживает группу скважин или промысел в целом. Затем резервуарный парк промыслового управления и петековские резервуары.

— Простите?

— ПТК — производственно-товарная контора. Сюда сходится нефть всех районов. В нашем случае — объединения. Следующий этап: резервуары товарно-сырьевой базы завода. Наконец установка.

— Благодарю. Но я не совсем понимаю, почему не предотвратили взрыв. Разве состав нефти нигде не проверяется?

— Наоборот, проверяется везде. Но анализы стандартные: удельный вес, процент воды, механические примеси. Поисками «икса» никто не занимается. Вам надо начинать не со скважин — их тысячи, а в обратном порядке — с заводских резервуаров. Потом резервуары ПТК и так далее. — Он долго смотрел на Валерия, сказал почему-то грустно: — Молодые люди часто легко загораются и легко гаснут. Мда... Мне будет очень жаль, если такое случится и с вами.

На базе его встретили сдержанно. Видимо, решили, что он ревизор.

Он взял документы. Сидел часами, читая все эти разрешения на откачку, журналы анализов, справки, накладные. Он начал издалека: за три месяца до взрыва. Хотел привыкнуть, войти в будничный ритм этих бумаг, чтобы резче ощутить отклонение.

Конец февраля. Март. Апрель. Начался май. Приближалось семнадцатое — день взрыва. Валерий двигался всё медленнее. Верил: в документах за этот день удастся найти что-то особенное, необычное. Но справки, записи в журналах были похожи, как близнецы. В колонках цифр, в перечислении сортов нефти не оставалось места для чуда.

Наконец, документы за семнадцатое мая. Кончил май, начал июнь. Теперь он не читал, просматривал, небрежно бросая страницы. Ничего! Ни малейшего следа.

Когда становилось совсем уж тошно, он выходил и скучными глазами смотрел на резервуары. Ему показали резервуар, связанный с той установкой. Он был до зевоты похож на все остальные...

Однажды он увидел Таирову. Она стояла у диспетчерской и смеялась, объясняя что-то девушке в сером халате. Ему стало вдруг ужасно горько. Он переживает за неё, листает скучнейшие бумаги, а она уже забыла. И снова забудет — через неделю после суда.

— Что с тобой, Назима? — это кричит другая, в сером халате.

Он смотрел в сторону, мимо неё. Но боковым зрением он успел заметить открытые, очень бледные губы и плечо — неестественно высокое, будто она хотела спрятать голову.

«Её настроение тебя не касается», — уверил он себя. И в тот же день поехал в ПТК. Здесь резервуаров было ещё больше. Документы другие, но в общем похожие. Он полистал бумаги за май и, не дождавшись конца дня, вернулся в прокуратуру.

Тут его осенило: «Женька». Он отыскал в записной книжке Женькин служебный телефон и позвонил.

— Погосян в лаборатории, — сказал неприступный женский голос. — А это откуда?

— Из прокуратуры города! — зло ответил Валерий и с удовольствием почувствовал, что тон сразу стал другим.

Через минуту послышался Женькин голос:

— Слушаю вас.

— Во-первых, не вас, а тебя. Это Валерий. Во-вторых, звоню по делу. Нужно произвести анализ нефти.

— Фу... — Женька явно проглотил черта. — Какой анализ: количественный, качественный? На что?

— Пожалуйста, не глуши меня терминами. Анализ, по-моему, качественный. На что — пока не знаю. На что-нибудь такое... необыкновенное.

Трубка нахально расхохоталась.

— Поздравляю прокуратуру с новой классификацией элементов: обыкновенные и необыкновенные. А что такое?

— Не по телефону. Честное слово, нужно.

— Хорошо ещё, что качественный... Ладно, волокиты.

...Женька повертел в руках бутылку с нефтью.

— Рассказывай.

Слушал он с интересом. Терял волосы — думал. Потом сказал:

— Анализ, вероятно, ничего не даст. Мы же понятия не имеем, что искать. Следовало бы смоделировать схему контакта — понимаешь, заводская установка в миниатюре — и сунуть туда твою нефть. Если взорвется, значит эта девчонка не виновата.

— А это возможно?

— Теоретически возможно всё, — философски заметил Женька. — Практически нужна бумага. Хорошая, солидная бумага. Со штампом, с подписями. Дескать, так и так — просим собрать установку...

— Жень, а толк будет?

— Толк, конечно, едва ли, — честно признался Женька. — Видишь, с тех пор ни одного взрыва. Значит, так: условия возникли и исчезли. Почему возникли, почему исчезли — неизвестно. Ладно, сделаю анализ и завтра звякну.

Ни завтра, ни на следующий день он не позвонил. А когда до него дозвонился Валерий, сказал неохотно:

— Ну, чего, всё в норме. Стандарт. Взорвется? Обязательно. Если добавить, скажем, тринитротолуол.

...Ждать пришлось долго. Старая, обитая дерматином дверь жалобно ухала, впуская и выпуская посетителей. Валерию надоело ходить из угла в угол. Взял у секретаря газету, сел к окну.

— Ко мне? — донеслось издалека.

Валерий с трудом оторвался от газеты. Прокурор стоял в дверях, улыбался.

— Входите.

Может быть, потому что они вошли вместе или от дыма, который теплым облаком висел в воздухе, кабинет показался Валерию не таким официальным. И прокурор держался проще, чем раньше.

— Вам не помешает, если я буду ходить?... Очень хорошо... Ну-ну, пожалуйста...

Валерий заранее решил, что скажет. Без эмоций, только факты. Об анализе не стоит: результат отрицательный.

— Поработали вы неплохо, — мимоходом отметил прокурор. — Ничего нового? Так. Что же, надо передать в суд?

— Как будто.

Прокурор спокойно продолжал мерить шагами комнату. Сказал не оборачиваясь:

— Значит, нельзя передавать в суд.

— Почему? — схитрил Валерий.

— Потому, что у следователя нет внутренней уверенности. А почему — это, надеюсь, вы объясните.

— Таирова не признает себя виновной.

— Знаю. Очень печально. Но одного этого мало.

— Я ей верю, Гасан Махмудович...

Прокурор наконец-то обернулся. Сказал негромко:

— Вот это меняет дело. Вы были у эксперта?

— Был. Он считает, что возможно только одно — кроме, конечно, ошибки Таировой: неизвестная примесь в нефти. Я давал на анализ из резервуаров. Безуспешно. А мой товарищ химик... говорит, что это ничего не доказывает...

Прокурор долго молчал. Устало махнул рукой.

— Погуляйте. Зайдите минут через сорок.

Полдень — самое пекло. Воздух тягучий и липкий. Не идешь, а плывешь в парном молоке.

В подъезде прохладнее. Кажется, от тяжелых каменных стен тянет ветром. Интересно, что решил прокурор?

— Едем к консультанту. — Прокурор отдохнул, смеется.

Зал. Сдвинутые столы. Вереница телефонов. Пульт, подсвеченный лампочками, — совсем как на заводе.

Хозяин, смуглый, большеголовый, поднялся им навстречу.

— Это наш товарищ, Крымов.

Вежливо, но без особого интереса:

— Очень рад. Рустамов.

Посторонние могли бы догадаться и уйти. Ничего подобного. Посетителей становится всё больше. Отвечая, Рустамов не повышает голоса. Не приказывает, советует. При всём том ясно: он начальник. И едва ли не главный в объединении. Ему докладывают о ходе добычи нефти. О бурении. О заводе, который срывает ремонт агрегатов. О нехватке труб. О катере, час назад ушедшем в море.

— Мы по делу, — пользуясь минутной передышкой, говорит прокурор. — Валерий Петрович, расскажите.

— Пожалуйста, — подтверждает хозяин и берется за телефонную трубку.

Рассказывать невозможно. Кто-то вошел и стоит — ждет, пока он кончит. Начальник кладет трубку и, задумавшись, берет две другие. Появляется секретарь и что-то ему шепчет. Начальник кивает.

Слова приходят какие-то куцые, бледные. Здесь, в деловитой сутолоке планов, вопросов, дел, его сомнения кажутся игрой фантазии. Девушка, которая говорит правду. Неизвестное явление. Состав нефти меняется. Каждая скважина... Он спохватывается. Кому он объясняет, нефтяникам?

— Да, да, — начальник кивает. — Постоянства нет даже в пределах одной скважины.

Снова звонит телефон, хлопает дверь. Валерий больше не может, ему душно.

— Так нельзя. Зря осудить человека! — Голос у него срывается. — Это не шутка, понимаете!

— Понимаю, — медленно говорит начальник. И помолчав: — Итак, вы допускаете, что взрыв вызван особой причиной: составом

нефти или неизвестной примесью. Допустим. А как это обнаружить, вы думали? Ведь нам, собственно, пока не ясно, что искать.

— Можно собрать в лаборатории маленькую установку...

— Воспроизвести условия. А, Иван Христофорович?

— Пожалуй.

— Только это не моя идея. Евгения Погосяна из института переработки нефти.

— Их идея, у них и соберем. Договорись, Иван Христофорович?

— Отчего же, можно.

— Али Ахмедович, предупреди на промыслах: материалы, документы, пробы... И вообще пусть помогут. Со временем туго? Ничего, попроси от моего имени.

Он проводил их до двери. Выходя, Валерий услышал обрывки разговора:

— Как? — голос прокурора.

— Сомнительно. За четверть века моей работы не было ничего подобного. Но мы всячески поможем. И главное — воспитываешь правильно.

— Не я. Время.

В машине прокурор сказал, ни к кому не обращаясь:

— Товарищ, у которого мы были, вернулся домой в пятьдесят четвертом году. Издалека.

* * *

Солидность — первое, что он ощутил в установке. Два низких, прочно вlepенных в бетон цилиндра, массивные трубы, очкастые глаза приборов. Установка занимала немного места, и потому большое темноватое помещение казалось пустым. Как будто здесь заранее приготовились к взрыву.

— Грохнет? — спросил Валерий.

— Будь спокоен. — Женькин голос дрожал от азарта. — Давай тащи.

Валерий привез нефть с заводского резервуара, потом из ПТК. Испытания прошли спокойно, установка и не думала «грохать».

Женька довольно хмыкал, он это предсказывал.

— Гони из резервуарных парков, — сказал он весело. — Много их?

— Нужных шесть.

— Ясно. Нам вдвое легче, чем Остапу Бендеру. Стульев, как известно, было двенадцать.

...И первая, и вторая, и третья пробы ничего не дали.

— Это всегда так, — ворчал Женька. — Ничего, шестая сработает.

— М-да, — сказал он мрачно, когда и десятая проба окончилась неудачей. — Придется перекинуться на промыслы.

Валерий вставал в пять, торопился на электричку. Ехать позднее не имело смысла: промысловое начальство исчезало на «объект». Найти его там было невозможно. Конечно, «лес вышек» — метафора. Леса нет, каждая вышка сама по себе. Но промысел занимал огромную площадь, и начальство имело привычку непрерывно двигаться: пешком, на попутных машинах, на тракторах, на трубовозках, даже на агрегатах для гидроразрыва.

По документам и на глаз скважины ничем не отличались. Металлическая вышка. Неуклюжая махина, равнодушно отвешивающая поклоны, — станок-качалка. Трубы и задвижки. Попробуй угадай, какая из этих сотен близнецов имела отношение к взрыву.

Скважины в его списке прибавлялись. Выбирая, он мучительно боролся с ощущением, что именно эта, пропущенная, вызвала взрыв. Вписывал. С остервенением вычеркивал. Снова вписывал. В конце недели Женькин начальник сказал ядовито:

— Вы думаете, молодой человек, мы тут блины печем? Анализ требует времени. А у нас свой план. Если вы собираетесь испытывать нефть из всех скважин объединения, попросите организовать специальный институт. Через каких-нибудь десять лет...

Пришлось доложить обстоятельства дела прокурору.

— Всё понимаю, — выслушав его, заметил прокурор. — Но нужно торопиться. Вы же знаете, сроки...

— Придется брать разрешение Генерального прокурора Союза?

— Уже запросили. Думаю, ещё на месяц продлят, хотя и не очень охотно. А дальше... дальше и над Генеральным есть прокурор — закон...

...Он проснулся с твердым намерением — кончать. Как и что кончать, он ещё не решил. Но этот день, тридцать первого августа, должен стать переломным.

В диспетчерской ему сказали, что Таирова больна.

Вышел за ворота и вдруг понял, что делать ему, в сущности, нечего, а впереди долгий и мучительный день.

Если бы не эта болезнь! Допросил бы сейчас Таирову и... Ему уже казалось, что от допроса зависит всё. Память услужливо подсказала, что именно он должен выяснить. Без этих сведений идти дальше невыносимо.

«Ну что же, — сказал он себе. — В конце концов следовательно имеет право...» Но дело было не в правах. Ему просто необходимо было действовать. Он, как сжатая пружина, не мог не распрямиться.

Он взял адрес в отделе кадров.

Она жила в Крепости — в самом древнем районе города.

Валерий долго плутал по узким, мощенным плитами переулкам, где по обе стороны улицы дома почти касались балконами, где мальчишки катались на самокатах у построек XIV, XV, XVI веков с табличками: «Памятник архитектуры. Охраняется государством».

— Зайдите, пожалуйста, — хозяйка открыла дверь. Она плохо говорила по-русски, но это несколько не мешало Валерию чувствовать, что гостей здесь любят и уважают. Если бы он был просто гостем...

— Мне надо видеть Таирову... Назиму Таирову.

— Извините, она немножко больна, — сказала хозяйка.

— Я из прокуратуры. По делу.

— Да, да...

Ни испуга, ни настороженности, ни суетливой любезности. Лицо такое же спокойное и ласковое. Не поняла?...

— Назима очень переживает. Она из села, далеко за Кировабадом. В город приехала, училась. Работает — такая радость. Это несчастье. Хорошая девочка, добрая. Племянница...

— Я вас прошу быть при разговоре.

— Да, да...

Назима сидела на низком стуле у печки. Когда он вошел, встала, положила книгу. С необычайной для него наблюдательностью (пружина распрямилась) Валерий увидел всё: и похудевшее лицо, и

зябкое движение плеч, и название книги — «Каталитический крекинг».

— Вы болели?

— Немного.

— Немного тяжело, — вздохнула женщина.

— Может быть, мы тогда отложим? Вам трудно.

— Нет, — сказала она. — Пожалуйста, нет.

Женщина кивнула.

Вопросы были подготовлены заранее. Он не заглядывал в бумажку и не записывал ответы. Не забыл бы, даже если бы хотел.

Он попросил:

— Подумайте ещё раз. Припомните. Не ошиблись ли вы с задвижками? Это очень важно.

И она старательно, по-детски, нахмурила лоб — вспоминала.

— По-моему, нет, — сказала она виновато. — Я же подождала, когда температура снизилась, и потом закрыла задвижку. И открыла правую... И уже совсем потом отошла, села, взяла журнал. Задумалась — вот не помню о чём, и сразу взрыв...

Валерий поднялся. Конечно, она говорит правду. Дело не удастся кончить сегодня. И вообще неизвестно, кончится ли оно когда-нибудь. По крайней мере обвинительного заключения он не подпишет.

Он вышел на бульвар. Прямо за пожелтевшей травой газона начиналось море. Мысли ясные. Этот взрыв — явление уникальное, на протяжении десятков лет взрывов не было. Значит, и скважина, которая его вызвала, должна быть не обычной. Ну да, не обычной. Скажем, глубже пяти тысяч метров — таких раньше не бурили. Или новая, из недавно открытого месторождения. Или, наоборот, очень старая. Случается, что промысловики возвращаются на нефтяные горизонты, которые эксплуатировались полвека назад. Тогда и крекинга не было... Итак, первое — скважина исключительная.

Второе условие. Вступить в строй она должна была незадолго до взрыва. Скорее всего, в этом году. Больше взрывов не было. Очевидно, вскоре после семнадцатого скважина перестала давать нефть, вышла из строя. Это третье. Очень хорошо. Скважин, которые удовлетворяли бы условиям, наберется, наверное, не так уж много.

Валерий хлопнул в ладоши. Хорошая или плохая, но это уже система. А что, если?... Он вспомнил: «Неизвестное науке — это же

очень серьезно!»

* * *

Он научился экономить минуты. Знал наизусть расписание электричек, места остановок служебных автобусов, приспособился ездить на чем придется, даже на подводах. И всё равно времени не хватало. Дни исчезали, терялись в бумагах, в пробах, в беготне.

Впрочем, по совести, всё не так мрачно. Он полюбил это хитрое промысловое дело. Может, поэтому девушки, берущие пробы, уже считают его своим. Вчера вечером Марутин, заведующий третьим промыслом, сказал: «Кидай свою бюрократию и иди ко мне оператором. Свежий воздух, простор. Оклад — не ниже, и премии, и будущее. Станешь мастером, кончишь заочно». Сказано было в шутку, а запомнилось — пожалуй, возьмет...

Но дела шли плохо. Как-то очень уж быстро пропала главная его надежда: глубокие скважины. Одну за другой он вычеркнул из списка скважины, пробуренные на новых площадях. Остались менее перспективные. Он просыпался ночью и лежал, мучительно тасуя в памяти номера скважин. Ему чудилось, что сеть, которую он забросил, порвалась и та, проклятая, скважина ушла, выскользнула, как рыба. Он зажигал настольную лампу, брал до боли знакомые книги.

...Он освободился рано и решил съездить к Женьке. Последнее время они почти не виделись. Попадал в институт поздно, когда лаборатория уже не работала, и оставлял бутылку у старика сторожа. Старику было скучно. Растягивая беседу, он смотрел бутылку на свет, нюхал и, весело качая головой, говорил одно и то же:

— Опять «Юбилейный»?

Садясь в трамвай, он вспомнил, что вчерашние пробы остались в прокуратуре. Делать крюк не хотелось, но всё же пришлось. Бутылок было всего восемь, и в сумке они чувствовали себя слишком свободно. Когда он влезал в троллейбус, бутылки так дребезжали, что на него стали оглядываться.

— Привет паукам-эксплуататорам! — встретил его Женька. — Баста! Сегодня кончаю в четыре, домой — и в кино. Присоединяешься?

— А то в остальные дни трудишься до восьми?...

— По крайней мере до пяти, иногда и до шести.

— Что-то не наблюдал.

— Ясно. Эксплуататорам не доставляет удовольствия видеть, как на них гнут спины. Что принес? С горизонтов моей бабушки?

— Совсем наоборот.

— Ну, ну! — Женька заинтересовался.

...Три дня назад на своем столе в прокуратуре Валерий нашел записку: номер телефона и короткая просьба: «Позвоните в объединение Рустамову».

Он удивился: что-нибудь случилось. Позвонил.

— Товарищ Крымов? Да, да... — мягкий, почти не искаженный телефоном голос показался давно знакомым, хотя Валерий слышал его лишь однажды. — Ну, как дела? Ничего нового? Расскажите, пожалуйста, подробно. — И ещё несколько раз, пока он рассказывал: — Подробнее. Подробнее...

Потом трубка надолго замолкла: на той стороне провода думали, а может быть, и советовались.

— Ход рассуждений правильный, — услышал он наконец. — Если такая скважина есть, вы должны её найти. Только одно уточнение. Вы брали скважины, которые вышли из строя семнадцатого? Правильнее было бы с десятого. Ведь проходят дни, прежде чем нефть попадет в резервуар. Скважина может выйти из строя, но нефть-то будет идти. Согласны?

Снова десятки промыслов, а где взять время?... Но Рустамов учитывал, кажется, всё.

— Вам одному будет трудно. Поэтому сделаем так: поручим кому-нибудь собрать данные, а завтра... нет, послезавтра... возьмете машину и объедете промыслы. Договорились?

И вот эти бутылки.

— Неплохо придумано, — заметил Женька. — Эти самые? Мой шеф, кстати, опять в командировке. Часа два есть. Хочешь, попробую?

— Попробуй, — вяло сказал Валерий. Он не притворялся. Всё это уже было: и новые идеи, и надежды, и Женькин оптимизм.

— Ого! С глубины в шесть километров. — Женька взял бутылку и довольно долго возился около установки. Вернулся, сел поудобнее.

— Что с аспирантурой?

Валерий махнул рукой:

— Скоро придется подавать в индустриальный...

— Идея неплохая. Специальность у тебя, прямо скажем, вымирающая. Вроде кучера. А что ты решил с делом?

— Не знаю. Факт, что обвинительного я не подпишу.

— Выгонят?

— Буду драться. В общем увидим... Я... погоди! Что-то щелкнуло. Может, предохранитель?

Женька прислушался.

— Чепуха, показалось. А предохранители, запомни, не щелкают. Они перегорают тихо и мирно.

Всё-таки он слез со стула и подошел к установке.

— Черт!

— Испортилось?

— Ничего подобного... Все нормально. Я скоро. Да возьми ты там что-нибудь, почитай.

Валерий лениво полистал книгу. Что-то очень специальное — по природе катализа. От нечего делать стал следить за Женькой. Тот возился с приборами: щелкал по крышке, смотрел на свет длинную зеленоватую ленту. Отложил, взял новую. Валерий встал, прошелся по лаборатории.

— Чего ходишь? — сказал Женька нервно. — Садись.

— А что, мешаю?

— Нет, — он поморщился. — Сбиваюсь, когда смотрят.

— Ладно, округляйся. Скоро четыре. Пора в кино.

— Ради бога, не мешай! — зашипел Женька. — Без тебя собьюсь.

Он взял бутылку («Ту же самую?») — удивился Валерий) и залил в установку остаток нефти.

— Вот и всё, — сказал он с облегчением. — А ты здорово похудел. И почернел. Целый день на солнце?

— Хватает.

— Ты новый фильм видел? Технично сделано. Как это они... — Он вскочил и бросился к установке.

Валерий остался сидеть. Щелчок, как в первый раз, может чуть громче. Словно пробка вылетела из бутылки.

— Что случилось? Чего ты молчишь?

— Случилось, — сказал Женька. — Взрыв.

— Это взрыв?!

— А ты что хотел, чтобы пол-лаборатории разнесло? К опытам, опасным для жизни, посторонние граждане не допускаются.

— Скажи по-человечески...

— Да. Да. Да. Ясно? Пойдем, уже пять.

— Домой?

Женька презрительно фыркнул.

— Я, например, в лабораторию.

Зачем это нужно, Валерий не понял. Сейчас он вообще плохо соображал. Они поднялись на второй этаж. Вошли в лабораторию.

Женька зажег горелку, что-то поставил. Хотел снять и обжечься. Ругался, дул на пальцы. Белая жидкость бурлила, пенилась. Женька улыбался глупо и счастливо. «Перекись, — бормотал он. — Ацетилен... Аммиак...» Он сел и вытер платком пот.

— Неудача? Сначала ты ошибся, да?

Женька дернулся в его сторону, бережно положил пробирку на стол. Бледно-розовые капли сочились из нее и падали на пол.

— Наоборот, удача, — сказал Женька глухо. — Большая, невероятная удача!

— Значит, она не виновата?

— Боже мой, я не о том. Не понимаешь? К этой нефти примешан сильнейший катализатор. Он ускорил реакцию крекинга в сотни, а может быть, и в тысячи раз. Сделал её взрывной. Главное, он действует на самые различные вещества. Я проверял, аммиак, ацетилен, перекись...

— Подожди! Ты можешь доказать?

— Даже тебе... Разумеется, я могу доказать.

— И дать заключение?

— Конечно, институт даст заключение. Ты можешь её выпустить, или взять на поруки, или порвать дело. Как угодно — она не виновата. А этот природный катализатор очень сильного и широкого действия. Вероятно, вызовет переворот в современной... Ладно, скажем скромнее: ускорит многие процессы. Понимаешь значение?

— Чего ты привязался с этим дурацким «понимаешь»?

— Уже лучше. Гораздо лучше. Сейчас пойду и позвоню, чтобы перекрыли скважину. А теперь... — Он церемонно поклонился. — А теперь, коллега Крымов, позвольте поздравить вас с открытием.

Андрей Капица

«SOS» из бездны

АНДРЕЙ КАПИЦА
«SOS» ИЗ БЕЗДНЫ

Следа не было видно. Степан остановил тягач и выбрался из кабины. Сильный порыв ветра чуть не свалил его с ног. Он привычно повернулся спиной к ветру и боком стал двигаться влево от тягача. Пройдя несколько десятков шагов, Степан увидел следы. Полужансенные свежим снегом, они были плохо видны. Пурга усиливалась.

Степан вернулся, хотел сесть в кабину, но раздумал и обошел тягач. В кузове тягача был установлен домик. Его в антарктической экспедиции называли сибирским словом «балок». Степан влез в тамбур балка. За несколько минут мелкий пылеватый снег успел набиться за шиворот, за пазуху штормовки.

Дверь тамбура отворилась, и на пороге появился гляциолог Сергей Комов.

— Что случилось?

— Метет сильно. Следа почти не видно. Может, заночуем.

Они вошли в балок. В маленьком тесном помещении было тепло и уютно. Сергей дернул за торчавшие с нар пятки.

— Слезай! Приехали.

С нар раздалось недовольное ворчание, и через несколько минут на месте пяток появились две головы. Бородатая физиономия радиста Жоры Солуквелидзе и худое заспанное лицо сейсмолога Леонида Топоркова.

— Почему стоим? — в два голоса раздалось с нар.

— Следа почти не видно, метет сильно. Степан предлагает ночевать.

— Сколько до Тихой осталось? — спросил Леонид.

— По спидометру километров двадцать, — ответил Степан.

— Да, в самом паршивом месте застряли, — кивнул Жора.

Все замолчали. Двигаться вслепую здесь нельзя, кругом глубокие трещины, а в то же время до базы оставался всего час ходу.

Все три месяца похода они мечтали об этом дне и вот сейчас в двадцати километрах остановились. Два дня шли по следам прошедшего здесь неделю назад санно-гусеничного поезда. Сейчас

следы быстро исчезали под свежим снегом. Они двигались по узкому «коридору» между глубокими трещинами, которые, как волчьи ямы, подстерегали тягач.

— Может, прорвемся, — неуверенно предложил Жора. — Мы здесь осенью в такую пургу проскочили, что все потом удивлялись. Правда, нам за это Коробов выговор влепил. Но уж лучше выговор, чем загорать здесь.

Сергей Комов был назначен старшим — сейчас решать должен он.

— Рисковать не будем, — сказал Сергей, — разворачивай тягач навстречу ветру — заночуем, — повернулся он к Степану.

— В общем ты, пожалуй, прав, — поддержал Леонид, — хотя можно бы попробовать проскочить, если... — Он задумался.

Леонид был молодым научным работником, и, хотя у него ещё не было степеней и званий, он обладал изобретательностью и умом сложившегося ученого. Энциклопедическая память и классическая «профессорская» рассеянность дополняли этот портрет. Сергей был уверен, что Леонид сейчас придумывает способ, как провести тягач через зону трещин. Он всегда завидовал способности Леонида находить неожиданные решения.

— Хватит митинговать! Степан, давай быстрее, а то у Жоры через пятнадцать минут будет связь с Тихой — надо передать, где мы заночевали.

Степан вышел наружу. Ветер ревел ещё сильнее. «Ого! Метров тридцать в секунду», — подумал он, пробираясь вдоль борта тягача к кабине. Он влез в кабину, включил первую скорость и, взяв левый рычаг на себя, стал медленно разворачивать тягач и прицеп навстречу ветру.

Степан не сразу понял, что произошло. Его бросило вперед, вырвало рычаги из рук и откинуло на пол. Тело стало легким, а потом с силой прижало к полу. «Падаем! — мелькнуло в голове. — Трещина!»

Всё замерло, на мгновение тягач остановился, словно повис. Степан крепко ухватился за рычаг переключений скоростей. Неожиданно тягач снова тряхнуло, он задержался, потом опять начал проваливаться. Это повторялось несколько раз. Степан с ужасом ждал, когда это кончится. Но вот тягач последний раз тряхнуло, и он замер. Степан прислушался. Полная тишина. Он приподнялся и встал.

Кабина перевернулась, щиток с приборами и рычагами оказался внизу. Тягач висел радиатором вниз, фары погасли. Степан нащупал выключатель и включил свет в кабине. Левой дверки не было, по-видимому оторвало.

Степан высунулся. Прямо перед ним белела покрытая крупными кристаллами льда стена. Слабый луч фонарика скользнул по стене вниз и вверх. Всюду та же стена, уходящая в темноту.

Он выбрался из двери и влез на крышу кабины, а с неё на балок. С трудом он пролез по крыше до входа. Дверь в тамбур была распахнута. Степан соскользнул в неё. Внутри было темно.

Почти сразу же Степан услышал приглушенный стон. Луч карманного фонаря осветил невообразимый разгром внутри балка. Все предметы, мешки, ящики с приборами скатились в промежуток между нарами. Сверху лежала рама с радиоаппаратурой и сейсмостанцией. Весь этот груз, по-видимому, замуровал ребят в промежутке между нарами.

Степан попытался приподнять раму, но она только слабо шевельнулась. Снизу снова раздался стон. Степан взялся за раму и, напрягая все силы, попытался её сдвинуть.

Наконец ему это удалось. Он вынул несколько мешков и ящиков из-под рамы и увидел чью-то ногу, обутую в унт. Она слабо шевельнулась. Через несколько минут работы Степану удалось вытащить Сергея. Тот плохо понимал, что происходит вокруг, и, когда Степан уложил его, Сергей только мотал головой и озирался с бессмысленным выражением лица.

Степан продолжал вытаскивать предметы, застрявшие между верхними и нижними нарами. Когда он с трудом вытянул мешок угля, то увидел под ним Жору. Рука, нелепо вывернувшаяся в плечевом суставе, причиняла тому сильную боль.

Снизу, из промежутка между нар, послышался стон.

— Леонид! — Сергей уже пришел в себя.

Теперь уже вдвоем они стали вытягивать Леонида. Он пострадал больше всех, так как оказался прижатым к стенке и придавленным всем грузом, обрушившимся на него. Леонид был без сознания. Степан разгреб кучу вещей, и они осторожно положили Леонида на освободившееся место.

Сергей обладал самыми «широкими» медицинскими познаниями: когда-то его выгнали со второго курса ветеринарного института за неуспеваемость, и с тех пор он сохранил уверенность в своей медицинской эрудированности. Самоуверенно шутливый тон, с которым он обычно давал свои медицинские советы, сейчас исчез.

— Ему здорово помяло грудную клетку и стукнуло по голове, руки и ноги целы, а вот за ребра не ручаюсь... Давай твою руку, — повернувшись к Жоре, добавил он, — вправлю.

Резкий поворот руки вызвал у Жоры взрыв крепких выражений по-грузински. Жоре в походе часто попадало от Леонида за пристрастие к крепким выражениям. Теперь он почти не ругался и только в особенно «ответственные» минуты прибегал к помощи своего родного языка, чтобы не оскорблять слуха Леонида. Сергей повернулся к Степану.

— Что случилось?

— Сиганули в трещину. Светил фонариком вверх и вниз — края не видать. Заклинило, висим между небом и землей.

Сергей и Степан облазили тягач. Балок почти не был поврежден — тягач, падая, заклинился гусеницами, пропахав в стенках глубокие борозды. Эти борозды и смягчили удар, погасив энергию падающей машины. Бурового балка нигде не было видно.

Наконец Жора закончил подготовку к радиопередаче и стал ждать срока диспетчерского совещания в эфире. Через пятнадцать минут он решительно включил приемник. Слабо загорелись лампочки освещения шкал. Жора повернул ручку настройки приемника. Едва уловимый шорох в наушниках не прерывался никакими сигналами. Он завертел ручку настройки быстрее, переходя с диапазона на диапазон. Везде был слышен только шорох фона и ничего более. Жора поднял голову и снял наушники.

— Ни черта не слышно, ни одна станция не проходит.

— Видно, глубоко во льду сидим, — сказал Сергей.

Жора включил передатчик, взвыл умформер, ещё слабее горели лампочки шкал, а индикаторная неоновая лампочка на антенне еле вспыхивала, когда Жора нажимал на телеграфный ключ. Он быстро отстукал составленную Сергеем короткую радиограмму и выключил рацию.

— Дело дрянь, — пробормотал Жора, — наверное, глубоко провалились.

— Анероид разбит, гипсотермометра у нас нет, трудновато определить глубину, — ответил Сергей, — хотя можно попробовать по температуре льда. Правда, довольно приблизительно, но всё же.

Сергей достал небольшую коробочку, в которой был смонтирован мост для измерения сопротивлений, и небольшую катушку провода, на конце которого был укреплен в маленькой обойме термистор — полупроводниковое сопротивление, резко меняющее свойства от температуры.

Сергей и Степан выбрались из тамбура. Специальным буравчиком Сергей сделал в крепкой ледяной стене отверстие и вставил в лёд термистор. Подсоединив два других конца к прибору, он привычным движением завертел ручки мостика, которые, мягко щелкая, занимали положение, соответствующее сопротивлению термистора. Сергей взглянул на график, который был укреплен на крышке прибора.

— Минус два градуса.

— Ну и что это значит? — спросил Степан.

— Приблизительно четыреста метров, если считать, что лед на каждые тридцать метров глубины становится на один градус теплее. Здесь, в двадцати километрах от Тихой, у поверхности лед имеет температуру около минус шестнадцати градусов. Но в краевых частях ледника температура льда с глубиной сначала понижается. Снижение температуры идет до глубины сто пятьдесят — двести метров и только потом начинает расти. Так что мы на глубине около шестисот метров.

— Ого! — покачал головой Степан. — Далековато лезть придется!

— Если вообще придется, — ответил Сергей. — По этим стенам без специальных крючьев и оборудования даже скалолазу не вылезти.

— А какая здесь толщина льда? — спросил Степан.

— Метров шестьсот-восемьсот.

Степан свистнул.

— Вниз двести, вверх шестьсот метров... — невесело подытожил он.

В тишине раздался вздох.

— Не вздыхай, выберемся, — неуверенно успокоил Сергей товарища.

— Сам ты не вздыхай, — вяло возразил Степан.

И вдруг в наступившей тишине они снова слышали вздох, вернее какое-то движение в воздухе.

— Слышал? — спросил Сергей почему-то шепотом.

— Что это? — прошептал в ответ Степан.

— Не знаю... Ледник, наверное...

— А нас не может в этой мышеловке раздавить, если трещина начнет закрываться?

— Вряд ли. Лед течёт со скоростью нескольких сантиметров в сутки, а трещины смыкаются ещё медленнее. А потом, может, она раздвигается... — Сергей вдруг осекся, поняв, что, если трещина раздвинется, тягачу грозит дальнейшее падение.

— Да, в обоих случаях нам каюк, — закончил его мысль Степан.

Дверь в тамбур неожиданно распахнулась, и появилась голова Жоры.

— Леонид очнулся, — выпалил он и исчез.

Они быстро спустились обратно в балок и сразу увидели глаза Леонида, вопросительно смотревшие на них.

— Что случилось, ребята?

Все молчали.

— В трещину провалились, — наконец ответил Степан.

— Ну и что, в первый раз, что ли? — спросил удивленно Леонид.

— Да так, пожалуй, впервые, — подтвердил Сергей. И коротко рассказал, что с ними случилось.

После небольшой паузы Леонид сказал Жоре:

— Радиосвязи не будет, можешь и не стараться, лед радиоволны экранирует.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил Сергей.

— Да паршиво, честно говоря. Попробуй смерить глубину трещины, а я пока с Жорой займусь, у меня здесь одна мыслишка появилась, как определить нашу высоту над уровнем моря.

Сергей достал моток шпагата и полез вверх. Леонид повернулся к Жоре.

— Достань-ка из аптечки градусник, пузырек с эфиром и несколько кубиков сухого спирта.

Жора извлек всё необходимое, потом, повинаясь указаниям Леонида, он соорудил из проволоки небольшую корзиночку, в которой укрепил пузырек с эфиром, вставил в горлышко градусник, закрепил

его, чтобы ртуть не касалась эфира, и зажег кубик сухого спирта под пузырьком. По балку начал распространяться сладковатый запах эфира. Степан не выдержал и, бормоча, что он после зубных врачей этого запаха не выносит, выскочил наверх. Через пять минут Жора сообщил Леониду:

— 34,3 градуса.

— Этиловый эфир кипит на уровне моря при 34,6 градуса, значит по высоте мы где-то близко к нему.

Сверху раздался голос Сергея:

— Глубина пятьдесят два метра, дно твердое, похоже на камень.

— Отлично, — ответил Леонид. — Жора, встряхни термометр, привяжи наш прибор к шпагату и спусти его с горящим спиртом на пятьдесят метров вниз, поддержи минут пять и вытащи. Термометр максимальный, значит показания его не изменятся, пока наверх будешь тащить.

Жора выбрался из балка, и сверху, через дверь, до Леонида стали доноситься приглушенные голоса; минут через двадцать все спустились обратно.

— 34,5 градуса, — торжественно объявил Жора.

— Значит, две десятых градуса на пятьдесят метров? Следовательно, мы находимся на высоте около семидесяти пяти метров над уровнем моря, если в Тихой сегодня атмосферное давление семьсот шестьдесят миллиметров. А дно трещины на высоте приблизительно двадцать-тридцать метров над уровнем океана. Значит, падали мы около семисот пятидесяти метров. Надо бы спуститься на дно, посмотреть, что там творится. — И, обращаясь к Сергею, добавил: — Спускайся-ка ты со Степаном вдвоем.

— На чём? У нас веревки такой нет, — ответил Сергей.

— А мы трос от лебедки вытравим, — предложил Степан, — только её разобрать придется, а то без двигателя ничего не сделаешь.

— Точно, — обрадовался Леонид. — Да кстати: тому, кто придумает способ связи с Тихой, будет вручена премия — папироса «Беломорканал».

Уже два дня ребята сидели без папирос, поэтому Сергей удивленно взглянул на Леонида.

— Слушай, а авансом твою папиросу получить нельзя? Мы бы её сейчас на троих разделили.

— Не выйдет, — ответил Леонид, — вам стимул нужен? Нужен!

— А выбраться отсюда — не стимул? — съехидничал Жора.

— Конкурс объявлен, премия назначена, срок конкурса не ограничен, жюри выберем потом, так что давайте за работу.

Леонид чувствовал себя значительно лучше. И хотя никто об этом не говорил, руководителем теперь был он. Произошел, как потом ребята шутили, «дворцовый переворот».

Прошли ещё одни сутки. Все были заняты делом. Сергей и Степан разобрали лебедку и вытравили трос. Жора соорудил из талрепов такие захваты, которые можно было, наступив на конец, надежно заклинить на тросе. Достаточно было ослабить нажим, и ступенька сползала вниз.

Наконец закончили подготовку, и Сергей со Степаном начали одеваться. Надев свитеры и штормовки, «трещинолазы», как их шутя называли товарищи, привязали к ногам подвижные ступеньки-захваты. Сергей надел на спину рюкзак с несложным оборудованием для исследования трещины и, свесив ноги за край тягача, нащупал захватами трос. Почувствовав твердую опору, он исчез за краем балка. Вскоре начал спускаться и Степан.

Жора привязал к тонкой бечевке консервную банку, превращенную в светильник, зажег её и начал опускать, освещая трещинолазам спуск.

Степан огляделся. С обеих сторон освещенные коптящим пламенем светильника, сверкали и переливались, как драгоценные камни, пушистые гроздья кристаллов льда, сплошным ковром покрывавшие стены. По мере спуска стены начали отступать, и скоро их уже было плохо видно.

«Метров десять до стен», — про себя отметил Степан. Тягач, по-видимому, застрял в небольшом сужении.

Вдруг где-то в стороне раздался вздох — сильнее, чем в первый раз. Сейчас к нему примешивались какой-то свист и шипение.

— Слышал?

— Это, наверно, ледяной, — пошутил Сергей, — ну, вроде водяных и домовых. Сейчас выясним, кто это здесь дышит.

Светильник достиг дна трещины.

— Камни, — сказал Степан и прыгнул вниз. За ним спустился Сергей. Они стояли на поверхности, заваленной мелкими и крупными

валунами.

— Морена, — отметил Сергей, — вытаявшие из ледника камни, которые он тащит с собой.

Он снял рюкзак, достал факелы, залил из бутылки соляр и зажег. Стало светлее. Метрах в тридцати видна была какая-то темная масса. Когда они подошли, то невольно вздрогнули — бесформенной массой оказался их буровой балок. От страшной силы удара все металлические части конструкции были смяты и перекорежены, доски представляли собой размочаленные щепки, торчащие во все стороны, сверху лежали относительно слабо поврежденные металлические сани, на которых был собран буровой домик.

— Да, нам крупно повезло с размерами трещины. — Сергей повернулся к Степану. — Какой фарш остался бы от нас, не зацепись тягач за стенки.

Внезапно за спиной раздались шум, какой-то свист, бульканье. Они двинулись в сторону шума. Сергей вынул из кармана ракетный пистолет и зарядил его осветительной ракетой. Шум так же резко оборвался, как и возник.

— Осторожно, Сергей, подождем, пока он снова не зашумит.

Свист раздался неожиданно, перешел в клокотание — это было совсем рядом, где-то здесь, в нескольких метрах за стеной темноты.

Сергей поднял пистолет. Оглушительно громко хлопнул выстрел, белая ракета взметнулась вверх, описала пологую дугу и осветила всё вокруг.

То, что они увидели, было ошеломляюще красиво. Они стояли посреди огромного грота. Над ними на высоте метров тридцати смыкались своды купола. Стены, правильным кругом подпирающие свод, имели несколько отверстий типа арок готической формы, за ними угадывались ещё помещения, гроты и пещеры. А прямо перед ними на расстоянии пятнадцати-двадцати метров из скалы бил окутанный паром белый фонтан воды. Ракета потухла, и всё вновь погрузилось в темноту. Через секунду их окутали клубы пара.

— Гейзер, самый настоящий гейзер, подледная долина гейзеров! — восхищенно воскликнул Сергей.

Они медленно стали подвигаться вперед. Шум стал стихать, и, когда они подошли к месту, откуда бил фонтан, пар рассеялся, и они

увидели только небольшое возвышение из белого камня. В середине было видно круглое отверстие, из которого спокойно текла вода.

— Отойдем в сторону, а то как бы душ не получить.

Они пошли вдоль ручейка, текшего по склону. Снова стали попадаться валуны и камни, скоро ручеек скрылся под ними.

— Сергей, а как эти своды могут выдержать давление почти километровой толщи льда? — спросил Степан.

— Это идеальной формы перекрытие, оно перераспределяет давление с потолка на стены. В старых соляных шахтах (ведь соль, как и лед, тоже течет) также делали выработки под землей со сводовыми потолками.

Они обследовали второй зал и обнаружили, что он соединяется с целой анфиладой залов, пробитых водой в леднике. Это был настоящий подземный город, как шутливо отметил Степан, «комнаты с водой, отоплением и ванной». Осмотрев ещё несколько залов и убедившись, что вода из источников, фильтруясь в морене, уходит под стены, они решили возвращаться. Немного поплутав, они попали в первый зал и увидели вдали яркую точку горящего светильника.

Подъем прошел благополучно, и через несколько минут они уже сидели в балке.

— Ребята, там такую подледную станцию можно построить — со всеми удобствами, ни пурги тебе, ни морозов.

Сергей увлеченно строил планы на будущее, словно позабыл, что их собственное положение было далеко не блестящим. Похороненные на этой страшной глубине, они не имели никакой возможности сообщить в Тихую о своем положении.

Неожиданно Леонид повернулся к Жоре и попросил:

— В приемной кассете осциллографа лежит папироса, достань мне её.

Все повернулись и уставились на Леонида.

— Ты что? Подожди, ты же не куришь, — ошеломленно проговорил Жора.

— А сейчас хочу. Могу же я получить объявленную премию? — улыбаясь, сказал Леонид.

— Ты хочешь сказать... — удивленно начал Сергей.

— Да, кажется, я нашел способ сообщить в Тихую, где мы находимся.

Вдруг неожиданно пол под ногами покачнулся, балок вздрогнул и осел.

— Черт, мы опять падаем! — в полной тишине прошептал Степан.

— Да, дело дрянь, надо перебираться вниз, в пещеры, и быстрее.

— Быстро выкидывайте всю одежду, матрацы, спальные мешки и спускайтесь сами, — приказал Леонид.

— А ты?

— А я поеду верхом на Степане, выдержишь, Степа, а?

— Конечно.

— Тогда быстро.

Они стали выбрасывать вещи, которые не могли разбиться. Временами тягач вздрагивал и снова начинал сползать.

— Жора и Сергей, начинайте спуск. Захваты поднимем обратно по осветительному шнуру.

Солуквелидзе и Комов спустились благополучно. Когда Степан стал помогать Леониду вылезти, тягач снова затрясся и стал ползти вниз.

— Руки, — скомандовал Степан. Леонид послушно протянул ему сложенные вместе руки. Степан быстро связал запястья и затянул узел. Леонид обхватил связанными руками Степана за шею и сполз вниз в темноту. Степан начал медленно спускаться. Тяжелым грузом висел за спиной Леонид. Сначала он что-то говорил, а потом затих.

Трос дрожал. По-видимому, тягач продолжал оседать. Внизу были видны огоньки факелов Жоры и Сергея. И из-за этого особенно сильно ощущалась высота.

Степан задыхался. Руки Леонида стиснули горло. Степан собрал последние силы и продолжал спуск с закрытыми глазами, на ощупь хватаясь за трос. Он чувствовал, что сейчас не выдержит и сорвется.

Неожиданно дышать стало легче. Степан открыл глаза и обернулся. Сергей и Жора бережно снимали со спины Леонида.

— Теперь быстро в сторону! — крикнул Жора.

Они отбежали в сторону гейзера как раз вовремя. Раздался какой-то шум, а в следующую секунду — оглушительный звук удара. Двадцатитонный тягач рухнул на камни. Полярники стояли, прижавшись к ледяной стене, и прислушивались к стуку падавших кругом камней и обломков. Затем всё стихло.

— Горит! — Степан резко обернулся. На месте, где упал тягач, всё ярче и ярче подымались языки пламени, освещая бесформенную грудку железа и дерева, оставшуюся от тягача.

— Соляр, баки лопнули, а загорелось всё от светильников, — догадался Степан.

Пламя разгоралось. Внезапно язык огня пробежал по камням, лежавшим под ногами.

— Соляр растекается, бежим быстрее! — крикнул Жора.

Они с Сергеем подхватили Леонида и бросились в глубь пещеры. Бушевавшее сзади пламя освещало дорогу. Сквозь арку в стене было хорошо видно, как полыхает огонь в соседнем зале.

Леонида положили на камни, подстелив единственный спальный мешок, который успел схватить Жора. Текли минуты. Огонь начал спадать через час. Но появилась вторая неприятность: дым заполнил первый зал и начал проникать во второй. Они были вынуждены отступить в третий. Отсюда они даже не могли видеть отсвет пожара.

Через пять часов им показалось, что дым стал реже. Сергей и Степан отправились на разведку. Они добрались до тягача, вернее до того места, куда он упал. Там лежала бесформенная масса, обгоревший остов искалеченного тягача и тлевшие остатки балка. Всё было уничтожено огнем.

— Из оборудования остался один спальный мешок... продовольствия нуль, воды сколько хочешь, горючего и дров также нуль, правда, есть тепло гейзеров и куча обгоревшего металла. Небогато, но жить можно, — подвел итоги Леонид. — Ну что же, давайте начнем с того, что передадим в Тихую, где мы находимся, — неожиданно закончил он.

В Тихон у всех было подавленное настроение. Обычное оживление, связанное с прибытием новой смены, передачей дел, письмами и посылками из дома, сменилось тревогой за своих товарищей.

Летчики провели аэрофотосъемку предполагаемого района исчезновения тягача. Следов на снимках было слишком много, и все они неожиданно обрывались, занесенные в разных местах пургой.

В район поисков выехала группа взрывников. Они провели серию крупных взрывов. От взрывной волны обвалилось несколько снежных мостов, но это были известные раньше неширокие трещины, не

представлявшие опасности для тягача. Аэромагнитологи попробовали провести магнитную съемку района, но также безрезультатно.

Особенно тяжело переживал исчезновение тягача Саша Яблочкин, сейсмолог экспедиции, молодой розовощекий блондин, отличавшийся немного угрюмым характером и живший, как отшельник, в своем сейсмическом павильоне. Леонид Топорков был его большим другом.

Исчезновение четверки Комова совершенно выбило Сашу из колеи. Он ходил с отсутствующим взглядом по Тихой, натыкался на людей, извинялся и шёл дальше. Иногда он приходил к начальнику экспедиции Коробову и начинал излагать ему фантастические проекты поисков пропавшего тягача. Он дошел даже до того, что предложил растопить край ледника. Коробов успокоил Сашу и, провожая, попросил заходить почаще.

Саша проявил снятую накануне с барабана осциллограмму и, промывая её в бачке с водой, привычным взглядом осмотрел записанные кривые. Неожиданно он вздрогнул: те самые микросейсмы, которые обычно располагались на ленте, вдруг резко изменили характер записи. Они чередовались с одинаковым интервалом, даже не с одинаковым интервалом, а с какой-то более сложной закономерностью. Саша замерил время первыми вступлениями: 10, 10, 10 минут, потом шел интервал 15 минут, потом микросейсмы имели три интервала по 30 минут и снова 15, после этого три раза по 10. Странно, очень странно! В первый раз он видел микросейсмы не промышленного типа, идущие с правильными интервалами. Словно чья-то рука включала рубильник возбуждения микросейсм. Саша вздрогнул. Чья-то рука? Ну конечно, ведь это же сигнал бедствия «SOS». Саша лихорадочно стал наносить на бумагу точки и тире.

Он взял со стола справочник и отыскиал сигналы азбуки Морзе. СОСУРСУ. Странно, почему УРСУ? Саша вспомнил, что у радистов существует условный буквенный код, который позволяет сокращать текст переговоров. Он поднял трубку телефона и позвонил Житкову.

— Олег Николаевич, что в ваших кодах обозначает сочетание «УРСУ»?

— Ничего не обозначает. УРСУ — это позывные Солуквелидзе.

Саша выскочил из сейсмического павильона и без шапки, прижимая к груди мокрую сейсмограмму, побежал к дому, в котором

жил Коробов.

— Я нашел их, Семён Семёныч, вот они, — и он протянул истрепанную сейсмограмму Коробову.

Семен Семенович глубоко вздохнул, налил в стакан газированной воды из сифона и, протянув его Саше, сказал:

— Успокойся, выпей и расскажи всё по порядку.

Саша отстранил стакан и, захлебываясь, путаясь, перебивая самого себя, рассказал о своей находке. Семен Семенович внимательно выслушал его, посмотрел сейсмограмму и спросил:

— Это сейсмограмма за позавчерашний день, а где вчерашняя?

— Не проявлена ещё.

Он вскочил и пулей вылетел из комнаты. Семен Семенович взялся за телефонную трубку: он позвонил геологу экспедиции Голубеву, а затем стукнул несколько раз в стенку. Из соседней комнаты появился Житков.

— Звали меня, Семен Семеныч? — спросил он.

— Да. Вот взгляни, — и он протянул Житкову бумагу, на которой Саша записал сигналы. — Что это такое?

— Сигналы бедствия, посланные Солуквелидзе. Откуда они? — взволнованно спросил Житков.

В этот момент в дверь постучали, и вошел геолог экспедиции Петр Теодорович Голубев, высокий стройный мужчина средних лет, со щеголеватой, немного манерной наружностью. Даже здесь, в Антарктиде, он умудрялся ходить в ослепительно белых рубашках и городском костюме.

— Скажите, Петр Теодорович, — в лоб спросил его Коробов, — может человек искусственно вызвать землетрясение?

— В принципе это возможно: например, подземные атомные взрывы, да и просто мощные взрывы аналогичны землетрясениям, — немного подумав, ответил Голубев.

— Нет, я не о том. Может ли Комов и его группа вызвать не одно, а несколько мелких землетрясений, тряся землю наподобие телеграфного ключа? — И Коробов протянул сейсмограмму Голубеву. Он объяснил Житкову и Голубеву всё, что понял из сбивчивого рассказа Саши.

— Невероятно, но похоже на факт, — констатировал Голубев.

Дверь распахнулась без стука, и на пороге появился Саша. В руке он держал ещё одну мокрую ленту.

— А, вот вы где, Олег Николаевич! — воскликнул он. — Записывайте: точка, точка, тире, тире, пропуск... — и он продиктовал серию сигналов. — «Югу 20 км 800 м». То есть «мы находимся к югу от Тихой в 20 километрах, на глубине 800 метров», — взволнованно произнес он, глядя на строчки сигналов морзянки.

Семен Семеныч, мы можем их запеленговать с двух сейсмических станций, — предложил Саша. — Это позволит почти точно выйти к точке. Вторую станцию сейчас монтируют на острове Горева, в двадцати километрах к востоку от Тихой. У них почти всё уже готово, они вчера пробные записи производили. Дайте мне вертолет, я слетаю, посмотрю записи, и мы сможем их запеленговать.

Через два часа в кабинете у Коробова нельзя было протолкнуться, все на станции Тихой стремились узнать, что происходит в кабинете у начальника экспедиции. Весть о том, что получена радиограмма от группы Комова при помощи «землетрясений», взбудоражила умы всех членов экспедиции.

Уже было известно, что Яблочкин улетел на остров Горева, и его прибытия ждали с минуты на минуту.

Скоро в небе раздался треск мотора приближающегося вертолета. Все внимательно следили, как, подняв вихри снежной пыли, он сел прямо рядом с домом руководства экспедиции. Из машины выскочил сияющий Саша и исчез в люке дома.

Он протиснулся к столу, где лежала карта окрестностей Тихой и, достав из кармана циркуль и транспортир, быстро стал отмерять и наносить на карту какие-то линии, поглядывая в свою записную книжку.

— Вот здесь, — сказал он, поставив крестик на карте.

— Веха № 476? — удивленно спросил кто-то. — Там же трещин не было.

— Значит, теперь есть, — ответил Саша с уверенностью.

Через пятнадцать минут спасательная партия покидала Тихую. В переднем вездеходе сидел возбужденный Саша, в первый раз за всю зимовку он выезжал за пределы станции. Через час у вехи № 476 остановились три вездехода спасательной партии. Из них высыпало около сорока человек. Коробов с удивлением отметил, что среди них

многие не имели никакого отношения к спасателям. Связавшись по четыре, они стали прочесывать местность, прощупывая длинными острыми щупами снег. Через час один из спасателей вдруг провалился, резко дернув веревкой привязанных к нему товарищей. Его быстро вытащили, оградили зияющую дырку в снегу красными флажками и стали посылать в трещину сильные звуковые сигналы сирены.

План Леонида был остроумен. Гейзер при фонтанировании возбуждает микросейсмы. Ещё в зимние ночи в Тихой вместе с Яблочкиным они просиживали часами над лентами с непонятными микросейсмами. Теперь он понял, что было их источником. Он знал, что в Тихой даже принято решение построить новую станцию на острове Горева для наблюдения над ними.

Но как заставить гейзеры сообщить о себе? Леонид вспомнил, как однажды в одном из видовых фильмов, посвященном Исландии, он видел, что для туристов вызывают искусственное фонтанирование гейзера, просто бросая в отверстие гейзера кусок породы.

А что, если заставить гейзеры извергаться в определенном ритме по азбуке Морзе? Когда Леонид сказал об этом, было решено немедленно начать опыты.

Сергей и Степан подошли к самому крупному гейзеру. Тот, по-видимому, недавно кончил извержение, и вода тихо выливалась из отверстия в полу. Сергей поднял камень величиной с литровую консервную банку и бросил в отверстие. Он заметил время по фосфоресцирующему циферблату своих часов. Через некоторое время вода забулрила и ударил столб пара и воды. Подождав, пока гейзер успокоится, Сергей повторил опыт. Время реакции гейзера было около полутора минут. Они перешли в другой зал к гейзеру и повторили опыт. Этот реагировал через две минуты. Два маленьких гейзера не реагировали на камни совершенно.

Когда они вернулись и Сергей передал Леониду данные своих наблюдений, начались обсуждения текста, который предстояло передать. Все сошлись на том, что первым словом должно быть «SOS». Если Яблочкин обратит внимание на изменение поведения в микросейсмах, то он сумеет увидеть за ритмичным сигналом всем мальчишкам с детства известный сигнал бедствия.

Через полчаса Степан и Сергей стояли у двух гейзеров с камнями наготове.

— Приготовиться Сергею! — закричал со своего места Леонид, глядя на часы. — Бросай! Приготовиться Степану! Бросай!

В течение многих часов подряд через 10, 15, 30 минут раздавались команды. Первую «сейсмотелеграмму» передавали около семи часов подряд. Потом сделали перерыв. В это время Яблочкин в Тихой обычно менял ленту. Потом они продолжили передачу, передавая свое местоположение.

Хуже всего обстояло дело с освещением. Оба факела, которые полярники успели спасти во время пожара, кончили гореть уже несколько часов назад. Карманный фонарик почти совсем не светил.

Леонид распорядился использовать последние минуты его работы для осмотра места падения тягача. Осмотр дал неутешительные результаты. Несколько полуобгоревших досок, рваные куски кровельного железа — единственное, что ещё могло пригодиться в устройстве дальнейшей жизни. Из этих материалов и был устроен помост над ручейком. От горячей воды, текшей из гейзера, на нем было относительно тепло. Из-за длительного пребывания в сыром воздухе пещеры одежда стала влажной; единственное, что согревало, была работа. Леонид решил начать строительство небольшой хижины, скорее даже шалаша, в котором можно было бы поддерживать тепло.

К концу второго дня пребывания внутри пещеры они соорудили помещение, в котором пять человек могли, поджав ноги, лежать в относительном тепле. Первая «ночь» после почти двух суток бодрствования прошла спокойно. Полярники спали, измученные работой и бурными событиями дня. Один Леонид не спал и в который раз продумывал все возможные варианты дальнейших действий для спасения. Он хорошо знал Сашу и твёрдо верил: если сейсмографы записывали микросейсмы, возбуждаемые гейзерами, то их найдут. Если...

Неожиданно Леониду показалось, что он услышал далекий вой. Неужели галлюцинация? Нет, вой продолжался, он переходил на более высокую ноту и снова возвращался на более низкую.

Сирена! Сирена спасателей.

Леонид стал трясти лежащих рядом Сергея и Жору. Сергей промычал что-то во сне и продолжал спать. Жора вообще не реагировал на толчки.

Нельзя терять ни минуты! Леонид выполз из шалаша.

Куда идти? Кажется, прямо по ручью. Леонид на четвереньках пополз по ручью. Горячая вода обжигала руки, но Леонид продолжал ползти вперед.

Вот возвышение, откуда бьет гейзер. Неожиданно Леонид услышал нарастающее клокотание. Сейчас начнется извержение. Надо бежать в сторону, иначе его сварит заживо в струе пара и кипятка.

Он вскочил, пробежал несколько шагов, споткнулся о камень и упал. Снова пришел в себя через несколько минут. Было тихо. Куда, зачем он бежал?

Да, была сирена, если не ответить, то они могут уйти.

Но как ответить! Кричать бесполезно: из этого далекого зала его не услышат. После падения Леонид совершенно потерял ориентировку. Где выход к трещине? Где лежит изуродованный тягач? Снова раздался далекий вой сирены.

Неожиданно Леонид почувствовал тонкий запах гари. Повернул голову — запах чуть усилился. Он двинулся навстречу запаху, он поворачивал, петлял и двигался в каком-то направлении, которое казалось ему совершенно противоположным нужному. Но с каждым шагом запах становился сильнее.

Наконец споткнулся обо что-то твердое. Он протянул руки и нащупал тягач. Леонид нагнулся, нащупал камень, поднял его и стал бить по стальному борту. Три частых удара, три длинных...

Прошло несколько минут. Тишина.

— Повторите сигналы, — приказал Коробов.

Снова завывала сирена, разнося тревожный вой по снежной равнине Антарктиды.

— Готовьте людей к осмотру трещины и продолжайте поиск других трещин, — распорядился Коробов.

В этот момент стоявшие рядом с трещиной слышали далекий стук: три точки, три тире, три точки. Сигнал бедствия, известный всем мальчишкам с детства.

ГЕОРГИЙ ТОКАРЕВ

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ШАГОВ

Георгий Токарев

Десять тысяч шагов

Генка совершенно не понимал, почему это так, да и вообще этого нельзя было понять, но именно сегодня с самого раннего утра у него было совершенно определенное предчувствие чего-то неизвестного, таинственного, важного и обязательно хорошего. То ли молодость в его душе была слишком неугомонной, то ли утро было каким-то уж очень ясным и светлым, а скорей всего обе эти причины вместе подняли Генку на целый час раньше обычного.

Над пустыней всходило солнце. Сначала по безоблачному небу цвета полинявшего голубенького ситчика позолоченным веером брызнули гонцы солнца — его лучи, потом оно само глянуло из-за далеких холмов ослепительным царственным оком своим, и вот низко над горизонтом повисло уже всё великое светило, чуть волнуясь и подрагивая в теплых воздушных струях. Словно листок фотобумаги в проявителе, в одну минуту переменилось однообразное лицо пустыни. В каждой ложинке, за каждым холмиком попрятались темные резкие тени; невесть откуда и невесть куда побежали по песку следы, такие свежие и четкие, словно их только что нарисовали черной краской. Это было удивительно. Генка каждый день видел пустыню, но никогда не замечал всего этого. День начинался по-новому, необычно, и предчувствие пока что не обманывало.

Было ещё очень рано, не больше семи часов, а пустыня уже напоминала о себе, дохнув в лицо Генке сухим, горячим ветерком, будто и не было совсем ни ночи, ни темноты, ни прохлады. Генка послонялся по гаражу, потом взял кое-какие ключи и полез под свою полуторку; не то чтобы ему захотелось вдруг работать, нет: просто под брюхом машины была тень, и делать было нечего. Он улегся на спину на жестком брезенте, привольно раскинув ноги, и уже принялся было подтягивать гайку, как вдруг у колеса в двух шагах от его головы остановились чьи-то ноги. Генка не видел их хозяина, но знал, что это был Клевцов. Он один во всем гараже носил даже в самую жару свои неизменные солдатские галифе и сапоги: здоровенные кирзовые сапожищи примерно сорок четвертого размера, порыжевшие и

растрескавшиеся от зноя. Генка принялся старательно отдуваться, пыхтеть, колотить ключами и вообще изо всех сил изображать кипучий трудовой процесс. Клевцов молчал.

«Ничего, начальничек, подождешь! — довольно подумал Генка. — Наплевать мне на всех, когда я занят ремонтом. И на тебя наплевать!»

Впрочем, если говорить честно, то Генка побаивался Клевцова. И совсем не из-за его жесткой нижней челюсти и тяжелых кулаков, дело было совсем не в них. На своём коротком веку много успел Генка перевидать начальников: строгих и добродушных, молчаливых и крикливых, трезвенников и пьяниц. Но такого, который, как ни крути, всегда оказывается прав, — такого ему ещё не попадалось. Этого стоило уважать и, пожалуй, слегка побаиваться.

Генка вытер со лба пот, вздохнул и с неохотой стал вылезать из-под машины. Интересно, чего Клевцов от него хочет? Стоит и ждёт. За последнее время Генка вроде бы здорово не выпивал, драк не устраивал. В аварии тоже не попадал, если не считать смятой фары, за которую нагоняй уже получен. Странно.

Генка вздохнул, перевернулся на живот и, пыхтя, выбрался наружу.

— Что это ты сегодня, брат, ранней птичкой, а? — как всегда угрюмовато, поинтересовался Клевцов, удивив Генку теми нотками доброжелательности в голосе, которые были для него необычны и не подходили к его суровому, мрачноватому облику.

— Да сам же говорил, что машина — она глаз да уход любит! — копируя Клевцова, пробасил Генка.

— Это точно! Рассуждаешь как положено! — не замечая иронии, удовлетворенно сказал Клевцов. — И вообще хоть и много в тебе дури, а все же боёк в голове имеешь. Понял?

— Так точно, товарищ начальник!

От души радуясь и немножко забавляясь совершенно необычайным явлением (Клевцов похвалил его, Генку!), Генка тут же отыскал ему объяснение: всё дело в том, что день с самого начала оказался необычным, предчувствие сбывалось.

— Да-а... — неожиданно протянул Клевцов, как-то потускнев лицом и внимательно разглядывая грязные носки своих сапог. — А обстановка, парень, вот какая...

Генка насторожился. Парнем начальник называл его, если хотел отчитать за что-нибудь. Но за что?

— Ночью, сам знаешь, какой ветер был, — продолжал Клевцов. — Дороги опять позаносило. А на четвертую буровую ещё вчера надо было воду отвезти. Дрянь дело. Понимаешь, что к чему?

Генка не понимал. Дороги заносило довольно регулярно, и не менее регулярно надо было возить воду. Правда, ночью была, кажется, самая настоящая буря, но ведь она кончилась!

— Темнишь, начальник! — насторожился Генка, подозрительно покачав головой.

— Да чего тут темнить? — проговорил Клевцов, твердо уставив на Генку свой тяжеловатый, с легким прищуром взгляд бывшего артиллериста. — В гараже только твоя полуторка, сдай её Азнакаеву. Принимай дежурство. Ясно?

Тяжелая рука легла Генке на плечо. Генка нахохлился, как воробей в сильный мороз, отвел плечо и сердито засопел. Предчувствие обмануло его, день начинался совсем не чудесно. Генка обещал быть сегодня на буровой, а тут на тебе: принимай дежурство!

— А я что, маленький, да? — продолжая сопеть, спросил Генка.

— Да ты погоди, — поморщился Клевцов, — ты пойми. Азнакаев — водитель бывалый, опытный, да и то черт его знает, как он туда доберется на твоей старухе! Вон как скаты обшарпаны. А ведь песок! Ну, давай ключ.

— Не дам! — твердо сказал Генка, зло разглядывая прокуренные усы Клевцова. — Не доедет твой Азнакай, старик он. А я на моей Маруське доеду!

— Слушай, парень, ты мне тут махновщину не разводи! — разозлился Клевцов. — Люди воду ждут, сутки не пивши, работают, а мы прения разводим! Давай сюда ключ!

— Я сам повезу воду! — угрюмо и упрямо заявил Генка.

Начальство окончательно вышло из себя. Клевцов орал сиплым басом и даже махал перед его носом измазанными солидолом кулаками. Генка был назван молокососом (за свои 20 лет) и стилигой (за узкие брюки и прическу ежиком). Молокосос и стилига испуганно пятился, пряча за спиной зажатый в кулаке ключ и упрямо косясь на Клевцова. И вдруг в темных глазах начальника, где-то в самой их непроглядной глубине, Генка увидел одобрение. Да, да, это было

именно одобрение, тщательно маскируемое гневом, но всё же несомненное и даже немного озорное одобрение!

— Как будто сам не был молокососом! — осмелев, пробурчал Генка себе под нос.

Клевцов осекся на полуслове и задумался, выпучив глаза.

— Хм! Ну, шут с тобой, Дубинский! — неожиданно легко сдался он. — Только ты учти: сядешь на Барханном — пальцем не шевельну. А вода чтоб на буровой была. Ясно?

— Будет полный порядочек! — обрадовался Генка.

— Он мне говорит! Не гараж, это ж детский садик какой-то, ей-богу! — ворчал Клевцов, но уже больше так, для порядка.

Генка влетел в кабину, включил зажигание и привычно ткнул носком ботинка в блестящий пяточок стартера. «Маруська» сонно фыркнула, недовольно зачихала, лениво затарахтела стареньким, изношенным мотором. Выезжая из гаража, он увидел в воротах Клевцова и Азнакаева. Первый сурово кивнул Генке, а второй недовольно покачал головой: он-то хорошо знал, что такое живые пески в Каракумах! Генка беззаботно помахивал им из кабины кепкой и лихо крутанул баранку.

Победно трубя, «Маруська» проворно побежала за своей пока ещё длинной и прохладной тенью. Казалось, даже машина рада, что ей не делают бесконечный «текущий ремонт». Генка беспечно улыбнулся. Предчувствие всё-таки не обманывало.

Впереди сто сорок километров дороги по безлюдной песчаной пустыне до затерянной где-то среди барханов буровой № 4.

Первые восемьдесят километров промчались незаметно и даже весело. За боковыми стеклами, подрагивая, величаво поворачивалась однообразная, манящая своей бесконечностью пустыня. Дорога шла настолько прямо, что напоминала Генке туго натянутый шнурок. Она выползала из-за горизонта едва различимой ниточкой, затем недвижно выжидала некоторое время, постепенно толстая и раздваиваясь, и вдруг стремительно кидалась под колеса двумя пыльными лентами-колеями. Красный кончик стрелки спидометра весело выплясывал где-то между цифрами шестьдесят и семьдесят. Это был предел для «Маруськи».

Генка уверенно жал на акселератор, небрежно держа баранку одной рукой и папиросу другой. Длинноносый пластмассовый

Буратино, болтавшийся на красной ленточке перед ветровым стеклом, улыбался до ушей и с удовольствием слушал Генкин художественный свист.

Но вот плоские солончаки кончились. Равнина постепенно посветлела, пожелтела и пошла пологими волнами. Горячий, сухой ветерок гнал по ложинам желтую песчаную поземку. Кое-где стали попадаться корявые, бурые и с виду безжизненные деревца саксаула. «Маруська», как живая, подвывала на подъемах и тихонько скулила на спусках.

«Вот дает газу!» — подумал Генка про солнце, чувствуя, как от железной крыши кабины пышет печным жаром. Он немного опустил левое стекло. На зубах сразу же закрипел песок.

Где-то около девяностого километра ему попался первый занос. Маленький низкий барханчик лизнул дорогу нешироким желтоватым языком. «Маруська» проскочила его, не сбавив скорости. Теперь недалеко уже был Барханный перевал.

Генка нахмурился, остановил машину, давая мотору поостыть. Замотал ленточкой некстати ухмыляющегося, надоедливого Буратино. Заглянул в кузов. Так, бочонок на месте. Можно ехать.

Оксана ждет его сегодня. Стал бы Генка каждую неделю гонять на самую далекую буровую, если б не веселая черноокая повариха и по совместительству медсестра Оксана Величко! Иначе какой расчет делать такие дальние рейсы? И всё же Клевцов — штучка! Азнакай, видите ли, водитель опытный, а он, Генка, значит, так себе, барахло. Подумаешь, песок! А ну, трогай, Марусенька!

Дорога была знакома. Сначала она идет на подъем, потом будет сравнительно ровное плато, засыпанное целыми стадами крутолобых, хвостатых барханов. Это и есть Барханный перевал. Все водители базы боятся этого гиблого места. Все, кроме него, Генки. Уж кто-кто, а он умеет чувствовать пески! Вернее, он и его «Маруська». Главное, не слезать с дороги, даже если она засыпана песком. А если уж слез, так держи руль жестко, изо всех сил. Иначе всё, каюк, как говорит Азнакай.

Дорогу перехватил второй занос. По тому, как тупо-тупо ткнулась в песок машина, Генка понял, что дело плохо. Он уцепился за крутнувшуюся баранку и дал полный газ. Медленно, с трудом раздвигая песок передними колесами, «Маруська» выбралась на

дорогу. Но через пять минут за поворотом показалась песчаная коса метров в десять шириной. Генка вылез из кабины, ткнул ногой скат.

«Маруська» взревела и с разгона врезалась в косу. Грохотнул бочонок в кузове, от удара старенький грузовичок задребезжал всеми своими частями. Пески выпустили его и на этот раз. Повеселевший Генка хотел таким же манером проскочить и следующий занос, но песок здесь был слишком глубокий и вязок. Полуторка надсадно выла, крупно дрожала, но с места не двигалась.

Он включил задний ход, но только загнал колеса в песок до самых осей.

— Вот чертовщина! — с досадой на себя, на «Маруську» и на барханы выругался Генка. — Ну ничего, ничего... Бывало...

Он выкинул из кузова старый брезент, натаскал узловатых саксауловых сучьев и все это швырнул под задние колеса. Потом стал терпеливо и методично гонять мотор на первой скорости, поминутно выскакивая из кабины и подкидывая изжеванный и выплюнутый назад брезент снова под колеса. За полчаса две глубокие канавы в песке удлинились метров на двадцать. Не более.

— Э, так не годится, — расстроился Генка, — не выдержит Маруська. Чует моё сердце, не выдержит.

Пришлось взяться за лопату. Солёный пот противно капал с носа. Горячий, шершавый, как рашпиль, песок, набившийся в ботинки, был ненамного приятнее пота. Но Генка не унывал: он верил, что теперь вылезет. Правда, он никак не думал, что на это уйдет ещё час.

Но час прошел, солнце стояло уже прямо в зените. Мотор задыхался. Генка хорошо чувствовал это по тому, как ослабела тяга, как быстро падали обороты, стоило лишь чуть-чуть убавить газ. Он вложил весь свой шоферский опыт в эти педали, рычаги и баранку, он старался как бы превратить старую машину в продолжение своих нервов и мускулов.

Подлизываясь к «Маруське», выводил её на горки и холмы на таком малом газу, на каком непременно заглохла бы даже легкая «Победа». Тормозами он вообще перестал пользоваться, всячески экономя силы полуторки.

— Ну, Машенька, не обижайся, поднажми. Надо ж, видишь. Вот так! Не подведи, милая. Самую малость, а там поедем под горку. Отдохнешь, — ласково говорил он ей.

Но «милая» явно сдавала. В гудении мотора проскальзывали какие-то тревожно жужжащие и шипящие нотки, затем грозным предупреждением больно отдались в ушах частые резкие выхлопы. А когда машина всё же выбралась из барханов, из радиатора повалил пар.

— Эх, Маруська, Маруська! Не совестно тебе... каких-нибудь двадцать километров не дотянула! — плаксиво сморщившись, констатировал Генка. — Ну ты подумай! Разве так можно...

Он резко тормознул, вспрыгнул на буфер и кепкой открутил горячую пробку. Воды в радиаторе было меньше половины. Иссушенный, жаркий воздух жадно пожирал пары. Раскалившийся от непосильной работы мотор и свирепое полуденное солнце прямо высасывали воду.

«А что, если... взять воды из бочки?» — как-то украдкой проскользнула в его сознании мысль. Но он, даже напугавшись, тут же отогнал её.

— Воды и так литров сорок-пятьдесят, а их там семь человек. И все пить хотят, — сказал он вслух виновато. — Обойдешься, Маруська, дотянешь и так!..

Неровными толчками, с долгими и частыми остановками «Маруська» протянула ещё километров двенадцать и стала. Через полчаса мотор снова заработал, но всего на несколько минут.

После этого он заглох прочно. Напрасно Генка бился над мотором, обжигая руки о раскаленный металл. Солнце торжествовало победу. Мотор был мертв и безмолвен. В отчаянии плюнув на горячие трубы, Генка в сердцах ругнулся и захлопнул капот.

Совсем рядом, вон в той лощинке, буровая вышка; если подняться на холм, она даже будет видна. Семь-восемь километров. Да ехать теперь пришлось бы под горку.

— Сволочь ты, Маруська! Ну, что же мне теперь делать? Идти на буровую, звать на помощь? Клевцов, когда узнает, только хмыкнет и ничего не скажет. Хуже всего, когда он молчит, как, например, весной, когда у Митьки Воронцова по пьяной лавочке полетел промежуточный вал и из-за него вся коробка передач. А Азнакай сощурит свои и без того вечно сонные глаза и с кисленькой улыбочкой скажет, качая головой: «Моя говорил, не шибко надежный парень Генька!» У, черт! Я тебе покажу «ненадежный»! Руками бочку докачу, а вода на буровой будет!

Упрямо выставив подбородок, Генка подскочил к заднему борту и торопливо открыл его. Металлический бочонок тяжело шлепнулся в песок.

Когда-то в техникуме Генка ходил в спортклуб и занимался борьбой, но бочонок был чертовски тяжел, и это его испугало. Восемь километров по песку! Генка вспомнил, что шаг у него восемьдесят сантиметров; значит, до буровой ровно десять тысяч шагов!

Выгоревшие Генкины брови сдвинулись и превратились в одну ровную черту над глазами. Заметнее стал темный пушок на верхней губе, а у рта на щеках вместо детских ямочек появились две едва заметные жесткие складочки. Генка задумался, оперевшись ногой о бочку. Надо как-то дотащить. Не подвести Клевцова.

Но как?

И вдруг его осенило. Бочку можно катить! Однако от этого пришлось сразу же отказаться. В песке бочка сидела плотно и катиться не желала. Генка окинул одиноко уткнувшуюся в обочину полуторку затуманившимся взглядом, шмыгнув носом, поставил бочку на попа и решительно подсел под неё на корточки.

Дрожа от напряжения, он взгромоздил её на себя и сделал первый шаг. Самый первый из десяти тысяч. Теплый ржавый обруч сразу же тупо вдавился в плечо. Ноги по щиколотку увязали в песке, колени подгибались от тяжести. Но Генка шел, стиснув зубы и скривившись от боли. Он считал шаги.

«Пройду тысячу шагов и отдохну», — решил он, но уже на трехсотпятидесятом бочка тупорылой свиньей ткнулась в песок.

— Ах ты, сатана! — обругал её Генка, растирая рукой ноющее плечо.

Солнце стало сползать с зенита и светило теперь немного сбоку. Пришлось снять комбинезон и приспособить его на плечо в качестве подушки. Теперь Генка остался в своей черной, в красную клетку безрукавке и синих спортивных штанах. Горячий ветерок насквозь пронизывал тонкую материю и неприятно грел живот. Но зато не так резало плечо; кроме того, бочка хоть немного закрывала лицо и шею от палящих лучей. Он уже не обращал внимания на липкие струйки пота, стекавшие по лицу, груди и спине. Он до крови закусил губу.

Шаги тянулись один за другим со страшной болью в плече, с частыми ударами сердца и короткими, иссушающими глотку вдохами.

Под ногами был только песок — миллиарды крохотных сероватых песчинок, и каждая ярко светилась и слепила его залитые потом глаза, каждая стремилась поцарапать и уколоть его кожу.

Генка не думал ни о чём. Всё его существо было занято только двумя вещами: бочкой на плече и теми цифрами, которые выкрикивало сдавленным шёпотом какое-то странное создание, сидящее в нём, Генке, но никакого отношения к нему не имевшее. Это было удивительно похоже на то полуобморочное состояние, которое он однажды испытал на ринге в спортклубе. Получил нокаут. И вот с таким же болезненным интересом прислушиваясь к потустороннему голосу судьи, звучавшему как бы в нем самом: 3, 5, 6...

«997, 998, 999... 1 000!» — выдохнуло, наконец, это странное создание.

Генка с наслаждением дал бочке плюхнуться наземь и хотел выпрямиться, но это ему удалось только через несколько минут. Мускулы на плечах сводило судорогой, а поясница словно окаменела, и ему стоило большого труда разогнуть её, чтобы встать по-человечески. Рукавом Генка вытер потное лицо, оставив на нем пыльные полосы. Теперь оставалось девять тысяч шагов.

Солнце смеялось над ним. Оно доконало его машину и жгучими стрелами хотело заставить сдаться и его, Генку. Но, побагровев от натуги, он снова взвалил бочку на уже намятое, горящее плечо и снова качнулся вперед, выставив ногу для нового шага.

Вторая тысяча оказалась невероятно трудной. Не было никаких сил вытаскивать ноги из песка: Генка просто переставлял их, словно усталый лыжник. Где-то на шестисотом шагу у него потемнело в глазах, он покачнулся и застонал, но упасть бочке не дал, со страхом сознавая, что если вот сейчас она упадет, то он не поднимет её больше. Генка изо всех сил удерживал бочку, обхватив рукой её скользкий, маслянистый бок и фанатически шепча:

— Только не упасть, только не упасть!..

А странное создание в нем продолжало считать нарочно замедленно и неторопливо. Генка возненавидел его.

— Всего только восемьсот! Уже давно должна быть тысяча! — давясь слезами, всхлипывая он. — Ты всё врешь, ты крадешь у меня мои шаги! Жадная сволочь! — шипел он ему.

«832, 833, 834...» — бесстрастно отвечало существо.

Тогда всю свою боль и злобу Генка обращал против солнца.

— Ты хочешь меня замучить, солнце? Черта с два! А вот этого не хочешь? — Генка мысленно показывал пустыне грязный кукиш. — Всё равно я не упаду! Не упаду, не упаду... а-а...

И всё-таки он упал. Его нога сделала последний, двухтысячный шаг, он хотел уже сбросить бочку и отдохнуть и в этот момент упал. Упал прямо лицом в песок, сжимая рукой глухо всплеснувшую у самого уха бочку.

— Кровопийца ты! Гадина! — яростно орал он ей, лежа на горячем песке и размазывая по лицу пыль и грязь вместе со слезами и потом.

Бочка презрительно выслушала самые изощренные ругательства и самые страшные проклятия, какие только были известны Генке. От ругани на душе у него полегчало, хотя плечи продолжали пылать огнем.

Чувствуя, что от непомерного напряжения где-то на спине у него вот-вот полопаются мышцы и связки, Генка ещё раз поднял бочку. Странное существо начало отсчитывать третью тысячу.

Если вторая тысяча показалась Генке очень, очень трудной, даже невыносимой, то третья — просто мучительной. Раскаленные обручи впивались в тело огненными когтями. К горлу то и дело подступала отвратительная тошнота, от которой мутилось в глазах и ноги делались ватными. Временами Генка был уверен, что железное чудовище, навалившееся на него всей своей тяжестью, неминуемо подомнет под себя и раздавит его вот здесь, на песке, словно слон лягушонка. Это был настоящий кошмар, от которого нельзя убежать, с которым нельзя вообще ничего сделать, а можно только в мучениях ожидать, когда он кончится.

И он всё-таки кончился, хотя и продлился целую вечность. Изогнувшись от полоснувшей по всем нервным клеткам боли, Генка скинул с себя чудовище, тяжело ухнувшее ему под ноги. Он стоял рядом с бочкой, скрючившись в три погибели, раскорячившись и схватившись руками за поясницу; в изнеможении он так и повалился в песок. Позади осталось расстояние в три тысячи трудных шагов.

Странное существо услужливо подсчитало, что впереди ждут ещё целых семь тысяч. Генка пришел в ужас. Узнав об этом, солнце ещё ярче вспыхнуло от злобной радости, не давая ему ни минуты покоя и

отдыха. Генка и сам начал понимать, что оно победило и «Маруську» и его; эта мысль привела его в слепую ярость, которая в одну секунду закинула бочку на плечо отчаянным рывком. Кошмар продолжался.

Только теперь всё было наоборот: не бочка давила его к земле, а пустыня своей плоской горячей грудью прижимала Генку к бочке, и всё время приходилось отталкиваться и отталкиваться ногами, иначе она бросила бы ему в лицо целые тонны песка и раздавила бы его голову о нависшую над ней бочку.

Генка не видел ни неба, ни горизонта, ни даже склонов барханов. Неотрывно и внимательно смотрел он только себе под ноги, предупреждая выставленной ногой каждое движение земли к его лицу. Его непрерывно тошнило.

В тот самый момент, когда его сознание начало завлакиваться темным туманом, дрожащие колени уже почти подогнулись, а ослабевшая рука начала скользить по боку бочки, — в этот самый момент, в самый последний миг Генка безмолвно вскрикнул от невероятного душевного усилия, вскрикнул одними губами, оскалив зубы в мучительной гримасе. Он вскрикнул и вдруг необычайно остро почувствовал, что ему удалось сделать очень важный шаг. Какой-то неведомый порог миновал, и вместе с ним остались за спиной и боль, и кошмар, и физические страдания, и душевное отчаяние.

Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Он ничего не чувствовал: ни боли, ни жажды, ни усталости; ощущение времени тоже исчезло, превратив реальность во что-то призрачно неуловимое, похожее на дрожащий мираж в знойном мареве над горизонтом.

С равномерностью механизма шли и шли чьи-то шаги, какие-то чужие руки обнимали бочку. Генка с удивлением и даже с интересом разглядывал красную полосу на запястье. Что это за полоса? Неужели это синяк на его руке? Где-то за пределами его собственного существа угадывалась боль, но его, Генку, она не тревожила. Ноги всё шагали и шагали сами собой, без его участия. Что это? Почему? Неужели, как в спорте, — второе дыхание?

В его голове летели обрывки мыслей и воспоминаний, далеких и недавних. Вот он, Генка, держась за мизинец отца, семенит за ним по комнате; отец изредка поворачивает голову и глядит на него счастливыми глазами. После слов «мама» и «папа» Генка выучил слово «война». Вот он видит лицо матери, оно бледно, а в руках у неё клочок

бумаги, название которому он узнал гораздо позже: похоронная. Тогда, глядя на мать, он начинает реветь, недоумевая, почему она даже не смотрит в его сторону. Маленькая сестренка Лидочка тоже ревет — она всегда ревет вместе с братом.

Вот Генка, гордо поглядывая на встречающих, идет в школу, в первый класс. В руках новенький портфель. Приятно погромыхивает пенал. На голове великолепная фуражка с лакированным козырьком. Сзади мать в своем единственном праздничном платье, улыбается, почему-то вытирает украдкой слезы.

А вот Генка уже «трудовой резерв». Неумело берет он в руки отполированную множеством ладоней сверху и шишкастую снизу баранку. Он не будет сидеть на шее у матери. И в Москве он тоже не останется: «Подумаешь, нужна мне столичная жизнь!»

Генка смотрит на застывшие песчаные волны и видит Казанский вокзал, специальный поезд и сестру Лидочку. Она торжественная, в свежеотглаженном пионерском галстуке. Ещё бы: не у каждой шестиклассницы в Москве есть брат, который ехал бы комсомольцем-добровольцем на целину! Чудная Лидка! На целине он не проработал и полугодом, сбежал. Вкалывать заставляли. Сбежал.

Генка презрительно харкает и попадает себе на ногу. Работал и с рыболовами в Астрахани, и на заводе в Караганде, и в оренбургском совхозе. Надолго нигде не задерживался.

А вот теперь судьба забросила вообще к черту на кулички! Генка — шофер в геологоразведочном управлении. Развозит по буровым горючее, воду, продукты, почту. Зашибает недурно. «Тоже мне нефтеразведчик!» От этой мысли, а может быть, просто от вида запыленного плева на ноге ему становится противно.

— Дерьмо ты! — хрипит он сам себе. — Бродяга, бледная гнида! Не мог довести бочку воды. А сейчас плечики заболели! Правильно сказал тогда Азнакай: ненадежный парень! Ведь ребята работают там без воды, хотя имеют право и не работать. Почему? Хотят подзашибить? Они не получают за это ни одной лишней копейки. Просто нефть ищут. Нефть! Это же бензин, масла там всякие и ещё бог знает что! А он, Генка?... Доехать до них не сумел. А Азнакай бы доехал.

Когда он очнулся из полузабытья, в ушах его звучало: «6965, 6966, 6967...»

Он сравнительно легко дошел до целой тысячи и скинул бочку. Спины и щёк у него теперь не было. Была сплошная боль, и боль не горячая и поверхностная, какая была сначала, а ровная и жестокая. Инстинктивным движением Генка потрогал рукой одеревеневшее плечо и вдруг ощутил под пальцами прохладную влагу.

— Неужели бочка течет? — испугался он и поднес ладонь к лицу. На ней темнело пятно темно-красной запекшейся крови. Это красное пятно сломило его окончательно.

— К чертям собачьим! К дьяволу всё! Ты, проклятый грязный бегемот! Чхать я на тебя хотел! — заорал он бочке, с ненавистью сжимая в кулаке кровавую грязь и размазывая по щекам грязные слезы. Бочка молчала.

Генка со стоном встал и пошел прочь. Шагал он теперь так же, как и прежде, когда на плече была бочка: согнувшись, наклонившись вперед, тяжело передвигая ноги и глядя прямо перед собой в песок. Он бросил эту проклятую бочку, а в ней была вода, та самая вода, которую ждали не только ребята, но и она, Оксана.

Генка вспомнил, как они расстались в последний раз. Он разозлился, потому что она никак не давала себя поцеловать, а только смотрела своими черными глазами и отрицательно качала головой. Генка разозлился и отвернулся от неё, а она вдруг тронула его за плечо и, опустив глаза, тихонько сказала: «Вот приедешь в следующий раз, тогда поцелуешь».

Генка остановился. Он ни за что не сможет теперь даже посмотреть ей в глаза. Ведь он просто слюняй!

Замирая от ужаса перед необходимостью вновь тащить бочку, он вернулся назад. Осталось три тысячи шагов, всего три тысячи! Завывая от боли, потерпев неудачу много раз, он всё-таки поднял бочку. Онемели не только правое плечо и рука, но почему-то левая нога. Генка уже ничего не понимал, он только всхлипывал, не имея сил даже ругаться. Но остановиться и сбросить её он тоже не мог, потому что она рухнула бы ему на ноги.

Так кончилась восьмая тысяча. Сквозь шум в голове его ухо уловило какие-то равномерные металлические удары. С трудом ворочая налитыми кровью глазами, Генка отыскал взглядом вышку. Она торчала из-за холма совсем рядом! Он долго думал, что это за звуки доносятся оттуда, и вдруг понял: ведь это стучит насос! Они

работают! Они не видят его из-за бархана. Но этими равномерными звуками будто бы голос ему подают.

Непослушными, дрожащими руками он остервенело обхватил бочку. Осталось только забраться на холм! Две тысячи шагов! «О-о-о! Проклятая бочка! Проклятая бочка... Почему проклятая? В ней вода. Вода... так хочется пить... А где-то есть целые океаны воды. Тихий, Атлантический, Индийский... Индия... Что? Какая Индия? Ах да, Индия. Там тоже жарко, И песок. Под ногами, в глазах, во рту... песок...»

Он падал и через каждые десять шагов ронял бочку. Не успев поднять её, он падал снова. Это длилось бесконечно долго. Он ничего не чувствовал и не понимал, делая что-то и шагая куда-то совершенно автоматически. Это было хуже кошмара.

Как Генка забрался на этот холм, он не помнил. Помнил только, как кричал, и ещё помнил, что голоса у него не было и никто его не слышал. Вся буровая лежала теперь как на ладони. В красноватом свете заходящего солнца бегали, сустились внизу люди. Вот кто-то что-то крикнул ему, но он не в силах был даже ответить.

Он сидел рядом с бочкой и улыбался бессмысленной улыбкой. Ею и был встречен прибежавший снизу моторист Джабаев, из бессвязных выкриков и воплей которого Генка уловил только одно: «Нашли нефть. Идёт светлая девонская...» Темпераментный моторист совал ему в лицо свои руки. Они были словно в коричневых перчатках и резко пахли. Противно в общем-то пахли. Но моторист кричал, что не знает более благоуханного аромата. Это было нелепо, но Генка верил ему.

Сознание понемногу возвращалось к нему... Они нашли нефть, думал он, и ещё вчера сам по себе этот факт был бы ему довольно безразличен. А вот сейчас именно это поднимает в его сдавленной груди торжество и радость. Наверное, потому, что он дошел. Принес воду. Тоже как бы участвовал в их деле.

Генка подумал и о Клевцове и об Оксане. Вот подойду к ней и поцелую. И странно: это радовало меньше, чем нефть, которой так отвратительно воняли руки моториста Джабаева. Это, конечно, глупо: тащить на себе бочку с водой столько километров. Можно было бы сходить к ним за помощью. Но он дотащил... И непривычная радость пока ещё несмело росла в его груди. Незнакомая радость. Нет, не зря всё-таки было предчувствие.

— Эх, ты! — хрипло сказал Генка мотористу и похлопал рукой по бочке. — Вода. Я принес.

— Да ну? Ай, какой джигит! Ай, как хорошо! Давно пить хочу, совсем забыл! Давай пить будем!

Моторист живо отвинтил пробку, наклонил бочку и стал жадно пить, блаженно закатив глаза и проливая в песок, светлые живые струйки. Генка оттолкнул его, дрожащими руками завинтил пробку и строго показал Джабаеву на пролитую воду — каждая капля стоила ему дорого.

Тот сначала обиделся. Потом наклонился к Генке и стал внимательно рассматривать осунувшееся его лицо с ненормально горящими глазами, искусанные губы, руки с обломанными ногтями и шею с уходящими под рубашку багровыми полосами. Нахмурился, покачал головой, и всё, всё сразу понял славный парень Гришка Джабаев. Как малого ребенка, повел он Генку за руку вниз, к вышке. Но даже теперь, когда бочка была уже почти на буровой, на месте, даже сейчас Генка шёл и тревожно оглядывался на бочку. Он боялся оставить её одну.

Потом он сидел на табуретке в маленькой комнатке и смотрел, как над ним хлопочет Оксана. Она мазала чем-то прохладным его плечи, шею и спину, её проворные пальцы причиняли, конечно, боль, но эта боль казалась ему по сравнению с тем, что он только что пережил, удовольствием. Забинтовав его раны, Оксана вдруг взяла его лицо в свои теплые, мягкие ладошки, посмотрела прямо ему в глаза.

Генка почувствовал, как что-то сладко оборвалось у него в груди.

В следующее мгновение он уже погрузился в темную пучину спасительного сна. Генка уснул, не успев даже закрыть глаза и убрать с лица пугающую, загадочную улыбку смертельно уставшего человека, гордого своей победой. Победой над самим собой. Самой большой победой, какую он одерживал в своей ещё короткой и, в сущности, еще только начинавшейся жизни.

Николай Коротеев

«Психологическая» стена

НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ

«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ»
СТЕНА

Они шли по гребню на высоте трех тысяч семисот метров.

Ветер, зажатый в скалах, набирал здесь силу горного потока. Он мог столкнуть в пропасть каждого при первом же опрометчивом шаге. Шестеро альпинистов, в связках по двое, двигались очень осторожно, то и дело припадая к камням, пережидая, когда порыв ветра ослабнет.

Спортсмены были одеты в перкалевые штормовки, подбитые мехом, с остроконечными капюшонами. Среди нагромождений гигантских скал, гладких отвесов и каменных взлетов они напоминали крохотных гномов.

Потом альпинисты прошли по узкому каменному выступу-«полке» на площадку.

Ветер пропал. Было слышно, как он посвистывает в скалах за поворотом.

— Вот она! — неожиданно для себя громко сказал Мурат.

Пятеро проследили за его взглядом. Они тяжело дышали — давал себя знать разреженный воздух высокогорья, и борьба с ветром утомила их.

— Вот она, — повторил Мурат негромко, словно поправился извиняясь.

Его товарищи молчали.

Они смотрели на каменную стену высотой в четыре десятиэтажных дома. Стена была стального цвета. Лишь кое-где в неё вкрапливались, словно ржавчина, рыжие породы, а посередине проходила угловатая трещина, едва приметная на расстоянии.

Самый высокий в группе, Мурат глядел на стену поверх голов своих спутников. В душе он ругал себя за несдержанность. Его товарищи, как и он, отлично знали, что это и есть та самая «Психологическая» стена.

Так её прозвали альпинисты.

— Отдохнем, — сказал парень, шедший первым.

Мурат понял, что товарищи почувствовали его волнение. Ему совсем не хотелось этого, но так получилось.

Спортсмены сели, прислонившись рюкзаками к камням.

Было холодно, но солнце припекало.

Протерев запотевшие очки, Мурат посмотрел влево. С площадки, на которой они сидели, хорошо просматривалась перемычка между двумя увалами. Вернее, снежный намет, засыпавший её. Дальше шла наклонная полка, похожая на карниз здания. Она заканчивалась широкой плитой, напоминавшей односкатную крышу. И наклонная полка и плита — основание «Психологической» стены — обрывались в километровую пропасть.

С этой «Психологической» стены и сорвались в пропасть два года назад четверо альпинистов. Четверо из шести. Они шли в одной связке. Двое благополучно преодолели стену и закрепили веревку наверху. Но кто-то из стоящих на полке или поднимавшихся по отвесу стены сорвался. Веревка, закрепленная на камнях, не выдержала тяжести падавшего, лопнула, и тогда упавший увлек за собой остальных.

Мурат, тогда только что поступивший на работу инструктором контрольно-спасательной службы, вместе с начальником пункта Николаем Семеновичем Смирновым вышел в горы. Дело было зимой, а группа, попавшая в беду, совершала первое в истории зимнее восхождение на трезубец Домбай-Ульгена.

Погибшую четверку искали неделю. На дне пропасти было много снега, и тела альпинистов провалились очень глубоко. Когда их откопали, они напоминали фигуры из группы Лаокоона. И были так же тверды, как мрамор.

От места гибели в Домбайскую поляну возвращались на вертолете. Всю дорогу молчали. Мурат старался не смотреть на покрытые брезентом тела, а Смирнов ушел в кабину к пилотам.

Мурат впервые столкнулся с беспощадностью гор. Он долгое время не заговаривал со Смирновым о трагической попытке зимнего штурма Домбай-Ульгена, потом спросил напрямик:

— Почему они погибли?

— Не так шли, — коротко ответил Смирнов.

— Не так? — удивился Мурат. Ему казалось, что нет более надежной страховки, чем связка вшестером. Ведь каждого в случае срыва удерживают пятеро, четверо, ну, трое наконец.

— Не так, — убежденно повторил Николай Семенович. — Надо идти в связке по двое. Только по двое.

— И в этом залог успеха?

Николай Семенович окинул взглядом могучую фигуру Мурата, рядом с которым казался себе щуплым парнишкой:

— Успех решает тренировка. Ну и, конечно, характер!

Тогда-то Мурат и задумал совершить вторую попытку зимнего штурма Домбай-Ульгена. Во время летнего альпинистского сезона Мурат встретился с ленинградским мастером спорта, инженером-судостроителем Виктором Сеницыным. Среди альпинистов Виктор был известен под прозвищем Генерал. Веселый балагур и гитарист «внизу», Сеницын преображался в горах. Его словно подменяли. Он становился молчаливым и суровым, а его выдержка и выносливость изумляли даже бывалых.

Будто между прочим Мурат сказал Генералу:

— Неплохо бы зимой прогуляться по трезубцу.

— Та история тебе покоя не дает? — усмехнулся Сеницын. — Или ты решил принять вызов Домбай-Ульгена? И нас подбиваешь?

— Второй год присматриваю компанию.

— Выбрал?

— На тебе остановился.

Виктор в ответ тронул струны гитары. Постоял Мурат, послушал и, приняв молчание за отказ, ушел.

А через неделю Генерал явился на контрольно-спасательный пункт.

— Мурат, ты больше никого не присмотрел?

— На Домбай-Ульген?

— Ну ясно. С нашего завода ещё четверо решились пойти. А тебя — шестым. За идею.

— Пойду. Если начальство отпустит. Как вы, Николай Семенович?

— Кто да кто пойдет? — спросил Смирнов.

Сеницын назвал.

— Что ж, ребята дельные, — подумав, проговорил Смирнов. — Тренируйтесь. А что думают по этому поводу в Центральном совете общества?

— Они думают, что зимнее покорение Домбай-Ульгена следует засчитать как первовосхождение.

Мурат очень обрадовался. За два года работы на контрольно-спасательном пункте он облазил горы Западного Кавказа, но все

восхождения пролегали по хоженным и переходным маршрутам, а в первовосхождении ему участвовать не приходилось.

Штурм вершины — это экзамен. Только особый. В альпинизме нельзя пойти на авось. Тому, кто любит риск, лучше не подниматься в горы, потому что цена альпинистского риска — жизнь.

Николай Семенович согласился отпустить перворазрядника Мурата на восхождение высшей категории трудности. Смирнов хорошо знал своего воспитанника. Они вместе не раз выходили на самые опасные спасательные работы — лазили в похожие на ловушки трещины ледников, поднимались по спинам дремлющих лавин, пережидали громоподобные низвержения камнепадов. Они вместе каждое утро занимались на турнике — Мурат подтягивался до восьмидесяти раз, по шестидесяти раз приседал на каждой ноге. Смирнов уступал ему до десяти жимов и по пяти приседаний.

Группа тренировалась на скалах. А когда выпал снег, Мурат вбежал в палатку радостный, словно подарок получил:

— Ребята, вот и зима!

С этого времени подготовка стала ещё ожесточеннее. По утрам Мурат выходил из дома раздетый, становился лицом к трезубцу, над которым поднималось солнце, и принимался за физзарядку.

А теперь, увидев стальной монолит стены, Мурат почувствовал, что на него обрушился страх. Здесь, в пятидесяти метрах от «Психологической» стены, страх настиг его как лавина, но сейчас Мурат понял, что, подобно лавине, страх этот скапливался в нем исподволь, может быть с того самого дня, когда он выкапывал погибших, и, наверное, именно потому Мурат так упорно готовился к штурму — он хотел во что бы то ни стало победить страх.

Мурат, бывало, посмеивался над спортсменами, которые в минуту откровенности рассказывали, как, случалось, от страха они не могли пошевелиться или были не в силах заставить себя разжать оцепеневшие пальцы, подняться и идти дальше. И каких усилий воли требовал этот шаг!

Теперь сам Мурат испытывал то же чувство — когда не просто даже подумать о том, что надо подняться, когда приходится переступить через душевное волнение, словно через стену. Это чувство знакомо солдатам, вернувшимся на передовую после тяжелого ранения и снова идущим в первый бой; морякам, спасшимся после кораблекрушения и опять выходящим в штормующее море; тем, кто, пережив катастрофу, садится в самолет или автомобиль.

— Вот и добрались, — проговорил Мурат.

Его тяготило молчание.

Мурат не мог видеть, как внимательно сквозь темные очки смотрит на него командир.

— Пожалуй, стоит подкрепиться, — сказал Синицын.

— Конечно! — поддержал его Мурат.

— Да ну, — махнул рукой Востриков. — Пройдем её, тогда и перекусим.

Но Сеня Мухин, шедший в связке с Муратом, воспринял пожелание руководителя восхождения и своего напарника как приказ. Он скинул рюкзак и достал примус.

Мурат с благодарностью глянул на Сеню и подумал о том, что есть люди, в руках у которых вещи становятся удивительно послушными: не капризничают, не упрямятся, а ведут себя как хорошо

выдрессированные животные. Прикосновение — и добродушным шмелем гудит примус. Горит весело, с удовольствием. Стоит Сене подойти к тлеющим сырым дровам в печке, раза два двинуть кочергой, как занимается огонь, трещат разгоревшиеся поленья. Не успеешь оглянуться, а у Мухина уже уложен рюкзак: ничего не выпирает, не топорщится, всё нужное — сверху, под рукой.

Он думал о Мухине с теплотой и какой-то завистливой нежностью, наверное, потому, что был уверен: Сеня не ощущает противной, тошнотворной оторопи.

Потом он перевел взгляд на Генерала, который, по твердому убеждению Мурата, никогда не испытывал чувства, похожего на страх. И в душе Мурата рождалось презрение к себе.

Кто же поверит ему, что он готов сейчас пройти по любому другому, пусть самому сложному маршруту, преодолеть с легким сердцем любую другую каменную стену? Но вот эта стена, под которой он выкапывал из-под снега мертвецов, эта каменная глыба, лишала его уверенности.

Он пытался подхлестнуть себя мыслью о том, что перед выходом в горы Николай Семенович доверительно попросил его быть не только осторожным самому, но и тщательным образом следить за поведением других на этом сложном маршруте.

— Пойми, Мурат, — сказал Смирнов, — ты идешь в горы не только как альпинист, но и как представитель контрольно-спасательного пункта. Если посчитаешь нужным — можешь запретить любому участнику любой поступок, который, по твоему мнению, ставит под угрозу жизнь и здоровье остальных.

Тогда Мурат был горд поручением. А сейчас — это проклятое чувство...

— Помни, — говорил, прощаясь, Николай Семенович, — за тобой всегда последнее слово — железное право вето. Пользуйся им разумно и решительно.

Это было в последний вечер внизу, перед восхождением.

Когда Смирнов ушел, Мурат встал у окна комнаты и долго смотрел на сияющий силуэт трехглавой горы. Стояла лунная ночь. Ели на склонах, опущенные инеем, были белыми, от них тянулись голубые тени.

А потом неожиданно Мурат увидел в черном зеркале окна свое отражение, похожее на старинный портрет: часть лица освещена, часть терялась в темноте. Мурат щелкнул свое отражение по носу и подмигнул ему.

Кажется, именно тогда у него в душе шевельнулось что-то похожее на неуверенность. И исчезло...

— Замечтался! — Мухин тронул Мурата за плечо. — Я человек увлекающийся. Минута — и банка пуста.

Мурат протянул было руку за консервами, но только махнул:

— Доедай. Не хочется.

— Ты не болен? — спросил Синицын.

— Нет.

«Право вето! — про себя усмехнулся Мурат. — Единственное, что я могу сделать с этим правом, — попросить всех вернуться. Мне, видите ли, боязно. Я не могу продолжать восхождение...»

— Пошли, — поднимаясь, сказал Сеницын.

Внешне он был слишком спокоен.

— В первой связке пойдем я и Ванин, — он смотрел мимо Мурата, — вторыми — Востриков и Панов. Ты, Мурат, и Мухин — замыкающими.

Мурат вздрогнул словно от пощечины.

— Но ведь договорились...

— В первой связке пойду я, а не ты. Всё!

— Виктор...

— Ты пойдешь в третьей связке.

Это было слишком. Слишком обидно. График движения связок по маршруту вырабатывал Смирнов. Именно Мурат, по мнению Николая Семеновича, должен был первым пройти «Психологическую» стену, а остальные следовать за ним.

— Я требую... — начал Мурат.

— Тогда я потребую, чтобы мы повернули обратно! — жестко выговорил Генерал.

Альпинисты смотрели на Мурата с удивлением. Мурат нарушал дисциплину. Он отказывался выполнить приказание руководителя восхождения.

«Право вето, — подзуживал себя Мурат. — Не могу же я потребовать у Генерала отмены приказа только потому, что я обижен, что меня поставили в третью связку. В первой-то идет он! Черт!...»

В этом восхождении Мурат считал себя как бы в положении техника-практика, который по своим знаниям не уступает инженеру — мастеру спорта, но ещё не имеет «диплома» об окончании высшего учебного заведения, как Сеницын. Чтобы получить звание мастера спорта по альпинизму, надо в общей сложности пройти семь перевалов и покорить тридцать одну вершину различных категорий трудности — от 1-а до 5-б — и не в одной горной стране, к примеру, на Кавказе, как Мурат, а по крайней мере в двух.

Генерал был прав по всем статьям.

— Извини, — сказал Мурат, но Генерал не ответил. Он придирчиво осмотрел узел страховочной веревки, завязанный на груди, и повторил:

— Пошли. Поднимаемся парами. Пока связка не поднялась на стену, следующая стоит на полке и ждёт.

Синицын подошел к скале у перемычки между каменным увалом, на котором они находились, и основанием «Психологической» стены. Размеренными ударами молотка он забил в трещину крюк. Потом продел в проушину крюка кольцо карабина и зацепился за него веревкой. Махнув рукой, чтобы Ванин был наготове, Синицын двинулся к перемычке, прощупывая наст черенком ледоруба. Скрылся за выступом скалы, похожей на окаменевший язык пламени.

Теперь всё внимание Мурата было сосредоточено на Ванине, стоявшем на страховке. Тот держал молоток в правой руке, затем веревка шла через спину и левую руку и тянулась к невидимому Синицыну.

Из-за поворота стало слышно, как тот забивал второй крюк.

«Он дошел до трещины в стене, — понял Мурат и перевел дыхание. — Сейчас начнется подъем...»

Скрылся за поворотом Ванин, хрупкий, большеглазый, которого Мурат мог бы втащить на своих плечах на любую из вершин.

«Этот Ванин, — укорял себя Мурат, — этот Ванин маникюр же делает, только лаком своих холеных ногтей не красит. Но даже и он идет впереди тебя!»

К крюку у поворота подошла вторая связка и стала ждать своей очереди.

Стоявший рядом с Муратом Мухин что-то говорил ему, но тот не слышал. Он припоминал выступы и трещинки на стене, за которые можно схватиться, куда можно сунуть пальцы и повиснуть, подтягиваясь вверх. Мурат мысленно неотступно следовал за Синицыным. Тело Мурата было в напряжении, словно он сам уже поднимался по стене, подтягивался на руках от выступа к выступу и чувствовал за спиной пропасть с припорошенными на дне клыками скал, похожих на смерть в маскировочном халате.

— Идем, Мурат, — слышался голос Мухина.

«Всё!» — мелькнуло в голове Мурата. Он не смог одним движением зацепить веревку за кольцо карабина.

И им овладело бешенство. Он пошел к перемычке не как положено — след в след впереди идущего, а прямо, словно испытывая судьбу.

Подняв голову, увидел уходящую в небо стену, местами будто покрытую ржавчиной. И там, на высоте, две маленькие фигурки, связанные паутиной веревки.

«Тогда сорвавшегося со стены не смогли удержать трое. Двое, наверное, стояли на полке, на подходах, как мы теперь. Третий и четвертый — на стене. И сорвался самый верхний...» — Мурат прикрыл глаза, ему даже показалось, что он услышал крик. Но в то же мгновение понял, что это действительно крик.

Открыв глаза, Мурат увидел, что Востриков, ведущий второй пары, повис на веревке и раскачивается будто неживой.

Выше его метров на десять, вцепившись в уступы руками, ногами, даже, как показалось Мурату, подбородком, прильнул к стене Панов.

Мурату стало жарко. Он скинул с головы капюшон, подался вперед. Он заметил, как Востриков попытался схватиться за выступ на стене, но проплыл мимо, не рассчитав движения руки. Потом Востриков судорожно рванулся к стене.

Снова промах.

— Чего там? — спросил Мухин. Он стоял за скалой и ничего не мог видеть.

— Стой! — прошипел Мурат.

Востриков опять проплыл мимо уступа и не ухватился.

— Эй, Петя, — как можно спокойнее позвал Мурат, — ты вытяни вперед правую ногу. Под ней — трещина.

Востриков услышал и сразу как-то собрался. Движения его стали увереннее.

— Ещё выше ногу, — по-прежнему ровно сказал Мурат. — Вот так. Цепляйся!

Востриков дотронулся ногой до стены, зацепился за трещину кошками ботинка. Сильным движением всего тела подтянулся к стене и словно прилип к ней.

— В порядке? — слышался голос Генерала.

Только теперь Мурат обратил на него внимание. Синицын стоял на стене, но за отвесом ему ничего не было видно.

— Порядок! — ответил ему Мурат. Потом он крикнул Панову, тому, кто удержал сорвавшегося Вострикова: — Вася! Востриков зацепился за трещину. Забей в стену около себя крюк и перестрахуйся.

— Петька крепко держится? — спросил Панов.

— Крепко, — ответил за Вострикова Мурат. Он знал, что сейчас никакая сила не заставит Петьку разжать пальцы. Он удержится. Он не разожмет пальцы, если даже потеряет сознание. Петька знает: в его руках его жизнь.

— Мне надо подняться на метр, — сказал Панов, — там хорошая трещина для крюка.

Через минуту Мурат услышал, как звенит сталь о сталь.

Словно распятый на стене, Панов был похож на «икс».

— Продолжайте подъем! — крикнул Мурат.

И всё пошло обычным порядком: Панов страховал Вострикова, пока тот не добрался до крюка, потом вверх пошел Панов, а его напарник остался на страховке.

Так они чередовались, пока связка не преодолела стену.

— Пора! — сказал Мурат, скинул перчатки и только теперь понял, что забыл о своем волнении.

Мухин кивнул и перекинул через спину веревку.

Нарочно глядя вниз на припорошенные снегом скалы на дне пропасти, Мурат, почти не касаясь рукой стены, прошел по наклонной полке к трещине. Он словно мстил себе. Но когда он подошел к самой трещине, настроение его изменилось. Он почувствовал вдруг, что очень устал, устал настолько, что равнодушен к предстоящему подъему и даже к тому, как он окончится. Однако Мурат заставил себя подняться на носки, дотянуться до первого выступа, схватиться за него и подтянуться. Потом он нащупал опору для левой руки, перехватом поднялся метра на три, пока нашел опору для ноги. Отдышался и снова пополз вверх по стене, цепляясь за выступы, уступы и трещины — за всё, что могли ухватить пальцы, на что могли опереться ноги.

Дороги назад не было.

Его глаза стали точнее отыскивать выбоины на стене, а пальцы намертво схватывали её. И каждые полметра выигранной высоты вселяли уверенность и спокойствие.

Он был сейчас один на один с камнями и высотой — реальной смертельной опасностью. Ни камни, ни высота не знали и не могли

знать ни жалости, ни сожаления. Они были просто камнями, каждый из которых мог выскользнуть из-под руки, и высотой, упав с которой разбился бы даже самый крепкий камень.

А когда уставали руки или пальцы не находили опоры, Мурат думал о Сене, косился на него через плечо и всегда встречал его поднятое вверх лицо с прищуренными от напряженного внимания глазами. Нет, он был не один. Но Мурат ловил себя на мысли, что если бы он знал — его страхуют ещё два или три человека, то не стал бы, может быть, так тщательно выбирать каждый камень, каждую выбоину, за которые цеплялись его руки.

Вот что, очевидно, имел в виду Смирнов, когда утверждал, что на скальных участках двойка — самая надежная связка.

В том месте, где Востриков сорвался, Мурат увидел обломившийся натек льда. Несмотря на мороз, солнце всё-таки прогрело камень, и лед не выдержал тяжести альпиниста. Кто же мог предусмотреть такое?

Всякий раз, когда Сеня подбирался к Мурату, чтобы поменяться местами и идти направляющим, Мурат видел его шевелящиеся губы и никак не мог понять, чего это бормочет напарник.

— Колдуешь? — не выдержал Мурат при очередной встрече.

— Стихи, — ответил Сеня и отправился вверх.

«Стихи? — оторопел Мурат. — У него хватает... Он читает стихи? Какие же это? Стихи... Даже рядом с Мухиным, который впервые идет по пятерке-б, я просто...»

Добравшись до Мухина, Мурат спросил:

— Какие стихи?

— Пушкин, — бросил вдогонку Сеня.

«Может быть, это помогает?» — подумал Мурат и попробовал: «Ветер по морю гуляет...», «Мой дядя самых честных правил...», но это было явно «не то».

Подтянувшись на руках, сделав последнее усилие, Мурат увидел гребень пика ЦДСА. И тут же Синицын подхватил его и помог вскарабкаться на плиту.

— Ну зачем? Зачем? — проговорил Мурат. Но когда над плитой показалось лицо Сени, его шепчущие губы, Мурат поспешил ему помочь.

— А вот у меня со стихами ничего не получилось...

— Не те читал, — уверенно сказал Сеня. — «Есть упоение в бою
и бездны мрачной на краю...» Эти годятся.
«Ладно, — подумал Мурат, — учи...»

Потом все шестеро долго сидели молча.

Ветер, бушевавший с утра, нагнал облака. Они плотно затянули пропасти. Похоже было, что альпинисты находятся не на высоте четырех тысяч метров, а на краю бесконечного снежного поля или у моря, из которого поднимаются рифы — вершины. Да, облака казались морем — седым, взбешенным. В нем двигались, вздымаясь и растекаясь, как волны, туманные валы. Вихрь срывал с их гребней пену, холодную и колючую. Только волны и всплески были немые, медлительны и будто невесомы.

Неожиданно Востриков сказал:

— Теперь я знаю: у бездны змеиные глаза. Они такие же, как у питона. Я видел в зоопарке — кролик верещал от ужаса, а сам полз в пасть удава.

Мурат перевел взгляд на Вострикова, и ему почудилось, что курносое лицо его вроде бы побледнело и заострилось.

— Что же ты не полз? — в голосе Панова, который страховал Вострикова, клокотала ирония.

— Помолчи, — приказал ему Генерал.

Он поднялся, стал сматывать веревку в моток.

— Нехорошо мстить товарищу за волнение о нём. Пошли. Ночевать будем на пике ЦДСА. Тут всего пятьдесят метров.

— Теперь отсюда — семечки, — сказал Панов, идя рядом с Муратом.

— Летом, да.

— Почему?

— Карнизы. Летом гребень свободен от снега. А теперь на нем снежные надувы. Они хуже... Они что мышеловки.

— Скажи, Мурат, я подонок? — спросил Панов.

— Дурак, — и, помолчав, добавил: — Некоторые оптимисты утверждают, что это возрастное заболевание.

— А Востриков, как ты думаешь, обиделся на меня?

— Если умный — не обидится, — сказал Мурат.

— Я в первый раз по-настоящему страховал, — сказал Панов. И разозлился на Вострикова: — Вот черт курносый!

— Горы научат выдержке, — тихо проговорил Мурат и подумал, что сказал это больше для себя.

Они заночевали с подветренной стороны пика.

К утру высокие перистые облака затянули небо. Усилился ветер. Он дул упругими толчками штормовой силы.

Гребень между пиком ЦДСА и Западным Домбаем был не шире ступни, идти по нему ветреным днем равносильно самоубийству. Генерал предложил садиться на гребень верхом и передвигаться, опираясь на руки.

Взгляд Сеницына остановился на Мурате.

— Как ты себя чувствуешь?

Мурат пожал плечами:

— Отлично. — И подумал: «Наверное, такие люди, как Сеницын, не умеют прощать даже временные слабости других».

— Иди первым, — сказал Генерал.

Мурат покосился на него, кивнул и «оседлал» гребень.

Рюкзаки за спинами альпинистов превратились в паруса, которые невозможно было убрать. Приходилось ползти по припорошенным снегом острым камням, свесившись в сторону ветра, чтоб не сдуло. Приходилось очень чутко следить за напором воздушного потока. Стоило ему внезапно ослабнуть, и тяжесть рюкзака могла утащить в пропасть.

Они миновали Западную вершину, а на подступах к Главной их застала темнота. Палатку поставить оказалось негде. Идти в темноте было опасно, да и не хватило бы сил.

У напарника Сеницына — Ванина разыгралась горная болезнь. Началась рвота. Спустились они метров на триста вниз — всё бы прошло само собой. Но гребень по обе стороны обрывался отвесно.

Нашли крохотную площадку, на которой с трудом уместились вшестером. Вбили крюки и привязали себя к ним веревками.

Мурат дал Ванину таблетки брома с кофеином:

— Не глотай — жуй. Быстрее помогут.

Ванин стал грызть горькие и солоноватые таблетки с равнодушным видом. Часа через два ему стало легче. Он прислонился головой к камню и хотел уснуть.

— Не надо спать, — сказал Мурат. Он хотел добавить: «А то без наманикюренных пальцев останешься», но не произнес этих слов, хотя ему очень хотелось. Он подумал, что сказал бы их, пожалуй, даже сегодня утром.

Мухин начал рассказывать приключение из собственной жизни. Сеня старательно смеялся сам. И другие смеялись впопад и невпопад, хотя не видели ничего смешного в том, что в детстве, вылезая из чужого сада, Сеня застрял в заборной дыре и сзади его штаны рвала собака, а перед его лицом стоял хозяин сада и читал нотацию.

Потом стал говорить Синицын:

— Помню, пять лет назад...

Где-то внизу с пушечным громом ударила лавина. Вздогнула вершина горы. Громовой раскат на минуту заглушил вой ветра.

Мурат придвинулся к Генералу, чтобы лучше расслышать его негромкий голос.

— При подъеме на Шхельду на меня вдруг страх напал...

— Страх? — перебил Мурат.

— Врать не стану даже во спасение. Держусь я за выступ, а нога...

«Неужели это правда? — думал Мурат. — Наверное, каждый человек хоть раз в жизни должен преодолеть психологическую стену внутри себя. Это делает его сильным».

А скалы стонали под ветром.

Семен Пасько

Обыкновенное дело

СЕМЕН ПАСЬКО

ОБЫКНОВЕННОЕ ДЕЛО

Своеобразна и коварна река Камчатка. Смотришь: над головой чистое синее небо, яркое жаркое солнце, а река вдруг возьмет да и взбунтуется — выйдет из берегов, мутными бешеными потоками зальет густые прибрежные заросли ветел и тальников, хлынет на луга, на каменные россыпи, подопрет воды собственных притоков, и те, словно растерявшись, начинают течь вспять. Широкая, с высокими гривами пены на крутогорбых седых волнах, Камчатка в такую пору страшна, и не приведи бог, если человека, слабо умеющего управлять лодкой, разлив застигнет где-нибудь далеко от жилья.

Однажды мне довелось подниматься вверх по Камчатке в ту самую пору, когда она была олицетворением ярости и злости.

Вот как это произошло. В первых числах июня, часа в четыре утра, меня разбудил резкий стук в окно. Я оторвал голову от подушки, спросил:

— Кто там? Что нужно?

— Это я... посыльный. Тебя вызывает директор... На совещание.

За два года работы в леспромхозе я не помнил случая, чтобы директор, Сергей Корнеевич Гришин, вызывал кого-нибудь к себе по пустякам. Видимо, случилось что-то из ряда вон выходящее.

На пороге конторы меня встретил делопроизводитель. Он был встревожен.

— Наконец-то! — обрадовался он. — Идите прямо к нему.

— Ага, вот и он, — завидев меня, сказал Сергей Корнеевич. — Теперь все в сборе, можно и начинать.

Я бросил взгляд по сторонам и, право же, был сильно озадачен: очень разная публика собралась в кабинете — рыбаки, мотористы, охотники, монтеры, трактористы, электрик, механик автобазы Щукин, заведующий продовольственными складами Храмцов.

Гришин достал из ящика стола бумажку, положил её перед собой, разглядел, хотя она и не была мятой, задумчиво посмотрел в окно, сказал:

— В два часа ночи я получил срочную телеграмму из Усть-Камчатска... Дело такое, что нельзя терять ни одной минуты. Вот

содержание этой депеши: «Сегодня четвертого июля устье Камчатки вошел первый косяк горбуши и красной рыбы тчк Аэроразведкой океане обнаружены новые скопления тчк Надо полагать это является началом необыкновенно раннего хода лосося тчк Примите меры активному лову тчк Тарасов».

В кабинете воцарилась тишина. Стало слышно, как в другой комнате из краника бачка с кипяченой водой попадали в тазик редкие капли: цок, цок, цок!

Обычно массовый ход лосося на нерест начинался во второй половине июля, точнее между двадцать четвертым и двадцать шестым числами, а тут вдруг — четвертого!

От Усть-Камчатска до нашего села — двести пятьдесят километров. Это расстояние рыба пройдет самое долгое за шестьдесят-семьдесят часов. А у нас моторы разобраны, сети не подготовлены, на верхних тонях ещё нет навесов для юколы, не завезена туда и соль. Так недолго и прозевать ход лосося, остаться без рыбы. А это уже несчастье. Рыба — главный продукт питания населения, корм для собак, без которых зимой никуда не двинешься.

— Вместо трех недель, на которые мы рассчитывали, у нас теперь всего два-три дня, — сказал Сергей Корнеевич и каждому нашел срочное задание. Подошла и моя очередь.

— Ну, а ты, — сказал Гришин, — будешь ответственным за организацию лова на всех трех верхних тонях.

— Согласен, — сказал я. — Но как попасть туда, на эти самые тони?... На бату не могу, никогда в жизни не плавал на нем, а если лодкой — без рулевого не обойтись.

— Во-первых, лодку не получишь, рулевого тоже. Лодки нужно конопатить, смолить. И каждый человек на счету. Во-вторых, даю тебе час времени. Ступай на реку и осваивай бат.

Легко сказать «осваивай бат». Ведь бат — это чистая душегубка. Выдолбленный из толстого ствола тополя, совершенно круглый, бат очень неустойчив. Не то чтобы управлять, а просто сидеть в нём и то нужно завидное умение. Стоит неосторожно пошевелиться, чуть сместить центр тяжести — бат, словно бочка или прямоствольное, очищенное от коры и сучьев бревно, сразу же перевернется брюхом вверх. Поднимаясь по реке, эту посудину нужно строго держать против

течения. Подставьте скулу бата встречной струе, он тотчас развернется кормой туда, куда вы плыли.

— В горах выпали дожди... Камчатка вышла из берегов. Она сейчас хуже медведя-шатуна, — отговаривался я, но директор, казалось, не слышал моих слов.

— И плыть изо всех сил, — продолжал Сергей Корнеевич. — Через двадцать пять часов ты должен быть на самой дальней тоне. Рыбаки там ничего не знают и с прохладцей готовятся: рыба, мол, ещё в океане жирует.

Я понимал: директор прав. Нужно действовать быстро.

— Попробую, но что из этого выйдет, не знаю...

— Товарищ директор! Зачем его мучить? Всё одно ничего не получится, — раздался ломающийся мальчишеский голосок за моей спиной. — Разрешите пойти с ним, а здесь одни сутки без меня обойдетесь.

Я оглянулся. В дверном проеме стоял посыльный Кодя Кречетов и, невинно улыбаясь, смотрел на Гришина.

Поднялся отец Коди — Варлам, старейший охотник села.

— Что, товарищ директор, Кодя, однако, дело говорит. На бату он ладно ходит.

— Ну что ж... Приветствую инициативу, — согласился Гришин, немного подумал и добавил: — Но теперь, когда вас двое, на верхнюю тоню нужно прибыть не позже полуночи, чтобы к утру рыбаки были здесь, на базе, взяли соль, резальщиц, мастера-икрянщика. А отдыхать будете потом, после путины...

Коде было шестнадцать лет. Невысокий ростом, с худеньким смуглым лицом, на котором выделялись большие черные глаза, он казался совсем ребенком.

В обращении со старшими у него тоже было много детского. Так, Кодя, видимо, считал, что все взрослые никогда не были детьми, а появлялись на свет такими, какие есть теперь, поэтому они не всегда понимают детские игры, детские увлечения. Если кто-нибудь, завидев у него в руках связку медвежьих зубов или набор костей из ног оленя, спрашивал, зачем он, Кодя, собрал это богатство, тот, удивленно поднимая брови, отвечал:

— А ты же всё одно не поймешь...

Или:

— Нужно, раз берегу... Тебе, однако, это без интересу...

К таким, как я, то есть людям не местным, поэтому недостаточно хорошо знавшим охоту, повадки зверей, рыбную ловлю, паренек относился покровительственно, участливо, с трогательной заботой. Вот и на этот раз, когда мы вышли на берег реки, чтобы отправиться в путь, Кодя дернул меня за рукав, сказал:

— А ты не переживай... Доедем лучше и скорее, чем зимой на собачках.

— Доедем ли?...

— Ты танцевать умеешь?

Я даже опешил:

— Что, что?

— Танцевать, говорю, можешь? Фокстрот, танго или этот... как его? Блюз?

— Не понимаю, — чистосердечно признался я.

— Ну, как же?... Которые умеют танцевать, легче научиваются ходить на бату.

— Если только за этим дело, то нам ничто не грозит: танцевать я умею.

— Давай маленько покатаемся. Проходи в нос, — сказал Кодя.

— Давай, — согласился я.

Ступив одной ногой в бат, я сразу же почувствовал его предательскую зыбкость. Бат, словно ртуть, с необыкновенной легкостью и чуткостью отзывался на каждое мое движение.

Мне почему-то вспомнилось далекое детство, речонка Шарык, затерявшаяся в безбрежных степях Казахстана, на которой я много лет назад упрямо и настойчиво пытался утопить мяч, а он так же не менее упрямо и настойчиво сбрасывал меня и как ни в чём не бывало покачивался на тихой волне, сверкая на солнце темными круглыми боками. Сейчас было почти такое же ощущение: стоит пошевелинуться, переставить ногу — бат немедленно швырнет меня в реку.

— Не бойся... Смелее, — словно угадав мои мысли, сказал Кодя.

«Тебе хорошо с берега командовать», — сердито подумал я, но промолчал. Говорить было нечего. Кодя не только может давать «руководящие указания», но и управлять этой шаткой и ненадежной, словно необъезженная лошадь, посудиной.

С превеликой осторожностью я перенес всю тяжесть тела на левую ногу, оторвал от земли правую, но едва она коснулась дна, суденышко резко качнулось из стороны в сторону, словно хотело сбросить с себя тяжелую ношу. Я мгновенно опустился на коленки, обеими руками уцепился за борт. Борт скользнул вниз, в бат хлынула вода. Я вскинул руки вверх и, балансируя ими, извиваясь всем телом, как акробат на канате, закачался вместе с батом на воде.

— Хорошо! Раз удержался, теперь, однако, дело на лад пойдет. Научись! — сказал Кодя, побросал на дно бата одну за другой котомки с провизией, вскочил в бат сам. И удивительное дело: бат успокоился, перестал рыскать и валиться на бок.

— Ты что хочешь делать? — спросил я, когда почувствовал, что берег уходит, что мы плывем.

— Надо на речку выйти, чего в бухте воду баламутить?

Я хотел возразить. Сперва, мол, нужно поплавать в бухте, на мелком месте, а потом уж выбираться на Камчатку, но махнул рукой: будь что будет. На этот жест бат сразу ответил легким креном на правый борт.

«В конце концов, — подумал я, — не раскисну же, если опрокинемся...»

Набирая скорость, бат шёл вдоль берега бухточки, туда, где кипели и бесновались вздувшиеся воды Камчатки. Суденышко выскользнуло из узкого прохода, вода ударила в борт, поднялся фонтанчик брызг. Я замер, ждал — сейчас течение подхватит нас, понесет вниз. Бат какое-то мгновение двигался прямо, затем медленно начал заворачивать влево, против течения. И вот мы уже идем вдоль берега реки, миновали пристань, склады «Охотпушнины», изгородь собачьего питомника и очутились, наконец, за селом, наедине с грозной, широко разлившейся рекой.

Я понял, моя «наука» окончилась: Кодя уже вел бат вверх. «Маленько покатаемся» исчерпалось коротким проездом по бухте — от прикола до Камчатки. Что-то будет дальше?

Бежала навстречу вода, шли, сменяя друг друга, даурские лиственницы — огромные деревья с пышной кроной нежно-зеленой окраски.

Местами небосвод вдруг раздвигался, и тогда либо справа, либо слева к реке подходила тундра — изумрудно-зеленая, бескрайняя, где глазу не за что зацепиться. А потом снова тайга, густые заросли чернотала и ольхи.

Я всё ещё сидел в том же положении, в каком меня застало отплытие из бухты. Нога затекла. Надо бы сесть поудобнее, помогать грести, но я никак не мог решиться переменить позу: бат, казалось, караулил мои намерения, и, как только я начинал приподыматься, он вздрагивал и кренился.

— Кодя! — не вытерпел я. — Ты, поди, устал?...

— Устал маленько... Давно не ходил на бату. С прошлого года... Отвык.

— Приставай тогда к берегу, я иначе сяду и буду помогать.

— Однако, на воде пересаживайся... Учись. Только нешибко вертухайся... Осторожно так, помаленьку. И получится. Когда будешь вставать — ступню вдоль дна ставь, а не поперек. Ступня, она ведь как на шарнирах. Поставишь поперек — она начнет играть. А потом уж не остановишь. С пальцев на пятку, с пятки на пальцы, пока не вывалишься...

Я начал шевелить руками: поднимал их вверх, вытягивал перед собой, закидывал назад. Ничего, бат ходко шел вперед, чуть покачиваясь с боку на бок. Потом я свесился сначала через левый борт, затем через правый, но так, чтобы суденышко не дало крена. И это мне удалось, хотя пришлось буквально дугой изогнуться. Я был несказанно рад успеху. Теперь встать на коленки и снова сесть.

— Хорошо! Хорошо! — подбадривал меня Кодя. — Ещё, ещё приподнимайся... Ну-ну, не бойся! Теперь садись, помаленьку вытягивай ногу. Вот так! Сейчас вторую...

Всё шло как нельзя лучше. Но в последнюю минуту я потерял контроль над своими движениями, навалился на борт. Бат угрожающе

вильнул, и я упал.

— Ты что? Разве можно так плюхаться? — сказал Кодя, выравнивая бат. — Эдак недолго солнцу дно бата показать.

И вот я, наконец, сижу, прислонившись спиной к поперечной распорке — толстой угловатой палке, и блаженствую. Ноги вытянуты, всё тело отдыхает.

Мы плыли вдоль левого берега. Течение здесь было сравнительно тихое, спокойное. А под правым берегом река мчалась со скоростью горного ручья.

Впереди показался мыс, далеко вдавшийся в реку. Из-за него, будто сорвавшаяся с привязи, с ревом неслась река. На гребне, похожем на вздыбленную гриву дикого коня, хлопья желтой пены.

Бешеный поток был уже совсем близко. В его волнах изредка мелькали сухие корявые ветки с измочаленной корой.

Я повернул назад голову, спросил Кодю:

— Как же мы теперь?

— Ничего, пройдем, — буркнул он, потом предупредил: — Шибчей только работай. И с одной стороны. С левой. А я править буду. С кормы мне всё славно видно.

Я молча кивнул, а про себя подумал: «Вряд ли выгребёмся...»

— Нажимай! — скомандовал Кодя, и мы вдвоем дружно ударили веслами.

Бат рванулся вперед, носом коснулся гребня стержня, натужно пополз на него. Поток шумно заплескался о борт, заиграл под днищем там, где я сидел. Всем существом своим я ощутил упругость воды, вольную силу её. Она играла батом, норовила унести с собой, к самому океану.

— Шибчей, шибчей! — гаркнул Кодя. — Ударь! Ещё раз! Та-ак!..

Я весь взмок. Пот застилал глаза, стекал по щекам. Я машинально, как во сне, месил воду веслом. Раз-два, раз-два, раз-два!

— Теперь можно тише... вольготней, — сказал Кодя.

Я осмотрелся. Бат, вместо того чтобы прижиматься к берегу, уходил от него всё дальше и дальше.

— Не выгребемся? — спросил я.

— Почему не выгребемся? Поток-то уже прошли... Мы сейчас на правый берег перейдем. Камчатка, видишь, как течет? То у одного берега сильно, то у другого. Мы тоже зигзагами пойдем.

Вот и берег. Вода течет спокойно, величаво, неся на своей седой от пемзы поверхности сотни маленьких быстро вращающихся воронок.

Кодя поразил меня, так искусно он управлял батом, так хорошо знал реку. Право же, я завидовал пареньку.

Вдруг мое внимание привлекла черная точка, выплывшая из-за мыса, до которого было ещё не меньше километра. Она то показывалась над водой, то скрывалась в бурных волнах.

— Кодя! — крикнул я. — Человек!

— Где?

— А вон. Видишь?

— Вижу, — через минуту ответил мой напарник. — Остолоп.

— Да будь он трижды остолоп, а спасать надо. Человек же!

— Да не человек это. Бревно. Где-нибудь на берегу лежало — комель водой напился, тяжелым стал... Вот оно и плывет стоймя. Остолопом зовут.

Когда черная точка выныривала из воды, я видел, как мелькала рука, загребающая воду.

— Кодя, человек это, — не сдавался я. — Спасать надо!

Кодя не удостоил меня ответом.

Встречные скорости огромны. Как ни медленно мы двигались вперед, расстояние между нашим батом и точкой сокращалось быстро. Вот она от нас в сотне метров, плывет к противоположному берегу, пересекая реку наискось. Я напряг зрение. Да, это было бревно. А за руку я принял длинную, узкую полоску коры, отставшую от ствола и державшуюся на сучке у верхнего торца. Бревно проплыло дальше, к мысу, который мы только что миновали. Я долго оглядывался назад. Чем дальше уносила река бревно, тем сильнее оно смахивало на пловца, пустившегося в рискованный водный марафон.

— Где-то оно окончит свой путь? — вслух подумал я.

— Где же? В океане...

— А вдруг кто-нибудь возьмет да и выловит... Хотя бы на топливо.

— И скажешь ты! Была охота в воде полоскаться. Вот она, тайга, любое дерево руби. Океан тоже не примет. Он щедрый, всё, что ни попадает ему, на берег выбросит. Окажется на Командорах — там лесов нет, в дело сгодится. Даже рады будут...

— Кодя! Вот ты семилетку окончил. Почему не едешь, к примеру, в Петропавловск учиться?

— Маленький ещё. Вот исполнится восемнадцать годов, тогда и поеду. Денег надо накопить. Отец-то старый, мать хвора. В городе, говорят, в другой одежде ходить надо. Она дорогая. И с едой тоже... Всё купи.

— Будто здесь бесплатно дают.

— А рыба? Лови, не ленись. В тайге медведи бродят, стреляй. Птицы всякой — уймища.

— Долго же тебе копить придется. Зарплата-то небольшая...

— Ничего.

— И какую же профессию ты себе выбрал? Или ещё не думал над этим?

— Разведчиком земли хочу... Геологом. Славная работа! Ходи, смотри, ищи, где что спрятано... Хочется железную дорогу посмотреть...

— Ну что ж... Геолог — профессия подходящая. Но такого учебного заведения нет в Петропавловске.

— А я и не собираюсь в Петропавловске учиться. В Москву поеду...

Снова мыс. Кодя поплевал на руки:

— Держись! Ударь покрепче... Куда? С правой стороны гребни. Не пускай бат вниз.

— Понятно! — ответил я и перекинул весло на правый борт.

И пусть я не с того борта начал грести, но у меня всё-таки уже был опыт, я не боялся потока. Я теперь знал: незачем терять самообладание, работать до изнеможения. Просто нужно сильно и часто отталкиваться веслом, всё время держать бат так, чтобы поток воды бил в щеку бата под острым углом. А когда окажемся на гребне, поставить суденышко положе — тогда струя, отжимая, понесет нас сама к противоположному берегу.

— Теперь уже совсем близко... От того мысочка на тоню правиться станем, — сказал Кодя.

Миновав ещё один кривун, мы увидели на левом берегу каркас юкольника, сверкающий на солнце обструганными жердями, с густой сетью вешалок, похожих издали на ребра огромного сказочного чудовища. А рядом с юкольником поднимался столбик беловатого

дыма. Это действовал дымокур от комаров и гнуса. Значит, рыбаки на месте.

Бат ткнулся носом в берег. Мы сошли на твердую землю. Ноги ступали неуверенно, словно за несколько часов разучились ходить.

Рыбакам не надо было объяснять, что положение серьезное, что нужно принимать крутые меры. Как только я, собрав их в круг, объявил: «Лосось в устье!», выступил вперед бригадир Анкудин Жарких, высокий мужчина с черной окладистой бородой, и сказал:

— Что ж, ребята, за дело. Трое — ты, Половинкин, ты, Солодяков, и ты, Черных, — катайте на базу. Не готовы лодки — грузите соль и сетки на баты — и назад. К вечеру быть здесь. А мы юкольник кончать будем. Трое — корё драть, а я со Сметанкиным — крыть.

Рыбаки без единого слова разошлись. Голосовать тут нечего.

— А вы дальше, на верхние тони? — спросил меня Жарких.

— Да. Попьем чайку — и на весла.

— Чай готовый, только подогреть. Но, может, ухи сварить? Это мигом.

— Какая же рыба сейчас? Где вы её достали? — удивился я.

— Повезло. Тут, недалечко, речонка Быстрая протекает. В ней гольцы оказались... Вчерась вечером два раза бреденьком крутанули и три ведерка вытащили. Отменная рыба. Жирная, вкусная, запашная... От котла такой дух идет, что и лаврового листа не нужно.

Я вопросительно посмотрел на Кодю: можем ли мы позволить себе такую роскошь?

— Чего же, Анкудин Митрофаных, варгань... — степенно сказал Кодя.

В ожидании, пока поспеет уха, мы, восседа на толстых ветловых обрубках, беседовали. Вначале разговор вертелся вокруг лосося.

— На день-другой опоздает или придет раньше — такое часто случается, — говорит Жарких. — А на три недели... такое бывает один раз в сто годов.

— Почему сто, Анкудин Митрофаных? — возразил Кодя. — В двадцать восьмом году тоже было так.

— Правда, правда, — согласился Жарких. — Вот голова дырявая... Совсем из памяти вышибло...

— Тебя же, Кодя, тогда и на свете не было, откуда знаешь? — спросил я.

— Что ж, что не было. Старики разговаривали, а я запомнил. А когда мне семь лет было, так горбуша два раза шла: сперва в июле, как положено, потом в сентябре. По реке сало плывет, а рыба прет и прет. Ох, и много тогда поналовили!..

— Славный выдался год, — поддержал Кодю Анкудин Митрофанович. — Медведь у рек задержался до самого снегопада, всё рыбу промышлял... Ударили холода — в горы потянулся, ложиться спать, за ним и охотники пошли. Тут и слепой бы мог. Лапищи на снегу, как на бумаге, отпечатаны. Я шесть штук упромыслил... Два мате-ерых! Пудов по пятнадцать. Поджились тогда наши людишки. Кукулей понашивали, одежды всякой, рукавиц, торбасов... Много сдали и «Охотпушнине»... Деньги, хлеб, курево...

Я спросил:

— Может быть, и в этом году два раза рыба пойдет?

— Кто знает? — пожал плечами Анкудин Митрофанович, приподнял крышку, заглянул в казан. — Пожалуй, ушица готова.

Жарких снял казан, поставил на землю, налил в миску ухи, поставил перед Кодей.

— Первую тарелку — батовщику, — сказал Жарких. — Намаялся, я думаю, крепко, Кодя?

— Ещё как! — ответил паренек. — Когда шли к последнему кривуну, рук совсем не чуял... И поясница... будто кто палкой по ней стукнул...

— Полегче, что ли, бата не было, что ты этот взял?

— Не было... — Кодя положил ложку, поднял глаза на Жарких, спросил: — Анкудин Митрофанович, а где твой бат? Тот, маленький?

— А Черных укатил на базу. Только что.

— Жаль. Нам бы его...

— На Быстрой стоит «Чирок»... Можно бы его дать, да уж больно рысковой... — Жарких развел руками.

— Нет, «Чирка» не возьмем, — сказал Кодя и принялся за уху.

— Что значит «рысковой»? — поинтересовался я. — Неустойчивый, что ли?

— Ага! Валкий. Чуть не так — в одночасье опрокинется, — пояснил Жарких.

— Наш тоже как утка. После первого кривуна я даже пуговицы расстегнул на фуфайке... Думал: опрокинемся, придется бат догонять.

Ложка Коди застыла на полпути ко рту. Какое-то мгновение Кодя смотрел на меня, словно видел впервые, с удивлением спросил:

— Ты что, плаваешь?

— А ты разве не плаваешь?! — с не меньшим удивлением задал я вопрос.

— У нас никто не плавает. Вот и Анкудин Митрофаныч скажет...

— Где научишься? В банной шайке? — усмехнулся Жарких.

— Да воды-то... Одна Камчатка чего стоит!

— Попробуй сунься. Вода ледяная, враз судорогой всё тело сведет...

Я тотчас вспомнил первый выход из бухты на реку, пересаживание, преодоление бурной стремнины у мыса. Малейшая оплошность — и несчастье!

— А на бату ничего, — продолжал паренек. — Только ошибаться не надо. Нельзя. Мой отец годов уже сорок ходит по речкам... Обыкновенное дело.

— Мда-а... — неопределенно протянул я.

— Ты чего? — вскинулся Кодя.

— Ничего. Уха вкусная...

ОЛЕГ КУБАЕВ

БЕРЕГ ПРИНЦЕССЫ ЛЮСЬКИ

Олег Куваев

Берег принцессы Люськи

Утром я просыпаюсь от Лёхиных чертыханий. В палатке темно, и я могу разглядеть только белый глазок лампочки на рации и скрюченную фигуру возле неё. Рация у нас старенькая, ещё военных лет. Я знаю, что надо лежать тихо-тихо, иначе Леха будет здорово злиться.

Дробь ключа кончилась, белый глазок потух. Можно начать разыскивать штаны, чтобы закурить. Сейчас Леха передаст мне очередные директивы и всякие экспедиционные новости.

— Ну как?

— Питание совсем село, — устало отвечает Леха. — Мыши и то громче шебуршат. Кое-как одну телеграмму принял.

Он протягивает мне листок. Я вылезаю из палатки и с трудом разбираю торопливые каракули: «Вывезите поселка направленного вам специалиста-ботаника окажите необходимую помощь точка Князев». Князев — это начальник нашей экспедиции.

— А зачем нам ботаник?

Леха пожимает плечами. Он сидит у входа в палатку в одних трусах и дрожит.

— Кстати, могу сообщить, что это девица. Симпатичная, мне базовский радист по секрету отстучал.

— На это у вашего брата питания хватает, — машинально ехидничаю я.

В самом деле, непонятно. У нас крохотный отрядик из трех человек и ясная задача, далекая от ботаники, так же как, скажем, от балета: мы мотаемся на вельботе вдоль берега Чукотского моря и занимаемся почетным делом — стратиграфией морских четвертичных отложений. Можно, конечно, протянуть мысль о всеобщей связи наук, но...

Я смотрю на Леху. В волосах у него запутались клочки оленьей шерсти от спального мешка, он совсем посинел от холода и нетерпеливо ждет результата моих размышлений. Такому только и не хватает женского общества.

— Да-а... Загадка эфира. Может, ты перепутал? Может, не нам ботаника? — с надеждой переспрашиваю, я. — Да уберись ты в палатку, посинел ведь, как эмалированный чайник.

«Ей-богу, удар судьбы, — думаю я. — У нас железный мужской коллектив. Зачем нам четвертый лишний? Тем более симпатичная девица. Дуэли устраивать?»

Погода явно портится. На западе, над Губой Нольде, небо в рваных переходах от темного к совершенно белому. Северо-западный ветер несет влажный холод, запах йода и тоскливые чаячьи крики. Я думаю о Мишке Бороде. Его нет уже третий день. В одиночку бродит Борода по желтой августовской тундре, спотыкается на кочках, обходит ржавые, плоские как блин тундровые озера. Отчаянные вопли гагар будят его по ночам. А ведь здесь даже белые медведи есть. Кто знает, к чему может привести мрачный медвежий юмор?

Уха съедена. Мы лежим у костра. Ветер уносит сладковатый махорочный дым.

— Нельзя ехать в поселок, пока Борода не вернулся.

— О величайший из геологических начальников! — Леха щекочет мне живот травинкой.

— Мы и так даже элементарщины по технике безопасности не соблюдаем. Подумай, ходить в маршрут в одиночку!

— О великий мандарин тундры, — вкрадчиво гнусит Леха, — поедem в поселок. Несчастлиная девушка ждет нас. Сидит на катерном причале и смотрит в море. Она ждет шхуну с белыми парусами. Я же думаю только о Мишкином счастье.

— При чем тут Мишка?

— О великий... — Леха вдруг начинает неудержимо смеяться.

Глядя на него, я тоже не могу не улыбнуться, а из кустика рядом с палаткой вылетает знакомая птица и начинает возбужденно прыгать по веткам.

«Что случилось, что случилось?» — озабоченно чирикает птица.

С трудом я узнаю, в чём дело. Оказывается, Леха всё же дурачил меня. Он кое-что знает о ботаничке.

Этой весной в бухте Провидения параллельно с нами базировалась партия Академии наук. В кино Мишка познакомился с девушкой из этой партии. Она собирала типовой гербарий севера Чукотки и здорово интересовалась морским побережьем. Мишка

пригласил её к нам и растолковал, как приехать, наобещал при этом сорок коробов, наговорил о помощи, удобствах, о тесном содружестве геологии и ботаники. А через день нам дали самолет, и мы улетели.

Перед тем как уйти в маршрут, он предупредил Лёху.

«Плыть или не плыть? Своей работы хватает. Только вчера вернулись из маршрута», — думаю я.

— Никудышный руководитель, — в голосе у Лехи негодующий пафос. — Ты не думаешь о личном счастье своих подчиненных. Тебя не пустят в коммунизм. Может, этот ботаник для Мишки та самая, единственная, которая с первого взгляда...

Леха умолкает. Театрально вытирает пот с лица.

...Нам бы отдохнуть до обеда, потом обработать записи. Страшно важно, что принесет Борода. Он отправился на холмы Нгаунако. Холмы — за нашей территорией, но только там мы можем окончательно убедиться, что в четвертичное время трансгрессия не заходила значительно на юг. Ведь это страшно важно! По ракушкам, по отшлифованным галькам, по окаменевшей ряби древних волн мы лепим хронологию былых времен, и где-то в её середине пройдет драгоценная полоса золотоносных отложений. Нам нельзя ошибаться, потому что по нашей схеме будут искать другие. От нас зависит их успех. Такое уж нынче взаимосвязанное время.

«Что случилось? Что случилось?» — по-прежнему заботится птаха. Милое пернатое чудо!

Я не знаю, что правильнее, но плыть надо. Может, она и на самом деле для нашего Борода «та самая, единственная».

Голос Лехи гремит репродуктором: «Шейх Чукотского моря и его верный друг Леха совершат прогулку на собственной яхте и заодно сделают полезное дело».

Наша прогулочная яхта — это десятки раз латаный и перелатанный вельбот. У мотора загадочное зарубежное происхождение. Ребята говорят, что зверь-двигатель — шведский, я же, чтобы не быть беспринципной амебой, утверждаю его южноамериканское происхождение. Во всяком случае, он старше всех нас троих, вместе взятых. Мы очень любим наш мотор, любим боевые шрамы на его корпусе, расхлябанный джазовый стук цилиндров, самодельный винт. Мы же дети XX века, любовь к технике у нас в крови.

Бороде оставляем записку.

Темная вода реки, в устье которой мы стоим, выводит нас в море. Светлые, солнцем и холодом налитые брызги взлетают над носом. Вельбот танцует вместе с темными накатами волн, вой мотора отмечает ритм танца. Кажется, что мы стоим на месте, а танцуют низкие, уходящие от нас берега. Чайки-нахалюги борются с ветром, косят глазами: чем бы поживиться. Пара нерп всплывает вблизи. У нерп грустные загадочные глаза. Наверное, они много знают о чайках, о рыбах, о том, что раньше было в Чукотском море, но не могут рассказать нам. Поэтому им грустно. Покружившись, нерпы исчезают, безнадежно махнув хвостом.

На правах шейха я лежу на носу вельбота. В кухлянке тепло. Леха на руле. У него морской прищур, мокрое лицо. Где-то по соседству остров Врангеля.

— Брошу я вас с Мишкой, — бубнит Леха, — уплыву на Врангеля. Буду жить простой и здоровой жизнью предков.

— Ну и сиди на своем острове. Мы с Мишкой будем вести простую и здоровую жизнь на Марсе.

...В поселке нас знает каждая собака в буквальном смысле слова. Редкие катера забредают сюда летом, и новые люди очень здесь заметны.

К деревянному причалу подходят первые любопытные. Как всегда, впереди всех дядя Костя, пекарь, один из самых добродушнейших на земле стариканов. Мы привязываем вельбот и тут же, на берегу, делаем перекур.

Неторопливо греет августовское солнце, у самой воды возятся несколько чукчат, все как на подбор в одинаковых крохотных кухлянках, где-то тюкают топоры. На земле оленеводов и охотников царит мир.

Мы толкуем о ходе рыбы, о копытке в одном из дальних стад. Конечно, нам хочется поскорее посмотреть на Мишкиного ботаника, но мы знаем, что чуть позднее нам и так всё скажут.

— А вас тут девушка одна ждала, — говорит дядя Костя. — Улетела сегодня.

— Как улетела? — дружным опереточным дуэтом спрашиваем мы.

— Вертолет тут был из ледовой разведки. Уговорила. Они сначала на Врангеля зайдут, потом к вам...

— Улетела, — кивают нам знакомые чукчи.

— Сегодня улетела, — попыхивает трубочкой старина Паныч.

— Улетела, улетела, — гомонят на берегу ребятишки в кухлянках.

Наверное, вид у нас обескураженный, потому что каждая морщинка на лице дяди Кости начинает выражать участливое сожаление. Тюкают топоры, прохладный ветер с моря гоняет папиросные дымки.

Эта история начинает меня злить. Мы мрачно бредем на почту, потом в магазин. По дороге приходится раскланиваться направо и налево. Ребятишки бесхитростно повторяют нам историю про вертолет, девушку и занятых пилотов. Делать нечего, надо подаваться обратно.

Зверь-двигатель угрожающе пропускает такты. На всякий случай держимся поближе к берегу. Светлые волны хлещут камни по щекам, а те воспринимают это с завидным спокойствием.

— Черт бы побрал эту девицу! Наверняка какой-нибудь крокодил в юбке.

— Почему?

— Красивых в экспедицию не загонишь. Есть такой объективный закон природы. А если попадет, так и в тундру — с пудрой. Видал. Знаю.

Мы упражняемся в шутках о любви с первого взгляда. Видимо, живность в Чукотском море не любит грубых острот: нерп нет, чаек тоже. Ветер резвится не на шутку. Страшновато. Как-то там Мишка? По вечерам о друзьях думаешь чаще и теплее.

Всё же в самом устье мотор заглох.

Стемнело, и, выгребая, мы немного ошиблись и наскочили на мель. Вельбот стукнуло днищем, несколько вёдер воды заплеснуло в лодку. Мы вымокли и разозлились. Пока гребли вверх к палатке, стало и вовсе темно.

Перед палаткой горит костер. У меня легчает на сердце, потому что у костра двое. Значит, Мишка вернулся. Пришел наш шалопутный Борода, как всегда, точно в срок. Не поломал ноги на кочках, в мерзлотных трещинах возле озер, не случился у него приступ аппендицита и не встретились медведи с мрачным юмором — пришел

Мишка. Теперь нам наплевать, кто там второй: будь то сама Сильвана Пампанини или крокодил в юбке.

Идем усталые, мокрые и злые. Палатка и кусок тундры возле неё давно уже считаются нашим домом. Леха бормочет поговорку о татарине. Но через минуту мы уже забываем о поговорках и вообще о многом забываем.

Мишка сидит, как обычно. Рыжая борода лезет в вырез кухлянки, голова поросла свинячьим ворсом. Нос картошкой, лицо чуть опухло от морских и тундровых ветров. Хорош!

Но рядом с Мишкой сидит и смотрит нам навстречу чудо природы.

У этого чуда кругловатое лицо, пикантно вздернутый носик, и ещё у чуда есть глаза. Бывают голубые глаза-озера, бывают темные глаза-колодцы, бывают глаза-пропасти. У данного чуда природы совершенно определено глаза-пропасти. Вероятно, мы с Лехой немного ошалели. Мы машинально проделываем традиционный ритуал знакомства...

— Вы уже, наверное, есть хотите? — заторопилась она. — Я тут не теряла времени даром. Знаменитый черепаховый суп из свиной тушенки.

— Да нет... Мы недавно обедали... Но вообще-то можно, — смущенно врет Леха.

Не узнаю своих парней. А Люся — чудо природы — будто ничего не замечает.

— Вы, как бесстрашные викинги, появляетесь ночью и в штормовую погоду. Я уж думала, одной придется хозяйничать. Мишка пришел полчаса назад. Жаль, что я не смогла плыть на вашей шхуне...

Викинги... Шхуна... А я-то думал, что только мы любим эту романтическую чепуху.

Суп по всем правилам завернут в спальный мешок. Даже чашки — о боже! — вымыты. Нет, такое только в книгах. Я слышу тихий стон Мишки Бороды. Что случилось с нашим мужественным бродягой?

Рядом с кастрюлей стоит бутылка вина.

— Айгешат! — стонет Мишка.

— Это для знакомства.

— Мадемуазель, — склоняет голову Леха, — в этих ватных штанах мне трудно походить на герцога, но позвольте поцеловать вашу

руку. В знак уважения. У вас экспедиционная душа — это высокий дар.

Люся приседает в реверансе, Леха серьезно целует ей руку и вдруг кидается в темноту. Через минуту он возвращается. В руке у Лехи тундровая незабудка — есть такой крохотный веселый цветок. Мы знаем, где Леха её взял. Незабудка была, наверное, единственная во всей округе и росла возле тропинки, по которой мы ходили к лодке. Не знаю, как объяснить этот биологический феномен, но незабудка ещё цвела в середине августа и была такая же крохотная и такая же голубая, как и те, что цветут в июне. Мы дорожили незабудкой.

— Вот, — сказал Леха, — я думаю, братва на меня не обидится.

Братва молча выражает согласие.

Вино мы пили столовой ложкой. Люся наливала каждому ложку по очереди, а потом сама отпивала из этого же «кубка». Незабудку она проколола сквозь свитер на груди.

— Сегодня я ваша королева, — говорит она. — Я одаряю вас милостями. Возвращайте только ложку.

— Люся, ты нарушаешь объективный закон природы, — бормочет Мишка и краснеет. — При твоей внешности и так здорово знать психологию таких опустяг, как мы, — это просто чудо!

— Сегодня мне все говорят комплименты. Один пилот сказал, что у меня настоящие голливудские губы.

— А как ты ухитрилась попасть на вертолет?

— Очень просто. Они чудные, эти пилоты. А я здорово умею сочетать обаяние с ледяной вежливостью. Вы свои, вам можно открыть этот секрет...

Не знаю уж, что там она умеет сочетать, но вот создавать настоящую обстановку эта дивчина умеет.

И в самом деле, всё обычно и всё как-то иначе. Возможно, несколько ложек портвейна слегка затуманили нам головы, потому что мы уже несколько месяцев и близко не видали ничего спиртного. Костер горит ровно и жарко, как и положено гореть порядочному костру. Исхоженная нашими ногами чукотская тундра тихо смотрит из темноты, только со стороны моря идет легкий обычный гул да сонно вскрикивают на озерах птицы. По-домашнему похлопывает за спиной палаточный брезент.

Мы толкуем обо всем сразу.

— А жаль, что у нас есть радиосвязь! Представляете, парни, возвращаешься на берег и вдруг узнаешь, что целая куча наших ребят уже бегают сейчас по Венере и шлет оттуда веселые телеграммы?

— Или узнаешь, что новейший электронный анализатор обнаружил ошибки в наших расчетах...

— Не ехидничай, Леха, — перебиваю его, — у нас впрямь как-то атрофируется чувство удивления. Наверное, первому смешному паровозу люди удивлялись гораздо больше, чем удивишься ты, если и на самом деле попадешь на Марс.

— Конечно, наша психология отстает от техники. Я бы хотела жить и в те времена, когда открывали материки и острова, украшали их женскими именами. Тогда чувства были гораздо непосредственнее и проще. Хочу, чтобы какой-нибудь остров носил моё имя. Это же обидно: в космос — можно, а чтобы в честь тебя был назван хоть плохонький островок — нельзя.

— Хочешь, мы назовем этот берег твоим именем?

— Правда? Можно?

Уж не знаю, почему, но сегодня всё можно. Глухо дышит, посапывает сзади нас тундра, звезды тихо ухмыляются, глядя на трех ошалевших парней. Тонконогая загадочная девушка сидит вместе с нами. Она прижала колени к подбородку и смотрит на костер.

Леха тащит доску от консервного ящика.

— Только я не хочу быть королевой. Раньше острова называли в честь королев. А королевы всегда старые.

— Хорошо, мы назовем тебя принцессой.

— А ребята на курсе зовут меня просто Люськой.

— Отлично, ты будешь принцессой Люськой.

Леха выводит на доске крупными буквами: «Берег принцессы Люськи».

— Ну вот, всё как в Антарктиде.

— Жаль, что это понарошку. Но всё равно, ребята, для нас это будет мой берег.

Мы толкуем о работе. Люсе для диплома необходимо сделать несколько ботанических разрезов по долине какой-нибудь реки из бассейна Чукотского моря. Тогда диплом, как она сказала, будет «железный»; кроме того, это важно и на самом деле не только для

диплома. Мы слушаем с удовольствием, хотя ничего не понимаем в ботанике.

Миша Борода заговорил было о плоской галечке на холмах Нгаунако, куда нам предстоит завтра пойти, и о том, как здорово может насолить нам эта галечка — перевернуть всю схему, над которой мы бились целое лето. Но Люся слушала уже через силу. Надо было ложиться спать. Мы вытащили свои мешки из палатки — палатка у нас одна. С моря тянуло сыростью, но дождя нет, и мы отлично выспимся на улице, особенно если подложить под мешки телогрейки: оленья шерсть очень сильно впитывает влагу с земли.

— Холодно, — доносится из палатки. И снова, как дружное опереточное трио, мы выдергиваем телогрейки из-под мешков. Они так же дружно летят в палатку. Ей-богу, мы как три брата-акробата, и никто не желает уступить. В палатке ещё пошуршало, и стало тихо. Братья-акробаты улеглись на землю.

— Ребята, а вы мне завтра поможете? — сонным голосом спрашивает Люся.

Мы делаем вид, что спим. Наверное, она не слышала, что завтра нам позарез надо в маршрут...

Конечно, утром мы не пошли ни в какой маршрут. С самого утра мы снова почувствовали себя безгласными подданными нашей принцессы, и дощечка, воткнутая у костра, напоминала об этом. Идем делать геоботанический разрез.

На секретном совещании решено, что глупо и непорядочно лишать человека «железного» диплома из-за пары маршрутных дней. Их мы наверстаем. Работы мы не боимся. Кроме того, наука ждет эти ботанические разрезы.

Нужно пересечь всю долину и через определенные интервалы «брать квадраты». На этих квадратах Люся отбирает травку и ягель, меряет мощность дёрнового слоя, даже считает число кочек на квадратный метр. Через несколько часов у нас уже выработалась специализация: я считаю кочки, Леха «прислуга за всё», а Миша Борода и здесь оказался главным пахарем.

На долю «принцессы» остается общее руководство.

— Так, Борода, давай сюда эту травку.

— Шеф, как там ведут себя кочки?

— Алексей, точи карандаш.

Давненько мы не работали с таким азартом.

На обратном пути мы не можем не покопаться в своем южноамериканском любимце.

— Как думает Люся, в каком царстве было сделано это чудо техники? — спрашивает между делом Леха.

— В Англии, — незамедлительно следует ответ.

— Ладно, Борода, прощаем тебе принцессу, — говорим мы вечером, когда остаемся одни. — Всё же это компанейская девица. Мы даже благословим ваш брак.

— Бросьте вы, хватит!

— А что это ты, рыжий, мнешься? Даже краснеешь...

— Мне неловко говорить об этом, но, знаете, Люся просила помочь ей сделать ещё пару разрезов километров за десять-пятнадцать отсюда.

...Мы снова сидим у костра.

— Это не вертолет? — прислушиваясь, спрашивает Люся.

Мы слушаем. Гудит, как огромный шмель.

— Нет. Вертолет не так. «Па-па-па-па!» — изображает Леха, как должен, по его мнению, шуметь вертолет.

Мишка молчит. Он все время молчит при Люсе. Влюбился, что ли, на самом деле? Вроде бы на него не похоже. Мишка — железный парень. Его призвание — геология. Впрочем, возможно, и стоит полюбить такую девушку, как Люся.

Та знакомая птаха, что прилетает к нам каждый вечер, заливается в глубине своего куста отчаянно веселой трелью. Люся берет камень и швыряет в куст. Птица умолкает, а Люся продолжает слушать далекий гул мотора. Может быть, она ждет этих пилотов, покоренных комплексом очарования и ледяной вежливости? Только мне здорово не нравится, когда кидают камнями в знакомых птах.

— Мишка, а почему тебя зовут Борода-всегда-в-маршруте? — вдруг спрашивает Люся. — Под Джека Лондона работаете? Время-не-ждет. Борода-в-маршруте?

— Это они, — кивает на нас смущенный Мишка.

— Скучно быть всё время в маршруте... Одичать ведь можно.

— Скучно, когда неинтересно. А для Мишки геология — главное, — говорю я.

Что-то Люся сегодня мне не нравится. Сидит, закутавшись в исполосованную «молниями» штормовку. Думает, очевидно, о чём-то своем, очень далеком. Может быть, в мыслях она сейчас на университетской набережной, среди модно одетых, остроумных ребят.

— Можно ведь быть доктором наук и быть дикарем в музыке, дикарем в других науках. Так оно и бывает, — говорит Люся.

— Азарт нужен, — говорит тихо Леха. — Если у тебя есть азарт вообще, а не одна страсть к своей науке, дикарем не будешь.

— Наш век — век специализаций. Кандидат наук по гайкам, кандидат по шайбам и кандидат по болтам, на которые надевают эти гайки и шайбы. Наукой гореть сейчас не стоит, потому что, ей-богу, ребята, не решите, к чему ваше призвание — к гайкам или к шайбам.

— К технике, — злобно отвечаю ей.

Чем-то странным веет сегодня от «принцессы». Или я к ней придираюсь?...

— А ваш вельбот что: шхуна или корвет? — вдруг спрашивает Люся.

Я немного теряюсь.

— Шхуна! Корвет — корабль военный.

— Шхуна! Знаете, кто вы? Хотите, я всех троих посвящу в сан рыцарей тундры?

Люся снимает с Мишкиного пояса финку и по очереди стучает нас по плечу. Она стоит на коленях, в узких брюках и свитере. Я замечаю, что у Люськи очень-очень тонкая талия. Мы с Лехой отводим глаза в сторону, Мишка смотрит ей в лицо.

— Ребята, — снова делает она неожиданный переход, — так вы сделаете мне те два разреза вверх по течению?

— Давай я один... — обращается ко мне Мишка. Он не глядит на меня. — За пару дней управлюсь, а вы пока в маршрут...

Но у нас нет сейчас двухдневных маршрутов.

— Ладно, старик. Сделаем втроем. Только потом, сам понимаешь.

— Ой, спасибо! — хлопает Люся в ладоши. — Значит, так: два разреза — семь и пятнадцать километров от устья. Как делать, вы уже знаете, а я тем временем займусь описанием прибрежной.

— Зачем спешка-гонка? — спрашивает Леха. — Пойдем с нами.

«Набери побольше материала для «железного» диплома», — говорит Мишка своим видом.

— В Москву очень хочется, — как-то ненатурально смеется Люська. — Я забыла сказать вам: эти летчики обещали залететь за мной через пару дней.

Так вот почему она слушала вертолет!

— Брось ты, Люся, этот вертолет, — говорю я. — Вертолеты будут. Но такой тундры, такого августа больше не будет. И таких подданных у тебя, принцесса, не будет.

Люся серьезно слушает.

Мы уходим чуть свет: позавтракаем на месте.

Люся еще спит. Мишка немного замешкался. Он догоняет нас, как лось перемахивая через кочки. В рюкзаках непривычное ботаническое снаряжение. Молчит Леха, молчу я, только Миша весело посвистывает.

...Мы устали, как упряжные собаки. То ли работа непривычная, то ли просто её очень много. Рвем травку — это тебе на диплом, Люся! Считаем-пересчитываем кочки — это за то, что у Мишки, кажется, закружилась голова. Считаем шаги, чтобы знать, когда остановиться и снова щипать травку, — это за то, что встретилась девушка, так же, как и мы, понимающая романтику. Что ж, поработаем!

Мы сделали всё как надо. В рюкзаках приятная трудовая тяжесть. Оказывается, когда дело сделано, даже чужая работа, всё равно приятно. В чьем-то дипломе, в чьей-то науке будет доля и твоего труда.

У палатки тихо. Наверное, наша «принцесса» работает на берегу.

— Трудяга, — говорит Леха и... замолкает. Мы смотрим туда же, куда и он. В центре выжженной костром площадки стоит дощечка «Берег принцессы Люськи» и рядом записка, воткнутая в расщепленную палочку. Мишка берет записку, протягивает нам.

«Мои рыцари тундры, — читаем мы, — к сожалению, вертолет прилетел на день раньше. Он идет прямо в Провидение. Для меня это очень удобно. Диплом ни диссертация, напишу без этих разрезов. А лучше привезите мне их в Москву. Пока. Люська-принцесса».

Я смотрю на Мишку. Он берет рюкзак за уголки и медленно начинает вытряхивать гербарий прямо на землю. Он молчит. Леха опустошает свой рюкзак и вдруг подходит к дощечке. Заносит сапог, и «Берег принцессы Люськи» со свистом летит в сторону...

— Зря ты, Леха, — голос у Бороды как будто спокоен. — На свете Людмил тыщи. Есть и другие...

Птаха в кустике вдруг тихонько пискнула и взлетела на самую верхушку. Она качается на тонкой веточке и косит на нас черным блестящим глазом. У птахи желтая грудь и невзрачные серые крылья.

— Это что, канарейка? — спрашивает Леха.

Мы молчим.

ВАЛЕНТИН ТОМИН

СО СРЕДЫ ДО СУББОТЫ

Валентин Томин

Со среды до субботы

СРЕДА, 13 АВГУСТА

— Что это за командировки, о которых становится известно только за час до вылета? Нет, нет, пожалуйста, никаких оправданий, они совершенно ни к чему, — в голосе девушки послышались металлические нотки.

Юноша и не оправдывался, а молча смотрел на её лакированные босоножки.

— Имей в виду, если ты не вернешься к субботе в воскресенье я уеду. В Океанскую. С Аркадием.

Правая лакировка приподнялась и осторожно (чтобы не повредить каблучка) стукнула об асфальт.

Юноша поднял голову:

— Я постараюсь быть в субботу.

— Не постараюсь, а буду. В двадцать ноль-ноль. Где твоя офицерская точность?

Юноша грустно улыбнулся:

— Осталось четверть часа. До свидания.

Он неловко поцеловал пальцы подруги. Чуть помедлил. Затем быстро надел фуражку и вышел на проезжую часть улицы. Заскрипела тормозами и остановилась, вздрогнув, издававшая виды машина. Погас её зеленый зрачок.

— Через пятнадцать минут я должен быть в аэропорту.

— Будете, товарищ лейтенант.

СУББОТА, 16 АВГУСТА

— Зашел попрощаться, Пал Палыч. Улетаю.

Крупный, угловатый мужчина с майорскими погонами на помятой синей рубашке поднял голову от бумаг.

— Садись.

— Надо спешить — скоро самолет.

— Я дам машину. Успеешь.

Майор вышел из-за стола, пожал вошедшему руку и, не выпуская её, заговорил:

— Послушай, Рогов. Я, конечно, понимаю, что в субботу тебе хочется быть дома. Приказать тебе остаться не могу: ты был командирован по конкретному делу и всё, что требовалось, выполнил. Но войди в моё положение. По групповому разбою работать надо, а Федорчуку вчера вырезали аппендикс. И вот только что сообщили: в Ульве — крупная кража. В магазине. Надо выезжать. А кому? Дубинин на оперативной работе без году неделя. Выходит, кроме тебя, ехать некому... Согласен? Ну, вот и отлично. Я и не сомневался, даже в управление уже позвонил. Не огорчайся, послужишь с моё, поймешь, что нашим временем не мы распоряжаемся. И она тоже поймет...

Оба офицера одновременно вздохнули: молодой вспомнил высказанные ему перед отъездом обиды, пожилой — жену, которая уже поняла их никчемность. Майор выпустил руку собеседника и тяжело сел.

— До Ульвы восемьдесят километров. Если выедешь через полчаса, то успеешь засветло произвести осмотр. В помощь возьмешь Дубинина. Участковый встретит на месте. Желаю успеха.

Виктор вышел из кабинета начальника райотдела. На миг он представил Риту, танцующую с Аркадием, и тотчас же разозлился. На себя.

В дежурной комнате увидел Дубинина, читавшего нотацию взлохмаченному подростку. Подошел:

— Обедал?

— Да.

— Проверь оперативную сумку и через полчаса заезжай за мной в чайную. Едем в Ульву.

Рядом с милицией — сарайчик. Почта. Как объяснить в десяти словах телеграфного текста, что он не мог, не имел права поступить иначе? Синие шершавые бланки один за другим летят в корзину для мусора. Наконец телеграмма написана: «Южно-Сахалинск Дальняя 13 Макаровой Маргарите

Обстоятельства тчк Вместо меня охапку поздравлений доставит эта телеграмма тчк Пожелания тире по желанию тчк Виктор».

— Семьдесят три копейки, — подытожила его излияния не улыбаясь женщина по ту сторону барьера.

Виктор вышел и увидел машину. Рядом с шофером сидел Дубинин. Полчаса, выделенные на обед, прошли. Лейтенант тяжело вздохнул и уселся рядом с шофером:

— Гони.

В Ульву приехали к концу рабочего дня. У магазина дежурил широкоскулый старшина — участковый уполномоченный. Тут же сгрудились работники магазина, руководители ОРСа, любопытные. Участковый вполголоса доложил:

— Кражу обнаружила сегодня в восемь утра завмаг Шурова. Сорваны ставни с окна и разбито стекло. Внутри магазина никто не входил. Сторожиха, по словам Шуровой, покинула пост в семь часов утра. Около восьми в сторону Ныша ушло несколько совхозных машин, заночевавших в Ульве по пути из Александровска. Шоферы ночью пьянствовали. В семь утра в райцентр ушел рейсовый автобус. Пассажиров человек пять, кто именно, ещё не знаю. У завмага и уборщицы никаких подозрений нет. У меня на примете двое, надо проверить. Вот фамилии и адреса... Виктор снял фуражку и попытался пригладить непослушную шевелюру.

— Вы хорошо поработали, старшина. Спасибо. Пока я справлюсь без вас. Вы же по телефону свяжитесь с райотделом и передайте от моего имени, чтобы установили шофера автобуса, выехавшего отсюда, и выяснили, кто с ним ехал и с каким багажом. Затем позвоните участковому в Ныш: пусть узнает, кто из водителей ночевал вчера в Ульве, и с надежными поговорит по душам. На двадцать часов соберите где-нибудь дружинников... Дубинин, на тебя ложатся беседы с орсовским начальством и вообще работа «на слух». Я беру на себя завмага, уборщицу и, конечно, осмотр. Вопросы есть? Значит, действуем.

Окно. Путь, которым преступник проник в магазин. Виктор несколько раз нажал на спусковую кнопку «Киева», затем осторожно приблизился.

Глинистая, смоченная недавним дождем почва хранила множество следов. Следы вора, конечно, затоптали любопытные. Первая неудача.

Последняя ли? Вокруг — осколки стекла. Есть ли на них следы? Будущее покажет.

— Дайте ключи. Войдем в магазин.

Толпа любопытных ринулась было вслед за понятыми. Виктор остановил их взглядом.

— Итак, товарищ Шурова, что, по вашему мнению, взято?

— Надо посмотреть деньги. Там оставалось больше двух тысяч.

— А почему вы не сдали выручку?

Худенькая, рано состарившаяся женщина ничего не ответила. Только вздохнула.

— Что взято из товара? Что сейчас находится не в таком положении, как вы оставляли?

— Нет ящика водки. С витрины, кажется, взят бенедиктин. Да, да. Две или три бутылки бенедиктина.

— Бенедиктин? Это интересно. Не так часто бывает он на Сахалине. А много вы его продали?

— Одну бутылку. Я получила его месяц назад, и за всё это время только бухгалтер леспромхоза с полочки купил.

Виктор сделал пометку в блокноте, затем продолжал осмотр. Когда очередь дошла до денежного ящика, он позвал Шурову. Ящик был пуст...

СУББОТА, 16 АВГУСТА, 20 ЧАСОВ

— Наконец, последнее. Если кто-нибудь из вас обнаружит бутылку вот с такой этикеткой, не прикасаясь к ней, организуйте охрану, и немедленно, вне зависимости от времени суток, поставьте в известность о находке вашего участкового, лейтенанта Дубинина или меня. А сейчас — за дело. До свидания.

Теснясь в дверях, дружинники вышли. В кабинете начальника ОРСа остались только сотрудники милиции.

Дождавшись, когда закрылась дверь, Виктор продолжал:

— Подведем итоги за день. Преступник (или преступники) проник в магазин через окно. Стекло попросту разбито. Вывод: преступник не боялся шумом привлечь внимание сторожа. Второе — в магазине нет следов грязи. Следовательно, вор влез в магазин до того,

как начался дождь. Вывод: сторожика лжет, что ушла лишь в семь, а кража совершена в период от двадцати часов пятницы до двух часов субботы. На осколках стекла мы обнаружили следы пальцев. Следы скверные, но я смотрел их предварительно, и мне кажется, что они могут пригодиться. Словом, осколки отправлены с нашим шофером в Тымовск, оттуда они сегодня же уйдут в Южный, в НТО. Остается искать подозреваемых.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 АВГУСТА 2 ЧАСА НОЧИ

— Виктор, надо сделать обыск у Горшкова. Звони прокурору, проси санкцию.

— Ну, что ты не спишь?...

— Я не могу спать, я думаю.

— Думай, пожалуйста, молча. Я очень устал, а завтра подыматься чуть свет.

Дубинин обиделся и демонстративно отвернулся к стене. Затих.

Минут пять молчали. Качающийся за окном фонарь выхватывал из темноты то одну, то другую часть небольшой комнаты для приезжих: койка — стол с остатками ужина — другая койка. Вдруг Дубинин рывком сбросил с себя одеяло и сел.

— Зарплата только в понедельник, а он пьянствовал уже вчера. И на работу не вышел. Надо делать обыск.

— Ты давно женат?

— Я тебе о деле, а ты... Не серьезно.

— Как раз очень серьезно. Скажи, когда ты ещё не был женат, когда только ухаживал за Валею, бывало, чтобы она тебя пригласила, ты обещал прийти, а прийти не смог? На день рождения, к примеру...

— А у кого день рождения? У той, длинноволосой? Вот красивая, правда?

— Нет... У Горшкова обыск делать пока не будем. Против него никаких доказательств. Одна твоя интуиция. И вообще... спать...

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 АВГУСТА, УТРО

Утверждают, что есть люди, которые каждое воскресенье отдыхают. Неужели это правда?

С рассветом ушла машина в совхоз Ныш. Уехавшие с ней дружинники получили задание внимательнейшим образом осмотреть дорогу. Дубинин отправился отрабатывать версию «Горшков», участковый уполномоченный — вызывать неявившегося свидетеля. Оставшись один, Виктор сел на стол. Задумался.

Если бы дружинникам удалось обнаружить бутылку из-под бенедиктина по дороге в Ныш, это позволило бы сосредоточить основное внимание на версии «кто-то из совхозных шоферов». На бутылке или на её осколках наверняка сохранились следы пальцев тех, кто держал её в руках. Осматривать дорогу Виктор охотно отправил бы Дубинина, но тот весь был поглощен мыслью о том, что кражу совершил Горшков, и в силу этого мог оказаться невнимательным. Пришлось послать дружинников, которые хотя и не имели опыта, но зато за дело взялись с большим желанием.

Телефонный звонок заставил Виктора вздрогнуть. Он торопливо схватил трубку. Из Тымовска сообщали, что вчерашним автобусом из Ульвы приехало пять человек, все без громоздких вещей. Таким образом, если преступник и находился среди этих пяти, то украденное он с собой не увез.

Виктор попросил выяснить у всех пассажиров и водителя, чем они занимались с двадцати часов пятницы до отхода автобуса. Последовал ответ, что это уже сделано. Виктор записал основные моменты показаний, чтобы перепроверить их. Он уже собрался было распрощаться, когда беседовавший с ним дежурный по милиции сообщил, что пришел начальник и хочет поговорить.

Лейтенант слез со стола.

— Доброе утро, Пал Палыч. Чего так рано поднялись?

Майор выслушал доклад о проделанном, потом сказал:

— Из всех приехавших с автобусом надо проверить показания только двоих: Феоктистова и Козла. Остальных я знаю. Как-никак здесь с сорок шестого...

Вскоре начали подходить свидетели. Разные: настороженные и всеми силами стремящиеся помочь, общительные и замкнутые, разговорчивые и молчаливые.

К полудню кое-что начало проясняться. Женщина-сторож, уличенная показаниями других свидетелей, сказала, что в двадцать один час она поручила охранять магазин своему старику, а сама отправилась хлопотать по хозяйству.

Старик, шестидесятипятилетний толстяк с сизым носом, сразу же признался, что вскоре после ухода жены его навестил Федька Феоктистов и какой-то неизвестный ему парень. Ребята предложили выпить, он не отказался, быстро опьянел и до семи часов утра проспал в сторожке.

Были все основания предполагать, что старика споили намеренно. Поэтому Виктор тут же позвонил в Тымовск, попросил повторно допросить Феоктистова, дактилоскопировать его и, в случае если будет пытаться скрыться, задержать.

Пришел Дубинин. Злой: версия «Горшков» не получалась. Посмотрел на список пассажиров. Увидел там фамилию жены Горшкова, в сердцах стукнул кулаком по столу.

— Бабник! Жена за порог не успела выйти, а он в разгул ударился.

От сильного толчка дверь с шумом распахнулась и едва удержалась на петлях. В комнату ворвался запыхавшийся участковый, за ним взволнованный мужчина в ботинках на босу ногу.

— Удача, товарищ лейтенант.

— Слушаю вас.

— Пусть он расскажет, — старшина указал на своего спутника.

Тот сразу начал с главного.

— Глянул я, значит, а там этот самый... бе... бедиктин. Я бегом сюда. По дороге старшину встретил.

— Ну, а подробнее? Куда вы глянули? Что именно увидели?

Зазвонил телефон. Из Ныша сообщали о результатах осмотра дороги. Виктор передал трубку Дубинину, а сам продолжал слушать мужчину.

— У меня есть небольшой огородик. По воскресеньям я люблю в нем покопаться. Вот и сегодня вышел я часов в десять. Вначале работал возле дома, а затем пошел в дальний конец: там больно трава разрослась. И аккурат в этой траве лежат рядышком две бутылки. Этикетки ободраны, но узнать, значит, можно. Как вы вчера велели, я их трогать не стал, крикнул только мамаше, чтоб приглядывала, а сам, значит, сюда.

— Чьи усадьбы примыкают к вашей в том месте, где вы нашли бутылки?

— А это аккурат в углу, так что три усадьбы. Рядом со мной Горшков живет, он сильно пил вчера. С другой улицы Андреев Иван Петрович, одна женщина с сыном, фамилии её не знаю, а зовут Настасьей.

При упоминании имени Горшкова Дубинин насторожился. Виктор вопросительно взглянул на него. Дубинин вздохнул и покачал головой: у Горшкова твердое алиби.

— Тогда нечего терять время. Пошли.

Через четверть часа все стояли перед зарослями крапивы. Примятые стебли и вдавленность на влажной земле не оставляли сомнения, что совсем недавно здесь что-то лежало. Но сейчас ничего не было. Виктор и Дубинин вопросительно посмотрели на старшину, затем на свидетеля. Тот недоуменно поднял плечи.

От дома семенила старушка.

— Сынки, вы не бутылки ищете? Так я их в дом унесла, а то, не ровен час, взял бы кто.

Старшина раскрыл рот, чтобы выругаться, но Дубинин остановил его — теперь это было бесполезно.

— Показывайте, мамаша, куда вы их убрали.

Увидев стоящие на столе бутылки, старшина ахнул: бутылки были чисто вымыты и тщательно протерты.

— Они что, и валялись такими чистыми? — с тоской ожидая отрицательного ответа, хором спросили Дубинин и Виктор.

— Где там! Такие грязнющие, что и смотреть страшно. Вот, чтобы вам не пачкаться, я их и вымыла.

Старшина не поднимал глаз. Он понимал, что допустил огромную ошибку: не организовал охрану.

— Спасибо, мамаша, только в следующий раз вы не беспокойтесь. Мы народ не брезгливый...

Когда старушка вышла, Виктор продолжил:

— Из бутылок нужно выжать всё, что ещё возможно. Преступник ведь не знает, что следы уничтожены.

— Старшина, охарактеризуйте Настасью.

— Фамилия ее Феоктистова. Хорошая работница. В войну лишилась мужа. Одна вырастила сына. Он, правда, последнее время

начал хулиганить... Живет одинокой. Куда уж после войны вдове с малым дитем замуж выйти? Правда, последнее время, бабы говорят, стал к ней похаживать кто-то из Арги-Паги. Моложе её лет на десять.

— Вот что, старшина, надо сходить в гости к Феоктистовой. Там посмотрим, обыск ли делать или так поговорим. Пошли.

Подойдя к тому месту, где были обнаружены бутылки, Виктор перемахнул через забор, посмотрел себе под ноги. Так и есть: совсем свежие следы ног — резиновые сапоги небольшого размера. Виктор удовлетворенно хмыкнул и напрямик направился к дому Феоктистовой. Старшина удивленно пожал плечами — по улице пройти было удобнее, но последовал за офицером.

Иступленно залаяла собака. Лейтенант шел прямо на нее. Задыхаясь от злобы, она пятилась, не решаясь укусить. Она ещё не встречала людей, которые бы в её владениях шли на нее без страха, и поэтому отступила, забилась в конуру. Шедший сзади старшина проворно нагнулся и подвернувшейся доской загородил лаз.

— Добрые люди ждут, пока хозяева уберут собаку.

На пороге стояла женщина, вышедшая на лай. Почти автоматически Виктор отметил, что на ногах у нее новые резиновые сапоги.

— Так ведь добрые люди и бутылок в чужой огород не подкидывают.

Лейтенант сказал это очень тихо, глядя женщине прямо в лицо.

— Какие ещё бутылки?

— Приглашайте в гости, хозяйка.

Попросив старшину остаться у входа, Виктор вошел в дом. Он состоял, собственно, из одной большой комнаты с задернутой пологом нишей. Там, видимо, стояла кровать.

Хозяйка села за стол и указала лейтенанту место напротив себя. Свой стул она поставила так, чтобы находиться между прищельцем и нишей. Виктор про себя отметил это. Женщина словно стремилась заслонить собой кого-то. Она явно нервничала, переводила глаза со своего собеседника на окно, за которым была видна длинная фигура Дубинина. Виктор молча изучал хозяйку. Он не сомневался, что в комнате кто-то спрятан. Скорее всего тот, от кого пытались отвести подозрения, подбросив бутылки на соседнюю усадьбу; обнаружить его не представляло труда. Но этого было мало. Надо получить против

него улики, которые компенсировали бы уничтожение следов на бутылках.

— Кто ещё, кроме вас, живет здесь?

— Никто... Мы с сыном живем вдвоем.

— Сын ваш сейчас в Тымовске. Меня интересует, кто, кроме нас, находится в комнате в настоящий момент.

Виктор резко встал и сделал шаг в сторону ниши.

Вскочила и женщина:

— Вы не имеете права!..

— Эй ты, герой! Долго будешь за ширмой прятаться? — это сказал вошедший в комнату старшина.

Почти сразу же полог резко отдернулся, и из ниши шагнул ничем не примечательный парень лет двадцати семи.

— А какого рожна вам от меня надо? Узнали, что срок тянул, и кражу хотите пришить? Не выйдет.

Лейтенант облегченно вздохнул — начиналось привычное:

— Ваши документы...

ПОНЕДЕЛЬНИК, 18 АВГУСТА

В кабинет начальника ОРСа, где Виктор беседовал с Феоктистовой, вошел Дубинин:

— Только что разговаривал с Тымовском. Феоктистов признался в краже и говорит, что совершил её один. Следы на стекле его.

Виктор предостерегающе поднял руку, но было уже поздно: женщина услышала фамилию.

— Вы и сына хотите у меня отобрать?

— Нет, Анастасия Семеновна. Сына у вас хотели отобрать не мы... Мы же хотим вернуть его... обществу... и вам.

Женщина ушла вместе со старшиной.

Дубинин со вкусом потянулся, хрустнул суставами.

— Завтра будем дома. Ух, и выплюсь же я!

— А ты веришь, что мальчишка совершил кражу один?

— Нет, конечно.

— А коли так, то выспаться тебе не удастся. Этот тип толкнул мальчишку на преступление, он — основной виновник. Пока мы это не

докажем, я отсюда не уеду.

СРЕДА, 20 АВГУСТА

— Внимание! Произвел посадку самолет № 1609, прибывший вне рейса из Охи.

Встречающие притиснулись к барьеру с укрепленной на нем табличкой: «Провожаящим и встречающим выход на летное поле запрещен». Работяга «ЛИИ-2» последний раз взревел моторами и затих.

Виктор стремительно выскочил из самолета.

К Рите. К Рите!

Почти бегом преодолел летное поле, промчался через аэровокзал и оказался на стоянке такси. Та самая выдавшая виды автомашина, на которой он ехал сюда, стояла первой. Шофер поздоровался. Виктор дружелюбно ответил и сел на переднее сиденье.

«Уехала или не уехала?»

Машина тронулась. Взгляд рассеянно фиксировал окружающее. «Лужи — недавно прошел дождь. Встречная «раковая шейка» — где-то в Елане происшествие. Бабка, торгующая цветами. Стоп, надо купить цветы Рите».

— Стой! — закричал он так, что шофер вздрогнул. Выскочил из машины и, на ходу отыскивая в карманах деньги, побежал назад. Торговка, увидев его, подхватила корзину и бросилась в ближайший подъезд. Виктор в недоумении остановился. «Что за черт?» Потом догадался: «Торговать на улице запрещено, испугалась формы». Он еле догнал женщину и несколько минут убеждал, что вовсе не намерен её штрафовать. Поверив в это, старуха содрала пятерку за десяток роз.

Виктор повернулся в машину.

— Поехали.

Откинулся на спинку и задумался. Мысли были приятные. Очнулся оттого, что машина остановилась. Вспомнил, что не сказал шоферу, куда ехать. Подумал: «Значит, привез в управление», — и поднял глаза. Машина стояла перед домом Макаровых.

Виктор вернулся в машину.

— Почему вы решили, что мне сюда?

Тот понимающе улыбнулся:

— Так ведь неделю назад я вас в аэропорт отвозил отсюда.

Виктора вдруг охватило предчувствие удачи: значит, Рита не уехала. Он крепко стиснул руку шофера, вылез из машины; на звонок вышла мать Риты.

— Вчера улетела. Нет, для вас ничего не оставила и не просила передать...

Лейтенант отправился отчитываться о командировке. Розы он втиснул в чемодан.

В отделе его приезд прошел незамеченным: все были заняты своим делом. Начальник, к которому он зашел, только что окончил допрос взяточника.

— Давай докладывай, в моем распоряжении пятнадцать минут.

Виктор полез в папку за бумагами. Мешала бутылка, и он вынул её. Начальник хмыкнул.

— Это что же? Вещдок?

— Почти. Эта бутылка должна помочь мне доказать, что я не мог приехать в субботу...

Начальник не засмеялся: он давно служил в милиции и знал, как трудно здесь порой возвратиться вовремя из командировки, с работы, даже с обычной прогулки.

— Значит, сегодняшний вечер тебе просто необходим, а я, честно говоря, рассчитывал на твой приезд... Ладно, что-нибудь придумаем.

— У меня сегодня совершенно свободный вечер. Она вчера улетела.

— Не насовсем? Ну и отлично! Тогда сегодня выедешь в Аниву. Дело такое...

Тон начальника был довольный: ему-то отъезд Риты оказался как нельзя кстати. Виктор почувствовал себя немного обиженным.

— Хорошо, я сегодня выеду.

СУББОТА, 6 СЕНТЯБРЯ

Как-то необычно громко зазвонил телефон. Голос начальника:

— Рогов, срочно зайди ко мне.

И в кабинете:

— Тут тебе одна бумага.

Передал телеграмму:

«Южно-Сахалинск УООП Рогову Виктору Рейс 945 6 сентября Макарова».

— Резолюция такова: бегом домой. Наряжайся, утюжься, скоблись. И в аэропорт. В твоём распоряжении — два часа. Успеешь.

— Но у меня люди...

— Я побеседую, оставь материалы.

СУББОТА, 6 СЕНТЯБРЯ, 23 ЧАСА

Вылет владивостокского самолета задержался из-за плохой погоды. Она улучшилась только час назад, и Виктор сразу же выехал в аэропорт. Начищенный и наутюженный, с большим букетом в руках, он был единственным пассажиром в этом ночном автобусе. Кондуктор — молодая девушка — бросала на него любопытные взгляды, а он пытался представить себе, как встретится с Ритой. Тон телеграммы, конечно, сухой, но, во-первых, это не письмо, во-вторых, послано не на домашний адрес, в-третьих... Он обязательно подойдет прямо к самолету и встретит её у трапа. Может быть, ему повезет и подадут не трап, а просто железную лесенку. Тогда он поможет Рите сойти...

На остановке «Больница» в автобус вошла пожилая женщина. Она купила билет и тут же принялась громко рассказывать кондуктору, что за будкой для ожидания двое парней шарят по карманам у пьяного моряка. Виктор с ужасом почувствовал, что он опять опоздает на свидание.

— Может быть, приятели? — спросил он с надеждой.

Женщина недружелюбно посмотрела на него.

— Хороши приятели: один так двинул моряка по физиономии, что тот, сердечный, кровью умылся.

«Нет, нет. Я не могу опоздать на этот раз... Потом старуха могла напутать... Наконец может же кто-нибудь другой прийти на остановку... Я лучше завтра отработаю все двадцать четыре часа. Послезавтра. Весь год. Только не сегодня».

Автобус шел с приличной скоростью. Каждая секунда — лишние метры.

— Остановите машину! — крикнул Виктор водителю.

Подумал: «Постараюсь успеть!» — и вышел в ночь, зная, что не успеет.

На одной из выбоин автобус тряхнуло, и забытый Виктором букет упал на пол.

Старуха и кондуктор ругали милицию, которую в нужный момент никогда не найти.

Владивостокский самолет получил «добро» на посадку...

СУББОТА, 14 НОЯБРЯ

День, как все. Только покороче: субботний. В двух разных концах Сахалина шестеро судей почти одновременно закончили слушание двух уголовных дел, а председательствующие огласили обвинительные приговоры. Судьи, заседавшие в поселке Ульва Кировского района, приговорили вора-рецидивиста за кражу из магазина и вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность к шести годам лишения свободы. Их южно-сахалинские коллеги определили меру наказания паре великовозрастных лоботрясов, пытавшихся шестого сентября ограбить на остановке автобуса «Больница» торгового моряка.

Начальник Виктора Рогова «под занавес» получил неприятное известие: кража на одном из складов. Он уже взялся было за телефонную трубку, чтобы вызвать Виктора и поручить ему это дело, как вспомнил о чём-то, улыбнулся и позвонил другому сотруднику.

А в это время делопроизводитель южно-сахалинского загса нервно поглядывала на часы. Она очень торопилась, но тем не менее задержалась на службе уже на пятнадцать «лишних» минут: сегодня истекал срок, назначенный гражданину Рогову и гражданке Макаровой для раздумий после подачи заявления о браке. А их всё нет и нет. «В чём дело? — недоумевала женщина, вспоминая подтянутого юношу в милицейской форме и миловидную девушку в туфлях на тонком каблукке. — Может, что-нибудь случилось?»

— Значит, передумали... А ведь такие, кажется, серьезные... — вслух подытожила она ещё через пять минут и собралась уходить.

В тот же самый момент за окном послышался девичий голос:

— Подумаешь, могу же и я хоть раз задержаться, опоздать. Или ты думаешь, это лишь твое монопольное право?

Делопроизводитель вздохнула, улыбнулась и открыла запертый было стол.

СЕРГЕЙ ЖЕМАЛТИС

ОБРАТНЫЙ РЕЙС

Сергей Жемайтис

Обратный рейс

Пароход «Аскольд» возвращался от берегов Камчатки во Владивосток, заканчивая четырехмесячный снабженческий рейс. Всё лето он двигался вдоль западного берега от мыса Лопатки до Гижиги, останавливаясь у каждого промысла и фактории.

Матросы спускали на воду четыре двадцатитонных кунгаса, стягивали с люков брезенты, раскрывали трюмы. Тарахтели лебедки, выхватывая из корабельного чрева кули с мукой, тюки с одеждой, ящики с консервами, спиртом, лекарствами и всем необходимым для людей, которые целый год до следующего «снабженца» будут жить у пустынного моря, пасти оленей, охотиться, ловить рыбу. Кунгасы возвращались с берега, нагруженные шкурами нерпы, сивучей, оленей, пушниной, бочками с рыбой.

Камчатка похожа на кремневый нож, лезвие — западный берег; он полого опускается в море, ровный, без единой зазубринки; здесь нет ни одной удобной бухты для корабельных стоянок. Суда бросают якорь далеко от берега, подходить ближе мешают мели.

Иногда много дней команда томила, ожидая, когда улягутся бары. Мертвая зыбь, выбегая на береговую отмель, вздыбливалась гигантской стружкой, с грохотом рушилась и снова взлетала ещё выше, грозней и с яростью билась грудью о дно и опять взлетала к небу, и так до самого берега. Пушечный грохот стоял над барами. Самая крепкая посуда, попав в эту бешеную толчею волн, разлеталась в щепки...

И вот всё это осталось позади. С попутным ветром «Аскольд» делал почти четырнадцать узлов.

Вахту нёс третий помощник Иван Степанович Дудаков. Он стоял на левом крыле мостика и мечтательно глядел вдаль. От воды веяло холодом. И всё же было необычайно тепло для этих широт. Штурмана радовала небесная синева, слегка пьянил холодный воздух, настоящий на свежих травах тундры и водорослях. Иван Степанович давно не переживал таких приятных минут. Радовало, что так удачно заканчивается рейс. Иван Степанович улыбался и разглаживал темные усики. Он отрастил их за рейс, и они очень шли к его лицу. В этот рейс

вся команда, подражая капитану, отращивала усы, а старпом даже отпустил бороду.

Низкий берег давно утонул за четко очерченной линией горизонта. Из зеленой воды поднималась гряда гор.

На мостик грузно поднялся капитан, стал рядом со штурманом. Его лицо, продубленное солнцем и ветром, было сурово, эту суровость ещё больше оттеняли рыжеватые усы, торчащие в стороны, но в серых выцветших глазах теплилась усмешка человека, довольного и собой и всем светом. Он только что прошел по всему кораблю и остался доволен образцовым порядком, поговорил с матросами и кочегарами и совсем пришел в хорошее настроение. За кормой стелилась ровная, будто вычерченная полоса, и это нравилось капитану: корабль не рыскает по сторонам, не теряет дорогие мили. Капитан посмотрел в рубку. Там за толстым зеркальным стеклом стоял рулевой в хорошо сшитой куртке, из-под кепки у рулевого торчали непокорные волосы соломенного цвета. Он чуть поворачивал большое колесо штурвала, на тонких хитрых губах рулевого — мечтательная улыбка.

На юте показался кочегар, голый по пояс, в красном берете, шея его повязана ослепительно белым полотенцем. Кочегар с минуту смотрел на ровную полосу моря, проутюженную днищем судна, потом направился к спардеку.

Штурман сказал:

— Ревниво следят ребята за ходом: вахты соревнуются. Я не позавидую рулевому, если начнет рыскать.

Капитан крикнул, повёл плечами, давая понять, что всё делалось так, как и должно делаться на приличном корабле; прищурясь, стал рассматривать далекие горы.

Штурман заметил:

— Удивительная прозрачность воздуха сегодня. Даже тени на склонах заметны, а до них миль триста!

— Арктика дыхнула! Пора...

— Да, вовремя уходим. К празднику будем дома, Андрей Андреевич!

Капитан поморщился.

— Дома тогда будем, когда на берег сойдем.

— А я не верю в приметы.

— Дело не в приметах, а в характере нашей с вами деятельности.

— Пожалуй...

Зелёные волны подгоняли корабль, на их гребнях вспыхивала снежная пена. От борта, задевая по воде короткими крылышками, бросились два нырка.

— Вроде нас с вами, Иван Степанович, — сказал капитан, — всю жизнь в море. Только раз в год выберутся на какой-нибудь камень по семейным делам, выведут детей и снова в путь. Между прочим, недалеко то время, когда добрая половина человечества перекочится на океанские просторы...

Третий штурман, глубоко вздохнув, полез за папиросами, готовясь слушать лекцию о море и судьбах человечества.

Капитан в минуты хорошего настроения мог часами говорить о Мировом океане. Вахтенный штурман слушал краем уха, затягиваясь папиросой, и думал, как он войдет в Золотой Рог. В бинокль он увидит на краю пирса своих. Потом после суматохи, объятий он будет сидеть в отцовском кресле и чувствовать на себе любящие взгляды, а кресло будет покачиваться, как всегда после рейса...

Капитан говорил, покуривая трубку:

— В первую очередь будут заселены пояса пассатов. На воде и под водой будут целые города, поселки. Что может быть приятней жизни в этих широтах! Вечное солнце! Благоухающий океан! Ветер как дыхание ребенка.

— Да, ветер нам сильно помогает, пожалуй, узла полтора набегает, — сказал штурман, думая о своём, но, встретив недовольный взгляд капитана, поспешил исправить бестактное замечание: — Возможно, тропики подойдут, но Охотское вряд ли.

Капитан благодушно улыбнулся.

— Вы упускаете из виду потепление северных морей.

— Да, конечно... — ответил штурман, улыбнулся, представив себе выражение лица братишки, когда он вручит ему коряжскую острогу...

Капитан и вахтенный штурман повернули головы: послышалась четкая дробь подошв о трап — так стремительно поднимался только радист Петя Бобриков. Через мгновение он выскочил на мостик. Его круглое мальчишеское лицо с кисточкой усов под носом было озабоченно.

Капитан взял у него телеграмму и, отставив её далеко в сторону, стал читать.

Петя, ежась от холода, зашептал штурману:

— Ну и конъюнктура, я тебе доложу. Будто мы одни болтаемся в этом холодильнике. Слепое счастье! Кто-то из нас в рубашке родился.

У третьего штурмана похолодело в груди, на душе стало тоскливо, как в детстве, когда неожиданно обрушивалась незаслуженная обида.

Капитан многозначительно произнес:

— Мда!.. — и, покрутив головой, добавил: — Действительно, положение! Надо менять курс, Иван Степанович. — Он передал помощнику телеграмму. — Вот так-то мы очень часто приходим не в ту гавань... А вы, любимый сын эфира, — он взял радиста под руку, — передайте в пароходство, что согласно распоряжению идем в Палану... А ветер крепчает...

В матросском кубрике боцман и три матроса резались в домино, со смаком шлепая костяшками по чисто выскобленному столу. Иллюминаторы с правого борта ловили солнце, и оно на мгновение освещало двухъярусные койки вдоль бортов, белую, только что выдраенную палубу. Пахло сырым дубом, краской и крепким табаком. Кубрик то взлетал вверх, то падал. Боцман был так же молод, как и матросы, но держался солидней, и матросы называли его Кузьмичом.

— Всё, считай! — Матрос с темной полосой, наискось пересекающей лоб, швырнул костяшки на стол и, потирая руки, подмигнул партнеру. — Ты только, Ленька, подыгрывай мне, ох, врежем мы им сухого козла!

— Надо бы в честь окончания рейса! — ответил густым басом широкоплечий чернявый парень, сгребая кости в ладонь.

Кузьмич огорченно засопел и, вздохнув, посмотрел на своего напарника; тот пожал худыми плечами, почесал кончик длинного носа и сказал уныло:

— Счастье им так и прёт, так и прёт! Другой бы на Васькином месте сейчас у морского царя чай пил, а он нас к ногтю гнёт.

Матрос со шрамом сказал:

— Не надо было тебе, Жора, свой длинный нос в воду совать! — Он с хорошей улыбкой посмотрел на длинноносого. — Меня как врезало канатом, я будто уснул и вижу во сне, что лечу за борт, медленно так опускаюсь. Вот, думаю, не было печали. Потом трах в

кипятков! Обожгло всего, чувствую, опускаюсь на дно морское, пью водичку, и тут этот длинноносый меня цоп за шкуру, не дал спутешествовать. Что, Жора, опять мимо?

— Делай людям добро после этого! — сказал Жора.

В кубрик вошел вахтенный матрос.

— Кузьмич, к старпому!

Волна плеснула на палубу. Кубрик наклонился, костяшки покатались на пол.

— Всё понятно! — сказал Жора. — Ставок больше нет. Разворачиваемся к тропику Козерога?

— Да, Жора, — сказал вахтенный матрос. — Там есть поселок Палана и тонн триста соленой кеты...

— Это пустяк для нас.

— Возьмем, — сказал Кузьмич, направляясь к двери. — Надо. Триста тонн не шутка. Люди всё лето ловили, не оставлять же на зиму.

— Дайте же гитару, — сказал Жора, — может, я спою что-нибудь веселое...

К шестнадцати часам показалась низкая желтая полоска берега. Горы исчезли, как мираж, хотя небо было безоблачным, но на севере приобретало мглистый оттенок. Пароход ещё шел, а матросы уже раскрыли трюм, сняли с кунгасов найтовы и прогревали лебедки, гоня барабаны взад и вперед. Капитан и бородатый старпом стояли на мостике. Старпом смотрел в бинокль на берег. Там спускали катер. Ветер почти стих, море лежало ровное, маслянистое.

Вахту нёс четвертый помощник Гречкин, совсем ещё мальчик, он в следующем году заканчивал мореходное училище и на «Аскольде» проходил практику. Все звали его Валей. И он отращивал усы, но они совсем не старили его и только легким белесым пушком покрывали верхнюю губу. Сейчас он стоял у машинного телеграфа и тоже смотрел в бинокль и краснел от волнения, ожидая, когда старший помощник с капитаном решат, что пора стопорить машину и бросать якорь. Он должен будет подать команды в машинное отделение, а затем на бак, где уже ждал команды боцман у якорной лебедки.

Старпом махнул рукой.

Валя Гречкин мастерски остановил корабль и отдал якорь в миле от берега. С кунгасами отправился на берег штурман Дудаков, взяв с

собой трех матросов. Поехали Жора, его друг со шрамом на лбу Василий Зубков и Костя Саблин.

На берегу рыбаки быстро нагрузили кунгасы, и катер потянул их к судну. Дудаков был на катере. Рулевой без умолку говорил, рассказывая свежнему человеку о своем житье-бытье.

— Мы из Рязани сюда приехали. Как глянули: край света! Жена в рёв. Едем да едем назад. Но ничего, пообвыкли. Живем. Каждый год в Рязань ездим. На самолете. Тоже страшно поначалу. А море? Разве оно теленок? Вот только что тихо было, а сейчас подул. Но ничего, волну не успеет развести... А хорошо, что вы заехали за нашей рыбой... Вишь, как клонит. Что-то мотор барахлит! Или нет?

— Нет, работает нормально. Бери на ветер, а то снесет.

— Есть на ветер!.. — По веселому лицу моториста сбегали соленые капли, ветер ерошил волосы.

Когда кунгасы подошли к борту, ветер уже был в снастях, но большой зыби ещё не было. На «Аскольде» подняли якорь, кунгасы поставили за подветренный борт и начали разгрузку.

Катер пошел к берегу, зарываясь в волнах. Моторист помахал рукой из рубки. Никто не ответил на приветствие, все были заняты разгрузкой. Матросы на кунгасах, плясавших на волнах, стропили бочки, а лебедчики, следя за рукой старпома, выхватывали их, поднимали на борт и опускали в трюм. Бочки разгрузили быстро, только последняя ударилась о борт, обручи лопнули, и рыба полетела в море.

Кунгасы поднимали уже на ходу: ветер сносил пароход к мели. Три кунгаса установили на место, и матросы бросились принаитовывать их к палубе. Четвертый сорвался с талей и носом ушел в воду. Вася Зубков, а за ним Жора Ремизов стали спускаться по штормтрапу в затопленный кунгас. В ледяной воде они завели тали под днище, а когда лебедки натянули подъемные стропы, стали ведрами отливать воду.

Стоя по пояс в воде, Жора, лязгая зубами, сказал:

— Будешь знать, Ва-васька, почему стоит килограмм соленой рыбы!..

— Д-держись!.. — Волна накрыла их, затрещали борта деревянной посуды, ударившись о стальную обшивку корабля.

Перевесившись через борт, старпом закричал:

— Наверх, живо!

Матросы, будто не слыша, продолжали вычерпывать воду...

Наконец и этот кунгас гигантским маятником закачался над палубой, исковеркал фальшборт, погнул стойку на спардеке и, крикнув, опустился на палубу.

«Аскольд» уходил от берега навстречу урагану, штормовать.

Быстро стемнело, вспыхивали гребни волн, такелаж гудел и стонал под напором холодного ветра. Временами на корабль обрушивались снеговые заряды, облако проносилось, и палуба несколько минут, пока снег не стаивал, светилась в темноте.

Жора Ремизов и Василий Зубков несли вахту со вторым штурманом Борисом Петровичем Зотовым с двенадцати до четырех. Эта вахта считается у моряков самой тяжелой и с незапамятных времен во флоте прозвали её «собачьей».

Над ревущим морем дерзко прозвучали медные звуки рынды: четыре двойных удара, конец вахты. С последним ударом колокола в ходовую рубку вошел Зотов. Высокий, сосредоточенный, он один на корабле не носил усов.

— За вахту прошли десять миль, — сказал старший помощник, пожимая руку Зотова.

— При таком ветре идем вполне прилично.

— Да, пожалуй, но барометр падает, правда, не особенно, но всё же к утру должен покрепчать ветерок. Счастливой вахты, Борис Петрович!

— Спокойной ночи, Николай Евгеньевич!

Старпом и рулевые ушли, думая о горячем чае, теплой койке...

За штурвал встал Зубков. Жора Ремизов подошел к окну. В рубке килевая качка ощущалась не особенно, как посредине качающейся доски, но ветер обрушивался на неё со всей силой. Рубка дрожала, казалось, стекла вгибаются под бешеным напором воздуха.

— Старпом напророчил, — сказал Ремизов, — вишь, как даёт. Пойти померить ветерок, Борис Петрович?

— Сходи, — разрешил Зотов.

Ремизов взял фонарик, анемометр и секундомер, нахлобучил шапку и с трудом открыл дверь. Холодный воздух мигом наполнил рубку.

Дверь резко щелкнула, и Жору Ремизова швырнуло к задним поручням. Ветер тискал его, трепал одежду, расширял легкие. Крыло мостика покатилося вниз, и соленые брызги ударили в лицо. Когда он поднял руку над головой и включил анемометр, снег, сухой, колючий, больно ударил в глаза. Матрос повернулся спиной к ветру. Зажженный фонарик, висевший на пуговице куртки, освещал циферблат секундомера и вихрь искрящихся снежинок.

— Сколько там? — спросил Борис Петрович, когда ветер втолкнул Жору Ремизова в рубку.

— Ну дает! — Жора подул на руки, потрогал кончик носа. — Сейчас подсчитаем. Ого! Двадцать девять и три десятых метра в секунду. Одиннадцать баллов с хвостиком.

— Руля не слушается, — сказал Зубков. — Уже минут десять, как положил право на борт, а катимся влево. Идем как-то юзом.

Корабль содрогнулся от удара в правый борт.

— Скоро шквал пролетит, — сказал штурман. — В это время здесь всегда такие ветры. Холодный воздух из Якутии вторгается в Охотское море.

Борис Петрович застегнул полушубок на все пуговицы и вышел на мостик.

— Вполне научное объяснение, — усмехнулся Жора. — Да нам не легче. Вот если бы не эта телеграмма... То подходили бы мы с этим попутным ветерком к Сангарскому проливику, а там Японское море, Золотой Рог, Вторая Речка, вилла Георгия Яковлевича Ремизова!

— Оставь эти расслабляющие мысли, Жора, — сказал Зубков. — Куда ты поехал? Стекло лбом высадишь!

— А ты держи по ровной дороге!

— Сейчас выеду на шоссе.

— Не люблю я этот антициклон, — сказал Жора, помолчав. — Лучше тайфун. Там ветерок поплотней, зато теплый. Да и за борт сыграешь — веселей.

Шквал пролетел, и картушка компаса, освещенная теплым зеленым светом, медленно поплыла влево.

— Становимся на курс, — сказал Зубков.

Жора Ремизов посмотрел на часы и опять вышел из рубки. Прозвучал двойной удар в рынду: прошел первый час вахты.

Борис Петрович, держась за поручни, прошелся по мостику, проверил ходовые огни и остановился, глядя вперед. Нос корабля взлетел вверх, днище обнажалось и гулко ударяло по воде, подымая светящуюся гриву брызг. Чувствовалось, как, пружиня, качается корпус.

Над головой на ясном зимнем небе метались звезды.

Ещё несколько раз за вахту ветер останавливал корабль и валил то вправо, то влево, «Аскольд» переставал слушаться руля. На крутой волне корма повисала в воздухе, и винт начинал бешено вращаться, сотрясая весь корпус, пока механик не перекрывал пар.

...Вахта близилась к концу. Жора Ремизов пошел на корму взять отсчет лага. За палубными надстройками было сравнительно тихо; он привычным путем прошел до дверей кубрика кочегаров, забрался по трапу на полуют, ещё несколько шагов, и он, держась за поручни, повис над водой: корабль положило на борт и вдруг стремительно повалило в другую сторону. Ремизов зажег фонарик. Лаг вертикально уходил в воду, корабль стоял. Вода, шипя, поднялась, залила сапоги Ремизова и сразу отхлынула, поручни рванулись из рук, и ветер чуть не унес шапку, ударив в левую щеку.

— Поставило лагом! — понял Ремизов, чувствуя, как заколотилось сердце, и стал поспешно выбирать лаглинь, чтобы его не намотало на винт.

«Аскольд» больше не рассекал гребни волн, его развернуло ветром, поставило вдоль волн и стремительно раскачивало с борта на борт. Водяные холмы поднимали его и, словно в злой игре, выskalзывали, убегали, корабль боком падал в широкую и глубокую долину, а новая волна уже подхватывала, переваливала на другой бок, перекатывалась через палубу. «Аскольд» тяжело, беспомощно ложился на бок. Проходили томительные секунды, казалось, что он никогда больше не выровняется, ветер и волны перевернут его, но какая-то упорная сила отрывала борт от воды и бросала в другую сторону.

Мимо Ремизова пролетел, как бомба, пустой ящик и скрылся в темноте.

На мачте со скрежетом раскачивались грузовые стрелы, а впереди слышался треск и скрип кунгасов.

Когда корабль, преодолев инерцию, на секунду замирал, а потом с нарастающей скоростью валился в другую сторону, всё тело

наливалось свинцовой тяжестью, ноги прилипали к палубе, словно притянутые магнитом.

Ремизов, держась за ванты, выжидал, чтобы перебежать к спардеку, и тут он увидел, что в нескольких шагах от него стоят люди, машут руками, стараясь удержаться на ногах. Кто-то поскользнулся и, вытянув руки, падал. Ремизов схватил его, и они, обнявшись, покатались по палубе и ударились о фальшборт.

Ремизов встал, помог подняться товарищу, узнал боцмана, закричал ему на ухо:

— Кузьмич, куда вы? Почему стоим лагом? Что с машиной?

— Руль... Парус... — Боцман сказал ещё что-то, да ветер унес его слова.

Ремизов узнал старшину, Вальо Гречкина, товарищей матросов. Тяжело ступая, падая на скользкой палубе, они пронесли длинный тяжелый сверток.

«Брезент, — определил Ремизов. — Для паруса».

В это время, преодолевая голоса бури, раздались удары в рынду. Каким-то чудом, раскачиваясь на мостике, Зубков ухитрился отбить четыре двойных удара. Все моряки на «Аскольде» знали о страшной опасности, и сейчас, когда, смеясь над бурей, задорно прозвучал медный голос рынды, у многих отлегло от сердца; кто улыбнулся в усы, кто облегченно вздохнул, прогоняя страх.

Жора потрогал кончик длинного носа и, покрутив головой, сказал: — Нормально, Вася!

Ремизову хотелось вернуться на корму и самому с ребятами поставить парус; ему казалось, что с его помощью это можно было бы сделать и скорее и лучше. Но его место по авральному расписанию было на мостике.

В коридоре с грохотом хлопала железная дверь камбуза. Ремизов с трудом закрыл её и, хватаясь за стены, стал пробираться к трапу, ведущему на мостик.

Капитан и часть команды находились в кают-компании. Капитан отдал все необходимые распоряжения: старший и четвертый помощники, боцман, матросы устанавливали парус на корме — это было единственное средство быстро развернуть корабль носом к ветру и волнам; старший механик с группой машинной команды искал причину аварии рулевого управления.

Ветер достигал тридцати метров в секунду.

«При тридцати метрах мы держимся неплохо, — думал капитан. — Только бы не усилился ветер. В крайнем случае, если раньше не поставят парус, то сбросим кунгасы... Нет, поставят. Ну и треплет!

Увидав Ремизова, заглянувшего в двери, капитан спросил:

— Как ветер?

— Был двадцать девять. Я на лаг ходил, выбрал, чтобы не намотало.

— Парус ставят?

— Да, ставят. Скоро нас развернет к ветерку. Позапрошлый год, когда я плавал на «Ките»...

— Марш на мостик и давай мне ветерок! О «Ките» завтра расскажешь.

— Есть дать ветерок и завтра рассказать о «Ките!»

Кто-то из кочегаров, прогнав страх, засмеялся: больно комичен был Жора в этот миг. Улыбнулся и капитан.

Первая попытка поставить парус не удалась. Брезент разорвался в клочья, и его унесло за борт в темноту. Пришлось идти в подшкиперскую за новым брезентом. Новое полотнище подняли лебедками на грузовые стрелы. Парус, захватив ветер, рванулся, хлопнул, натянулся так, что зазвенели тросы. Корма покатила влево. «Аскольд» судорожно взбирался на встречную волну, перевалил её и заскользил по скату, держась на киле, почти как в былые времена. Иногда корму немного заносило, и тут же волны в ярости накрывали бак, но ветер уже не мог развернуть «Аскольд» боком, не мог перевернуть, утопить его, люди заставили бурю работать на себя.

...Утром «Аскольд» подходил к берегу, к тому же поселку, чтобы взять оставшуюся рыбу.

Ветер стих.

На мостике стояли капитан и третий штурман Иван Степанович Дудаков.

Капитан сказал, глядя в бинокль:

— Прибоя совсем нет, ветер дул с берега, сровнял водичку. — Он опустил бинокль. — Придется вам, Иван Степанович, ещё разок-другой прогуляться на бережок.

— С удовольствием, Андрей Андреевич!

К «Аскольду» подошел катер, взял на буксир кунгасы и потянул к берегу. Вёл катер тот же разговорчивый рулевой из Рязани. Он повернул голову к Дудакову и, кивнув в сторону, сказал:

— Утихомирилось. А вчера! А ночью!.. Натерпелись мы страху. — Он засмеялся. — Кому сказать — не поверят: ночью у меня крышу с избы снесло. Дом у меня сборный, круглый такой, ничего дом, сам ставил, а крышу, видно, плохо притачал, она, холера, и улетела! Ветром сдуло. Смех, да и только!.. О, смотри, плавает, как шляпа! Прихвачу, когда с рыбой разделаемся. Сейчас не до крыши. Ну, а у вас всё благополучно?

Иван Степанович не ответил: он спал, прикорнув на рундуке позади рулевого. Ему снилось, что он сидит дома в отцовском кресле, пьет чай и чувствует легкое приятное покачивание, как всегда после рейса.

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕШНЕВ

МГНОВЕНИЕ

Александр Черешнев

Мгновение

Горячий воздух струйками поднимается от раскаленного камня, и кажется, что хребты на другом краю котловины слегка дрожат и извиваются от неслышных подземных толчков.

Всё живое должно бы замереть в эти изнуряющие полдневные часы, спрятаться в темные расщелины и молча ждать спасительной вечерней прохлады.

Но нет, горы живут! Цокают ящерицы, где-то кудахчет горная курочка, в знойном безоблачном небе, распластав неподвижные крылья, широкими кругами парят орлы, выискивая добычу в путанице мелких глинистых холмов, заполнивших дно котловины.

Между холмами петляет седая лента дороги. По ней несутся автомашины, волоча за собой длинные хвосты пыли. Дорога вырывается из холмов и четкой прямой линией поднимается наискось по коричневому боку хребта к белым, оправленным в яркую зелень домикам рудника.

Выше домов видны сизые породные отвалы и ажурная вязь шахтных копров.

Направо простирается широкая, ровная как стол терраса, белым обрывом нависшая над холмами. Там время от времени вздымаются огромные, пышные желтовато-белые султаны дыма, и через несколько секунд оттуда доносятся тяжелые, тупые удары взрывов.

Налево от рудника, километрах в пяти, на горке краснеют приземистые постройки геологоразведочной партии. С той стороны тоже доносятся взрывы, но легкие, четкие, как хлопки в ладони.

По склонам гор плывут белые облачка дыма, похожие на мягкие ключья ваты. Это рвут породу в разведочных канавах.

И здесь, откуда видна вся эта картина, на площадке под самой вершиной огромной пирамидальной горы тоже жизнь.

Давно, ещё в довоенные годы, здесь была пройдена разведочная шахта, потом заброшена. Крепление её сгнило и обрушилось вместе с породой. Теперь снова пришли разведчики. Над устьем шахты

устроили невысокий помост, установили на нем ворот и начали крепить.

Крепление возводится снизу. Крепильщики находятся уже на высоте двадцати пяти метров над дном шахты и метрах в сорока от поверхности.

Наверху сегодня работают Гриша Лукьянов и Михаил Назаров.

Гриша молод. Только в прошлом году он окончил школу и не пошел в институт, а уехал с геологоразведочной экспедицией.

— Если все станут инженерами, где же рабочих брать? — смеялся он в ответ на удивление друзей.

У Гриши крупное твердое лицо со спокойными серыми глазами, крепкоплечая мускулистая фигура. А Назарову уже под пятьдесят. Он высок, длиннорук, обнаженное до пояса тело — жилистое, узловатое и очень крепкое.

Гриша лежит в тени скалы на широкой доске и, подложив под затылок ладони, смотрит на горы и рудник, видимо мечтая о чем-то. Назаров сидит рядом, обхватив руками колени, и тоже смотрит на котловину и горы, но смотрит равнодушно, пожалуй и не замечая их.

Совсем недавно, всего недели две назад, пришел он в разведпартию. За свою жизнь Назаров сменил немало профессий, был и шахтером, и железнодорожником, и строителем, и вот уже лет десять работает в геологоразведочных экспедициях, переходя из одной в другую по окончании работ или когда его не устраивает заработок. Впервые увидев крепкую фигуру и добродушное лицо Гриши, Назаров довольно улыбнулся: «На такого что ни навали, всё выдержит». С удовольствием отметил покладистость Гриши в отношениях с товарищами и почтительность к старшим.

Первый же день принес Назарову разочарование. Гриша действительно работал с огоньком, всё кипело в его руках. Он первым хватался за самое тяжелое, делал всё быстро, легко, словно играя и радуясь своей силе и удали. Но зато, поглядывая на Назарова простодушными глазами, он часто и покрикивал:

— Принимай брус!

— Берись за трос и оттягивай к углу!

— Скорей, скорей!

А сам в это время, побагровев от натуги, принимал на себя всю тяжесть опускающейся связки брусьев и оттаскивал их в дальний угол.

Получалось так, что вся инициатива в работе принадлежала Грише, а на долю Назарова оставалась роль помощника. Это сразу же обидело его. Он уже не радовался молодости и силе напарника: лучше бы пожилой да спокойный человек, не пришлось бы подчиняться желторотому. Однако высказать свою неприязнь и обиду Назаров не решался, чувствуя какое-то непонятное стеснение. И только иногда недовольно бурчал:

— Ну что ты, как на пожаре, мечешься!

Гриша вскидывал на него недоумевающий взгляд:

— А как же? Забить клин, сосчитать до десяти и только после этого браться за следующий?

Назаров умолкал, безнадежно махнув рукой. Две недели они работали вместе то в шахте, то на поверхности, и каждый день Назаров шел на работу с раздражением.

Вот и сейчас, обхватив руками колени, он думал о том, что не было бы обидно подчиняться Григорию, будь тот хоть техником — все-таки начальник. А так что? Ну, грамотный, да ведь его грамота к шахте не имеет отношения. Григорий перед ним, Назаровым, в шахте как первокласник перед учителем.

Старался разгадать Назаров, что заставляет Григория «совать свой нос» во всё, что его касается и не касается, делать больше, чем положено, и, наконец, решил, что парень просто-напросто выслуживается.

Назаров шевельнулся, поднял голову, повернулся к Грише.

— Не надоело ещё горб ломать? Или унюхал: скоро в начальники вылезешь?

— Ты чего? Белены объелся?

— А чего стесняешься? Я же вижу, из шкуры лезешь, «проявляешь» себя... Меня не проведешь, всяких видел. Даром и чирей не вскочит.

Даже сквозь загар можно было увидеть, как побледнел Гриша. Казалось, сейчас бросится с кулаками. Назаров, ядовито усмехаясь, тревожно подобрался. Глаза его, насмешливо прищуренные, подрагивали от скрытого испуга. Он уже не рад был, что дал волю словам.

Но Гриша вдруг опустил руки.

— Эх ты, пережиток! — бросил он с сожалением и снова лег.

Назаров сплюнул с равнодушным видом и, вытянув ногу, дрожащими пальцами полез в карман за махоркой. Опять на площадке установилась тишина, нарушаемая лишь глухими звуками ударов, доносящихся из шахты. Потом послышался зовущий крик. Григорий подбежал к помосту, склонился над люком, прислушался и, разогнувшись, сказал:

— Затяжки спускать...

Он быстро прицепил к тросу бадью, несколько раз повернул ручку ворота — бадья повисла над люком, — застопорил и сказал:

— Держи ворот, стопор ненадежный. Я буду грузить.

Назаров, недовольно поморщившись, взялся за рукоять и с глухим раздражением стал смотреть, как Гриша, одну за другой, плотно устанавливает в бадью толстые короткие доски. В душе Назарова клочкотала злость.

— Плевал я на тебя, начальничек, — неслышно прошипел он и опустил рукоять ворота, — и так не сорвется.

Гриша резким толчком сунул в бадью последнюю доску, и в тот же миг стопор, не выдержав тяжести груза, с сухим щелчком выскочил из шестерни. Взметнулись рукояти, и бадья скользнула вниз.

С испуганным воплем спрыгнул с помоста Назаров и бросился в сторону.

В мозгу Гриши вспыхнула страшная картина: бадья с размаху врежется в полук крепыльщиков, ломает его, и... вместе с обломками досок вниз, на каменные глыбы, перевортываясь и нелепо раскинув руки и ноги, падают люди...

Казалось, непроизвольно (он и сам потом не мог вспомнить, как это произошло) Гриша взметнулся, на край помоста, каблучки его уперлись в обреш досок, руки в брезентовых рукавицах протянулись вперед и схватили бегущий вниз трос. Тело откинулось назад, повисая над площадкой, колени стали быстро разгибаться, всей силой отталкивая туловище и руки с зажатым в них тросом в сторону от люка.

Трос жёг брезент рукавиц, но всё ближе и ближе подходил к краю люка. Вот он коснулся его, зашипел, обдирая кромку доски, перегнулся, заскользил по доскам помоста, пачкая их смазкой... Движение его начало понемногу замедляться.

Григорий, напряженный как струна, вытянувшись во весь рост, уже висел над площадкой в горизонтальном положении. Верхняя часть туловища, как рычаг, медленно опускалась к земле, прижимая, трос к доскам помоста.

Вот плечи и голова коснулись земли, трос перегнулся через обрез помоста, прополз несколько десятков сантиметров и остановился.

Всё это произошло почти мгновенно. Григорий повернул вздувшееся от натуги лицо и увидел в нескольких метрах от себя Назарова, застывшего в нелепо-напряженной позе.

— Иди сюда! Быстро! — резко скомандовал Григорий.

Назаров очнулся, подбежал и вцепился в трос.

— К вороту! — прохрипел Григорий. — Наматывай трос.

Но Назаров будто пристыл к канату, он лишь испуганно смотрел на Гришу и бормотал:

— Не удержишь один, не удержишь...

— К вороту! — бешено крикнул Григорий, чувствуя, что руки слабеют.

Назаров прыгнул к вороту, схватил за рукоять и начал наматывать трос. Григорий, опять напрягаясь до предела, начал медленно сгибаться, подниматься с земли, понемногу отпуская трос. Нужно было настолько ослабить рывок бадьи, когда трос будет опущен, чтобы не вырвало у Назарова рукоять. Рывок! Всё в порядке!

Они медленно опустили бадью на полук крепильщиков и ушли под скалу. Гриша повалился на свою доску. Лицо его побледнело, и тело начало подрагивать от нервного озноба.

Назаров, рассыпая трясущимися пальцами махорку, закурил и, сделав несколько глубоких затяжек, робко и ласково сказал:

— Может, покуришь, Гриша? Помогает...

Гриша отрицательно потряс головой и скоро успокоился. Дрожь прошла, только лицо оставалось бледным.

— Руки жжет, — сказал он и, сбросив рукавицы, посмотрел на ладони. На краях их вздулись большие, как пятаки, волдыри.

Назаров остервенело курил. Бросив одну папироску, завернул другую, поерзал на камне и смущенно заговорил:

— Ты, Гриша, того... прости старого дурня... Ведь попадись в тросе оборванные нитки, — он закрыл глаза и вздрогнул, — тебя бы... как щепку!..

— Ладно, Михаил Андреевич, не расстраивайся. Сердце-то у тебя неплохое. Это пережиток виноват. Засел в тебе и держит, а? — Гриша лукаво прищурил глаза.

Назаров долго не отвечал. Вторая папироса уже жгла губы. Он выплюнул окурок и торопливо начал вертеть третью. Потом тихо произнес:

— Он теперь, кажись... пережиток-то, из меня с перепугу выпрыгнул...

Глубоко затянувшись ещё несколько раз, Назаров задумчиво добавил:

— Захочет, поди, вернуться обратно... Ну, да это мы ещё поглядим, чья возьмёт.

ГЕОРГИЙ КУБАНСКИЙ

ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

Георгий Кубанский

Дороже жизни

Трудно уловить, когда тусклая полярная ночь переходит в такой же тусклый рассвет. Медленно полыхает северное сияние, выделяя из предрассветной мглы припорошенные снегом вершины скал, расселины с пробивающимися из них мелкими корявыми березками. А поблекнет на небе светящаяся гигантская спираль, и тяжкая белесая муть окружит человека плотно, со всех сторон. И тогда Мохов и Левенец особенно ощущали свое одиночество в стылой пустыне, где на десятки километров нет иного жилья, кроме заставы; куда не заходит даже привычный к белому безмолвию пастух со своим стадом — даже неприхотливому северному оленю нечем поживиться на промерзшем камне. И только постоянная спутница пограничников чепрачная овчарка Муха уверенно находила путь для своих хозяев.

На рассвете порывистый восточный ветер усилился. Настойчиво дул он сбоку, поднимая поземку и швыряя в лица солдат сухим колким снегом. Ничего. Ещё час с небольшим, и они будут дома, как Мохов любовно называл заставу. Да чем застава не дом? Тепло. Есть чем заняться...

Плохо, если пограничник отвлекается от службы думами о постороннем. А мысли о тепле, отдыхе назойливы, не отделаться от них, хоть и понимает солдат, что внимание его должно быть постоянно обращено в светлеющую рассветную даль.

Мохов шел широким шагом опытного лыжника. Сибиряк, выросший в тайге, он с детства привык к лыжам. Для него они были привычным средством передвижения. Трудно приходилось с таким напарником южанину Левенцу, хоть и шёл он по проторенной товарищем лыжне. Никак не мог Левенец привыкнуть к суровому заполярному краю. Всё здесь было для него чуждо: беспорядочное нагромождение скал, камней и мелкого леса, и кипящие даже в крепкий мороз речки, и прозрачные светлые озера, в которых не искупаешься даже в разгар лета. Но особенно ощущал он непривычность здешних мест сейчас, в апреле. На родной Полтавщине

земля парит, а тут снега и снега да обжигающий лицо морозный ветер...

Мысли пограничников оборвались неожиданно и резко. Мохов с ходу сделал полукруг и остановился у лыжного следа.

Муха обнюхивала чужую лыжную внимательно и так осторожно, будто это было живое злое существо. Потом овчарка подняла умную узкую морду и еле слышно заворчала, поглядывая на Мохова. Запах был незнакомый.

— След ещё тепленький, — еле ворочая застывшими на ветру губами, сказал Мохов напарнику и зорко осмотрелся. — Пошли.

Они двинулись за нетерпеливо тянувшей Мухой.

Мохов ускорил шаг и скоро перешел на бег. Маленький Левенец еле поспевал за ним. Хотелось вытереть набегающий на глаза пот, поправить шапку, но он боялся сбить дыхание, потерять размеренный и быстрый ритм движения.

Бежавшая впереди Муха остановилась.

Несколько отставший Левенец увидел, что и Мохов что-то заметил в просветах между приземистыми редкими елочками и, сильно отталкиваясь палками, подбежал к напарнику.

Чужая лыжня виляла в редкой хвойной поросли, потом круто повернула к небольшому озеру — длинному и узкому, похожему формой на веретено. Идти по льду, покрытому примятым бешеными полярными ветрами плотным настом, стало легче.

Скоро из стелющейся по озеру поземки появились смутные очертания трех фигур. Одетые в белые маскировочные халаты, они порой таяли в снежных волнах. Нарушители заметили погоню.

Терять было нечего, и Мохов, остановившись, вытащил ракетницу. В пасмурное небо взвился красный огонь. На заставе должны увидеть сигнал.

Погоня продолжалась в полном безмолвии. Слышался лишь сухой шорох снега под лыжами да свист ветра.

Напрягая все силы, нарушители спешили к высокому берегу. За ними, совсем уже недалеко, широким волчьим скоком шла Муха. Овчарка почти нагнала последнего лыжника, когда тот остановился и выхватил из-за пазухи пистолет. Выстрел. Муха ткнулась мордой в наст и забилась на снегу, судорожно сжимая и разжимая могучие

челюсти. А нарушитель сунул пистолет за пазуху и пустился нагонять своих, уже подходивших к крутому берегу.

Мохов прикинул глазом расстояние, отделяющее его от лыжников. На берегу, в хвойной поросли, они станут невидимы. Там для них готово укрытие, удобное место для засады.

Не дожидаясь отставшего Левенца, Мохов сорвал с шеи автомат и прижался щекой к холодному прикладу. Он ловил на мушку головного нарушителя — видимо, лучшего лыжника в группе, когда над его головой злобно зашипели пули. Чуть позднее прозвучала автоматная очередь.

Мохов метнулся в сторону и укрылся за наметенной ветром невысокой снежной косой. Освобождаясь от мешающих теперь лыж, он увидел подползающего к укрытию Левенца. Лицо его было напряжено, губа прикушена. Ещё бы! Это была его первая встреча с нарушителями.

Снежная коса тянулась до самого берега. Мохов выглянул. Двое лыжников поднимались на обрыв. Третий залег под берегом в каменистой осыпи. Стоило кому-либо из пограничников приподнять голову, как точно направленная очередь прижимала его к холодному насту.

Выходить на открытое место, под огонь автомата, — верная смерть. Но и ждать нельзя. Восточный ветер относил звуки выстрелов в сторону от заставы. Рассчитывать на быструю помощь было трудно.

Левенец подполз к Мохову.

— Дивись, — сказал он, — где тот чертяка, — и поднял чуть дымящуюся от теплого пота шапку.

Из-за камней сразу же прозвучала очередь. Мохов успел заметить блеснувший между камнями вороненый ствол.

Теперь автоматы пограничников загнали врага за камни. Несколько раз пробовал он подняться, уйти за своими... и не мог. Мохов и Левенец били по очереди, не давали ему выйти из укрытия.

Из-за камней вылетели два темных комка. Гранаты! Взметнулись два клуба густого серого дыма, почти слились в один. В лицо Мохова еле ощутимо пахнуло теплым воздухом.

Пока дым рассеялся, нарушитель успел добраться до берега. Укрываясь за камнями, он быстро взбирался наверх. Ещё немного, и его укроет хвойная поросль.

— Целься спокойнее! — сдерживая не столько товарища, сколько себя, крикнул Мохов. — По ногам бей!

Не успел он прицелиться, как рядом гулко прозвучала очередь. Лыжник словно споткнулся и грузно рухнул в снег. Последним усилием он вскарабкался на нависший сверху камень и притаился за ним.

«Точно, Левенец! — подумал Мохоз. — По ногам дал».

И вскочил на ноги, размахивая автоматом.

— Бросай оружие! — крикнул он. — Руки вверх!

И тут же упал на снег. Пуля обожгла щеку.

Раненый, сидя за камнем, выпустил несколько коротких очередей, не давая пограничникам выйти из укрытия. Он прикрывал свою группу, прорывавшуюся в глубь страны.

— Надо взять его живым, — сказал Мохов подползшему к нему Левенцу. — Куда он теперь уйдет от нас, подбитый? — И, встретив недоуменный взгляд товарища, пояснил: — Тех двоих возьмут другие наряды.

Пограничники разделились. Левенец остался на месте, чтобы отвлекать на себя внимание нарушителя. Мохов решил обойти противника, отрезать его от прорвавшейся группы, а если удастся — захватить с тыла.

Старательно укрываясь за снежной косой, выполз Мохов на берег. Прячась в мелких елочках, пробирался он к камню, за которым засел нарушитель. Теперь хвойная поросль из недруга пограничника стала союзницей. Осторожно, местами проваливаясь выше колен в снег, приближался Мохов к врагу.

С озера временами доносились одиночные выстрелы. Там Левенец огнем прикрывал движение товарища. Несколько раз он даже пробовал подняться, но точный огонь вражеского автомата загонял его в укрытие.

Мохов добрался до опушки поросли. Выглянул из елочек.

Совсем недалеко от него, у самого берега, сидел между двумя камнями сухощавый немолодой человек. Ловко перевязывая широким бинтом ногу поверх лыжных брюк, он бросал по сторонам быстрые взгляды. Рядом с ним лежал наготове автомат и под рукой воткнутые в снег вороненные обоймы.

Не больше двадцати шагов отделяли пограничника от врага. Но это были очень трудные шаги. Спуститься по открытому месту нечего было и думать. Снять врага пулей — проще простого. Но тогда труднее будет обезвредить прорвавшихся. Где их искать?...

Мохов зорко следил из укрытия за врагом, выжидая удобного момента для последнего броска. Уже рассвело. Пограничник видел нарушителя, его лицо, белую, в зеленых узорах вязаную шапочку, даже ловкие пальцы в мягких перчатках; они умело обращались не только с оружием, но и с бинтами...

Размышления Мохова перебил одинокий, теряющийся в вое ветра голос.

Левенец рывком перебежал от снежной косы к выглядывающему из льда, поросшему мхом валуну и залег за ним. Ещё бросок к соседнему камню.

Раненый быстро лег. Спокойным точным движением навел автомат...

Ждать было нечего. В два огромных прыжка Мохов оказался на открытой площадке. Сухой треск очереди подогнал его. Несколько крупных шагов. Ещё очередь. Бесконечная, длинная.

Мохов всей своей пятипудовой тяжестью обрушился на врага. Обе руки лыжника оказались крепко захваченными в запястьях, автомат вдавлен коленом Мохова в снег.

Нарушитель с одеревеневшим от усилий лицом, напрягая все силы, тянулся рукой к торчащей из-за пазухи рукоятке пистолета, бил головой в грудь навалившегося на него пограничника.

Ожесточенная борьба продолжалась недолго. Внезапно Мохов почувствовал, как сильное жилистое тело под ним обмякло, стало податливым, услышал резкий горловой голос:

— Легче, легче! Я ранен.

Мохов молча держал его, поджидая Левенца.

Каждая секунда казалась нестерпимо долгой. Наконец он не выдержал. Не выпуская рук врага, приподнялся, взглянул в сторону озера и — замер. Возле плоского серого камня, на снегу, выделялся серый бугорок с вытянутой в сторону ногой в солдатском сапоге. Рядом с ней уткнулся стволом в крепкий наст знакомый автомат. Пограничник остался один на один с раненым врагом, вдалеке от заставы, окруженный беснующейся поземкой.

Ждать помощи было неоткуда. Мохов крепко связал руки задержанного и приказал:

— Встать!

— Я ранен в ногу, — ответил задержанный. — Дай-ка мне сигарету и спичку.

Резкий, вызывающий тон его бросил Мохова в дрожь. Пограничник не имеет права волноваться ни при каких обстоятельствах. Эту истину Мохов усвоил давно и крепко. Но усвоить её оказалось куда легче, чем выполнить в таких обстоятельствах. Стараясь каждым своим движением показать, что выдержки у него не меньше, чем у врага, Мохов, не вступая в разговор с задержанным, прошел к Левенцу. Посмотрел в его полуприкрытые глаза.

Мохов долго не мог оторвать взгляда от необычно серьезного лица товарища. Казалось, Левенец прильнул ухом к земле и слушает нечто важное, понятное только ему одному; оклихни его, и он встанет, привычно оправит смятую шинель... Нет. Не встанет Левенец. Снежинки уже не таяли на его щеке, губах. Пуля вошла в лоб, чуть пониже шапки.

Трудно было уйти отсюда, оставить погибшего в стылой тундре. Одна мысль об этом стеснила дыхание Мохова. Но убийца должен быть доставлен на заставу, и обязательно живым.

С трудом заставил себя Мохов отойти от Левенца. Он взял автомат напарника.

Стараясь не оглядываться, Мохов вернулся к задержанному. Приподняв повязку, осмотрел рану. Кость голени была цела, хотя, судя по легкой опухоли, пуля её все же задела. Повязка была наложена наспех, могла соскользнуть в движении. Пришлось сделать её заново, основательно.

Присматривая за задержанным, Мохов смастерил из лыж и еловых ветвей нечто вроде санок, скрепил их веревкой, найденной в заплечном мешке раненого. Уложил его на них. Рядом пристроил разряженные автоматы — Левенца и нарушителя границы. Последний взгляд на выделяющийся на снегу серый бугор, и Мохов надел лямку на плечо.

...Теперь ветер бил в лицо пограничника, студенил глаза так, что больно было смотреть вперед. Мохов думал лишь об одном: не сбиться бы с направления. Надо идти прямо и прямо. Но как пойдешь прямо,

если путь лежит по камням и мелколесью? Маленькие деревца местами сбивались плотно — не продрасться через них и одному, не то что с санками. В клубящейся снежной мгле трудно было найти ориентир и совсем уже невозможно держаться за него. Занятый своими думами, Мохов не заметил, как поземка незаметно перешла в метель.

— Послушай! Ты!.. Друг!

Пограничник не ответил задержанному на его издевательское «друг» и только ещё крепче налег на лямку.

— Ты полагаешь, что я буду спокойно лежать на твоих чертовых салазках? — прокричал за спиной раненый. — Думаешь, мне приятнее, чтобы меня расстреляли, чем подохнуть здесь, в снегу?

Не отвечая ему, Мохов прибавил шагу и с ходу вкатил санки на встречный бугор. Неожиданно задержанный резко рванулся в сторону. Санки перевернулись.

Мохов молча выровнял их. Он понял, что перед ним враг, которому нечего терять. И он тянул лямку сквозь воющую метель с одной лишь мыслью: не сбиться бы с направления. Не забрести в глубину стылой пустыни.

Время от времени Мохов останавливался, отворачивал край рукавицы, смотрел на компас. И снова налегал на лямку.

Так он брел, спотыкаясь о камни, проваливаясь в свежие сугробы и обходя встречные скалы, потеряв всякое представление о времени, пройденном расстоянии и оставшемся...

Остановила Мохова тревожная мысль: «А не замерзнет ли раненый?»

Жизнь врага обошлась так дорого!.. Но смерть его могла обойтись намного дороже. Ведь группа прорвалась. Мохова душила ненависть к тому, кого тащил он с таким нечеловеческим трудом, задыхаясь от усталости.

Отдыхая, Мохов обернулся. Увидел серые глаза — холодные, жесткие. Потом темные веки опустились. В синеватых веках раненого было нечто такое, что усилило тревогу Мохова. Пограничник ненавидел врага и в то же время опасался за его жизнь. И чтобы довести его живым, отдал ему самое дорогое в стылой пустыне: стащил с себя шинель и старательно закутал в неё нарушителя. Сам же одернул короткий полушубок и взялся за лямку.

И снова, натужно пригибая голову, двинулся он навстречу ветру, уже не чувствуя ни стужи, ни колючего снега, ничего, кроме боли в обожженной вражеской пулей щеке.

Лямка резко дернула за плечо. Мохов не устоял на ногах. Падая, он навалился на задержанного и невольно обхватил его обеими руками. Вместе они скользнули куда-то вниз...

Громкий треск. Толчок отбросил Мохова в сторону.

Пограничник поднялся. Вытряхнул набившийся в рукава снег. Осмотрелся. Самодельные санки соскользнули с крутого откоса в сторону, с разгона налетели на торчащий из снега каменный зуб и развалились.

Мохов хотел собрать рассыпавшиеся ветви и снова связать санки. Закоченевшие пальцы стали непослушны. Туго затянутые узлы не поддавались даже зубам. Пограничник посидел, потирая ознобленные кисти, отдохнул. Потом ослабил веревку, стягивающую руки задержанного, взвалил его на спину и направился дальше.

Сгоряча Мохову показалось, что нести нарушителя ему будет нетрудно. Продолжалось это недолго. Всё тяжелее и тяжелее становилось повисшее на плечах чужое тело. Ослепленный и оглушенный разгулявшейся выюгой, Мохов упорно двигался в сторону заставы. Всё чаще приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание, расправить затекшие руки.

Скоро Мохов потерял всякое представление о пройденном пути. Он не допускал и мысли, что не дойдет до заставы, погибнет. Наряд не вернулся в срок. Заставу уже подняли на ноги. Товарищи каждый камень обшарят, не успокоятся, пока не найдут его. Но всё это было слабым утешением. Надо добраться до заставы вовремя, доставить врага живым. А тот уже совершенно обессилел и мешком висел на широкой спине Мохова.

Заполярная метель страшна не столько морозом, быстрорастущими сугробами, сколько силой ветра, способного сорвать крышу, перенести с места на место горы снега, за одну ночь изменить внешний вид местности. Зная это, Мохов всё внимание своё устремил к одной цели: не сбиться с направления. Не может быть, чтобы на протяжении нескольких километров не встретился дозор. А впрочем, сейчас, в разбушевавшейся снежной пустыне, когда метель слепит глаза и ветер воет и свистит на разные голоса, всё возможно: в десяти

шагах не увидеть человека, пройти мимо строения, не услышать голоса, даже выстрела... Всё возможно.

Силы уходили. Мохов с трудом переставлял одеревенелые негнущиеся ноги, когда наст под ним подался куда-то вниз. Падая, Мохов невольно выпустил свою ношу.

...Они свалились в прикрытый крепким настом неглубокий овраг. Здесь было тихо. Ветер бесновался над головой, сметая вниз мутные клубы снега.

Вскарабкаться на каменистый откос с тяжелой ношей нечего было и думать. Пришлось пробиваться глубокими сугробами, временами увязая в снегу по плечи.

Колено уперлось во что-то упругое. Мохов опустил свою ношу. Пошарив руками, он чуть не вскрикнул от радости. Непослушные пальцы нащупали провод полевого телефона. Замершая мысль забила с удесyтеренной силой. Воображение представило теплую печь заставы. Одну только печь! Но зато так ярко, зримо, что даже здесь, в сугробе, как будто стало теплее.

Двигаться по проводу было нелегко. Связисты старательно замаскировали линию. Тянулась она по дну и склону оврага, порой забираясь в заросли сухих березок. Крепки их тонкие корявенькие сучья, набирающие силу медленно, десятилетиями!..

Провод нырнул под валун и поднялся на невысокую отвесную скалу, перегородившую овраг. Вскарабкаться на неё нечего было и думать. Даже одному.

Первая мысль Мохова была: «Всё кончено». И сразу его охватило ощущение глубокого покоя. В овраге было тихо. Ветер бушевал где-то наверху.

Мохов растер шерстяной рукавицей лицо. Тёр он так старательно, что даже руки несколько согрелись. Потом ощупал привалившегося к его плечу задержанного.

Нарушитель был без сознания, безопасен.

Захотелось и самому закрыть глаза, заснуть, не думая о том, что будет дальше. А мысли не давали успокоиться. Быть может, пойти дальше одному? Раненый отсюда не выберется. Саженный слой снега не даст ему замерзнуть. Но если тот очнется — хоть на минуту! — то соберет остатки сил и забьется в какую-нибудь щель, предпочтет замерзнуть, чем попасть живым на заставу.

Напрягая все силы, Мохов подхватил врага... и не смог поднять его.

Это была последняя вспышка. Мохов лежал на снегу, стараясь отдышаться и думая лишь об одном: «Не заснуть! Не заснуть! Нельзя засыпать. Сон сейчас — гибель!»

В эти минуты в нем словно жили два враждующих человека. «Надо передохнуть, — шептал первый. — Хоть немного». — «Не смей», — отвечал второй. «Ты сделал всё что мог, — убеждал первый. — Всё». — «Ты должен добраться до заставы, — настаивал второй. — Должен». — «Нет больше сил, — отвечал с досадой первый. — Нет». — «Сам погибнешь в этой яме и заставу подведешь, — не уступал второй. — Не только заставу. Подведешь и тех, кого охраняешь здесь, на краю света».

В снежной яме под скалой было тихо, тепло. Мохов подвинулся, устраиваясь поудобнее. Движение придало ему силы. С трудом, разгребая перед собой снег обеими руками, выбрался он из оврага в ненавистную воющую метель. Пригибаясь под напором ветра, он, стоя лицом к заставе, выстрелил ещё несколько раз.

Выстрелы звучали глухо, терялись в снежной мути, неподалеку от оврага.

Долго стоял Мохов на дрожащих от усталости ногах, напрягая слух и зрение. Еле шевеля застывшими губами, он клял метель и бандитов, пробирающихся в нашу страну, и пулю, что свалила Левенца...

Никто не отозвался ни на выстрелы, ни на слабый голос солдата. По-прежнему бесновалась метель, стараясь столкнуть его в овраг, в покой, за которым шла смерть...

И вдруг ясная, четкая мысль вдохнула в измученное тело надежду, силу. Буря стала не страшна, и овраг выглядел уже не западней, измотавшей солдата, а спасителем.

Мохов скатился в овраг. Не чувствуя боли в ободранной второпях щеке, шарил он в снегу, разыскивая провод. Вот он... спаситель!

...Дежурный по заставе ожесточенно прижимал теплую телефонную трубку к уху, продувал её, рассматривал мембрану. Нет! Не было слышно в телефоне знакомого потрескивания.

Дежурный нервничал. Связь порвалась, когда он ждал срочного сообщения о результатах задержания двух неизвестных. Полчаса назад

разыскали погибшего на посту Левенца. Несколько позднее нашли и Муху. Но никто ничего не сообщал об участии пропавшего Мохова и третьего нарушителя границы. Две собаки не смогли взять след: метель замела лыжню. Где искать солдата в скопище мелколесья, снегов и скал? А к дежурному заходят люди. Они ничего не спрашивают. Но разве дежурный не понимает, почему они заходят к нему, чего ждут? И сверху теребят. Каждые десять минут запрашивают: где солдат?

— На линию! — Дежурный обернулся к телефонисту. — Бегом.

Два вооруженных телефониста выбежали с заставы в бушующую ночь. Придерживаясь за провод, продирались они через заросли, спускались в расселины, обходили скалы...

Не прошли связисты и километра, как порыв был обнаружен. В овраге, под саженным слоем снега, согреть теплом своего тела неизвестного, крепко спал Мохов. К широкому ремню его был привязан конец оборванного телефонного провода.

БОРИС РАЕВСКИЙ

СТАРИК

Борис Раевский

«Старик»

Пятеро шли еле заметной тропой.

Вокруг было уныло, голо. Песок и глина, похожая на бетон, окаменевшая под солнцем, растрескавшаяся.

Было раннее утро, а солнце уже палило вовсю. Оно висело над горизонтом, как большой рыжий апельсин.

Выгорел и был почти белым песок. И высокий купол неба бесцветен, словно и небо выгорело.

Пятеро шли уже давно. В семь утра покинули машину.

Вот уж не повезло! Отъехали от лагеря полсотни километров — полетел кардан. И сколько шофер ни бился — всё впустую. Он чуть не кипел от обиды и злости. Надо же! Столько запчастей взял с собой! Целый склад. А кардан — не потащишь же?! Да и кто мог думать?!

Шофер с доцентом Рябининым пошли назад, в лагерь. Остальные пятеро — вперед, к «каменным бабам».

Это были молодые ребята-археологи. Четверым — и девушке тоже — лет по двадцать — двадцать пять. Только один постарше. На вид ему казалось под сорок, хотя лицо, черное, худое, иссеченное морщинами, с крупным носом и твердыми желваками скул, было из тех, по которым трудно судить о возрасте. Улыбнется — скажешь, тридцать, нахмурится — дашь все пятьдесят.

Молодые археологи давно знали друг друга. Двое работали в Институте археологии, двое были студентами. И только вот этот, пятый, Арсений Викторович, который им, юным, казался стариком, появился в экспедиции всего недели две назад и держался как-то на отшибе. Был он молчалив (может, потому, что заикался?), скуп на улыбки, и вообще не ясно, какой судьбой занесло его сюда. Ведь он не археолог, не этнограф и не антрополог — зачислен в отряд простым рабочим, а между тем окончил какой-то техникум и, судя по его обрывистым репликам, зимовал на Крайнем Севере, плавал на китобойной шхуне и даже в Египте побывал. Говорили, что он был тяжело ранен на войне, попал в плен, больше года находился в концлагере, бежал. Ходили слухи, что у него при бомбежке погибли

жена и ребенок. С тех пор он и живет так, бобылем. Мотается по белу свету. Словно лопнуло что-то у него в душе, и никак не может он найти покоя, пристанища, найти свою «точку» на земле.

Так говорили. Но точно никто ничего не знал. А сам он не располагал к расспросам.

Пятеро шли через пески. До «каменных баб», если верить местным жителям, от места аварии было километров восемнадцать. Но что такое восемнадцать километров для молодых здоровых ребят, тем более когда рядом девушка, невысокая, очень симпатичная Симочка? Все юбки и кофточки ей были словно узки: молодое пышное тело распирало их.

Молодежь шагала бодро, а Симочка даже завела песню:

*Ели вы когда-нибудь из колбасы
шашлык?
Попробуйте, попробуйте, проглотите
язык!*

— Прекратите! — сухо оборвал Арсений Викторович. — Не на прогулке. Собьете дыхание...

Симочка подняла свои, тоненькие бровки, но петь не перестала. Принципиально. Вечно брзжит этот Старик. «Собьете дыхание» — ишь ты! Ну, собью, так посижу, отдохну — не на марше ведь! И вообще — что он командует?! Ведь старшим назначен Кирилл.

Прошли ещё километра три. По рассказам местных жителей, уже должны были добраться до колодца. А его всё нет...

— Туземные километры, — усмехнулся Старик. — Кто их мерил? Ему не ответили.

Прошли ещё километра четыре. Вот и колодец! Чуть не бегом кинулись к нему. Симочка первая, сорвав с лица темные очки, наклонилась над черной дырой. Пахнуло прелой гнилью. Камни густо облепила серая масса, высохшая плесень. Часть облицовки обвалилась, ворот разрушен...

— Весело! — протянула Симочка.

Кто-то из парней протяжно свистнул.

До «каменных баб» еще километров восемь. А фляги уже почти пусты. Местные жители уверяли, что на пути — древний заброшенный колодец. Там можно пополнить запас воды. И вот пожалуйста!

— Всё ясно, — закулив сигарету, сказал Старик. — Без воды, как известно, ни туды и ни сюды. Надо поворачивать...

— Поворачивать?! — вскочила Симочка. — Без результатов! Ну, знаете...

Кирилл — влюбленный в Симочку сухой, длинный, как оглобля, археолог, кандидат наук — сказал:

— Может, оно и мудро, но как-то... некрасиво. И не привыкли мы, молодежь, бросать начатое. Дойдем!

— Дойдем! — поддержали Мотя-Котя. Так всё в отряде звали двух неразлучных друзей, студентов Матвея и Константина.

— Ну, предположим, дойдем, — согласился Старик. — А обратно? Без воды...

— Ничего! — воскликнула Симочка. — Можно день и без воды. Люди по трое суток не пили.

— И вообще, — добавил Кирилл, — впятером там делать нечего. Сфотографировать «каменных баб», сделать обмеры — работа всего на час для двоих. Так что у кого нервочки — вполне могут вернуться...

Старик пристально посмотрел на него, даже шрам на щеке у Старика побелел. Хотел сказать что-то резкое, но сдержался.

И снова пятеро шагали песчаной тропой.

Впереди шли Мотя-Котя. Котя был коротышка, ниже Симочки, и это очень огорчало его. Он даже старался по возможности не стоять рядом с длинным Кириллом, чтобы не подчеркивать свою низкорослость. Был он застенчив и молчалив. Его друг Мотя шутил, что, если бы справедлива была поговорка: «Молчание — золото», Котя давно бы уже стал Рокфеллером.

Сам Мотя был тоже невысок, но в противоположность Коте весьма речист. На все упреки он усмехался: «А я и за себя и за Котю».

Был он добродушен и любил мурлыкать одну и ту же милую песенку:

*В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...*

И сейчас Мотя-Котя шли впереди. Мотя что-то говорил, Котя изредка молча кивал.

...Когда фляги пусты, пить особенно хочется. И хотя недавно никто даже не думал о воде, теперь, когда выяснилось, что её нет, все вдруг остро ощутили жажду. С каждым километром она жгла сильнее...

Но вслух о воде никто не вспоминал. Словно в той детской игре: «да» и «нет» не говорите, «черное» и «белое» не берите».

Симочка старалась отвлечься, оживленно спорила с Кириллом о концертах Имы Сумак и кинофильме «Ночи Кабирии», о том, могут ли быть здесь «каменные бабы», или это просто вымысел местных жителей. Кирилл ведь был известный «бабник». Так в шутку называли его друзья, потому что он опубликовал уже две статьи о «каменных бабах» в Сибири.

— Да, странно, — сказал Кирилл. — Обычно изваяния находятся возле рек. А тут — в песках...

Он покачал головой. Голова Кирилла походила на негатив: лицо черное, загорелое, а волосы русые, к тому же выгоревшие.

Километра через три устроили привал. Солнце жгло так яростно, так люто, что казалось, прожигало до костей.

Воткнув в песок несколько колышков, Старик укрепил брезент. Тени получилось мало. Только головы умещались, ноги и тела вылезали на солнце.

Долго лежали, подняв ноги на вещевые мешки, потом поели: консервы, галеты, сыр. Кирилл достал из кармашка рюкзака две размякшие, похожие на какое-то коричневое тесто плитки шоколада и, разделив на пять частей, предложил всем.

Старик отрицательно мотнул головой.

— Не рекомендую, — сухо сказал он. — Ещё больше захочется пить...

— Зато калории, — возразила Симочка и откусила тающий в руках вязкий уголок шоколада.

Вскоре все задремали, последним — Старик. Спал он беспокойно, вздрагивал, что-то бормотал — казалось, и во сне его мучает тревога.

Снился ему стадион, их довоенный студенческий стадион. Он бежит «пяточек» [3]. Идет впереди всех. Шаг длинный, с расслаблением. Хороший шаг. Но вдруг где-то на четвертом километре сводит ногу. Что такое?! Ведь он столько раз проходил эту дистанцию! Почему же?

А! Это мешает осколок в бедре. Но ведь осколок — это ещё до войны. Как же?

Он пытался во сне разобраться в этой неувязке, но не смог. Сопел, ворочался, встал.

Разбудил всех. Подходил к каждому и молча дергал за ногу.

Зной уже спал. Так хотелось ещё полежать в холодке. Но Старик вскинул на спину рюкзак и стоял, насупив широкие косматые брови.

Надо было идти. До «баб», судя по рассказам старожилов, ещё километров пять. Успеть бы заснять их, а темнеет в этих местах рано и как-то внезапно, стремительно.

Шли цепочкой. Старик впереди.

— Торопится, — указывая на него глазами, шепнула Симочка Кириллу. — Начитался, как в пустынях умирали от жажды...

Но отставать от Старика им, молодым, было неловко, и все удлинляли шаг. Старик, словно на веревке, тянул их за собой.

О воде никто не говорил. Симочка всё время ощущала во рту приторную сладость. То и дело облизывала она зубы и нёбо. Но язык был сухой. Сладковатый привкус шоколада не исчезал.

«А Старик-то был прав», — это ещё больше злило Симочку.

Миновали отлогий, широкий холм, своей удивительно правильной формой напоминающий шатер. Местные жители, объясняя дорогу, говорили: от этого холма до «каменных баб» километра три-четыре.

Все взбодрились, ускорили шаг. Уже близко!

Собственно говоря, «каменные бабы» вовсе не входили в первоначальные планы экспедиции. Отряд приехал для раскопок древних захоронений. Но местные жители настойчиво повторяли, что всего в семидесяти километрах от лагеря высятся два огромных грубо обтесанных камня, напоминающих человеческие фигуры. Кто из археологов удержится от соблазна? А вдруг это в самом деле неизвестные «каменные бабы»? Те, которые уже обнаружены в Монголии, в Туве, на Алтае и в других местах? Те самые «каменные

бабы», вырубленные много сотен лет назад, о которых сейчас столько спорят ученые?

Начало уже смеркаться. Теперь «каменные бабы», если они существуют, были уже где-то совсем рядом, вероятно чуть восточнее.

Но тьма всё сгущалась. Развели костер, вскрыли банки с консервами. Хоть и проголодались, жевали вяло: сухой кусок застревал в горле.

Потом каждый подержал над губами перевернутую флягу. При этом все считали необходимым шутить, похлопывая по доньшку. Но каждый ждал хоть малюсенького глотка воды. Однако — ни капли...

Старик сидел в сторонке. Фляга в брезентовом чехле висела у него на боку. Он не открывал её, не тряс над губами.

«А нет ли у него там?...» — вдруг мелькнуло у Симочки.

За весь путь она только раз видела, как Старик пил. Может, сохранил воду и втайне бережет её? Чтобы не делиться со всеми...

После дневного пекла особенно ощущался ночной холод. Ничего теплого у археологов не было. Подстелили брезент, легли, прижимаясь друг к другу, Симочке уступили место поближе к костру. Корявые, массивные, как железо, плети саксаула горели нехотя, даже не горели, а тлели. Старик иногда просыпался, кидал в затухающий костер таблетку сухого спирта и снова ложился.

...Едва стало светать, Старик поднял всех. Молча дергал каждого за ногу.

— Оригинальный у вас сигнал побудки, — сказала Симочка. — Что-то самобытно-сермяжное. За ногу — и всё...

Старик усмехнулся:

— Это у нас, на китобое, был такой Еременко...

Верно, он собирался сказать что-то еще про этого Еременко, но, увидев насмешливое лицо Симочки, осекся.

Было раннее утро, но ни росы, ни тумана. Сушь, как в духовке. Быстро поели и сразу взялись за поиски «каменных баб». Прошли километров пять на восток. Кирилл первым увидел лежащее на боку изваяние и криком созвал товарищей.

Молча оглядывали археологи две примитивно отесанные трехметровые гранитные глыбы. Только приглядевшись и дополняя видимое фантазией, можно узнать в таком камне человека. Вершина камня закруглена, будто это голова. Где-то посередине гранитная глыба

сужается — это, видимо, древний скульптор изобразил талию. Можно угадать также нос, подбородок, грудь, руки. Вот в одной руке кинжал. В другой — сосуд. На поясе — замысловатая пряжка, с него свисает мешочек, видимо, для трута и огнива.

Долго вглядывались археологи в плоские безжизненные лица статуй: оба лица — скуластые, типичные монголоиды.

Что это? Идол? Древнее божество? Воин? Памятник на могиле? Об этом спорили и, вероятно, ещё долго будут спорить ученые.

Симочка с Кириллом тщательно оглядели основания каменных фигур, пытаясь найти какие-либо надписи. Но их не было. Только в одном месте тянулась цепочка каких-то черточек, штрихов. Возможно, следы вырубленных когда-то слов. За сотни лет гранит выветрился, кусочки открошились, слова стерлись.

Кирилл многократно, с разных позиций, сфотографировал «баб». Симочка тщательно обмерила их, срисовала полустертую строчку. Хорошо бы, конечно, снять отпечаток с неё — эстампаж, но для этого нужна вода. Много воды...

— Быстрей, быстрей! — торопил Старик.

Все увлеклись древней находкой и, казалось, вовсе забыли о воде. Только он один помнил.

— Наука ему ни к чему, — зло шепнул возбужденный Кирилл Симочке. — Только о себе печется...

Сам Кирилл с того момента, как нашли изваяния, преобразился. Теперь это был не тощий, нескладный «очкарик», а энтузиаст, забывший всё на свете, кроме этих камней.

Какие интересные экземпляры! И как попали они сюда, в пустыню? Ведь обычно «баб» водружали возле рек. И ещё — почему они не стоят, а лежат, почему нет ни привычной оградки около изваяния, ни балбалов ^[4]? Может быть, этих «баб» транспортировали откуда-то и по какой-то причине бросили, не довезли?...

В семь утра отряд двинулся в обратный путь. Солнце уже жгло в упор. Едва только группа ушла от каменных идолов, все с новой силой ощутили жажду. Разговоры смолкли. Даже неугомонная Симочка присмирела.

Мысленно все видели машину, их машину с лопнувшим карданом, одиноко стоящую на дороге. И в машине — два плоских длинных челека ^[5]. Два челека, полных воды... Но сколько отсюда до

машины? Старожилы говорили — километров восемнадцать. А на проверку, пожалуй, все тридцать. Тридцать километров по раскаленной сковороде пустыни...

Обидно! В машине полно воды, а взять её с собой в дорогу не смогли. И всё из-за пустяка: не было посуды. Да, как это ни смешно, в машине не было ни бидонов, ни бутылей, ни канистр. Ведь уходить далеко от машины не собирались — кто мог знать, что лопнет кардан? Хорошо, хоть фляги захватили. И то так, на всякий случай. «Перестраховочка», — усмехаясь, сказал Кирилл, когда в лагере брали фляги. Вот тебе и «перестраховочка»!

Прошло долгих три часа, пока добрались до холма, похожего на шатер. Значит, пройдено всего восемь километров. Медленно, очень медленно движутся они нынче.

Теперь уже все думали только об одном: пить!

Старик на ходу всё время что-то держал во рту.

— Что это? — устало полюбопытствовала Симочка.

— Камешек, — Старик выплюнул на ладонь гладкий, похожий на птичье яйцо голыш.

— Зачем?

— Меньше пить хочется. Сосёшь — слюна выделяется, и Старик опять сунул камешек в рот.

Симочка пожала плечами.

Солнце палило так, что казалось, из тел испаряются последние остатки влаги. Стелющиеся по песку корявые кусты саксаула и черкеза не давали тени. Даже юркие ящерицы попрятались от зноя.

Песок был везде. Даже воздух густо пропесочен. Песок скрипел на зубах, забивал уши, ноздри...

Старик украдкой бросал быстрые внимательные взгляды на Симочку. Пухлое личико её посерело, нос заострился, возле уголков рта прорезались скорбные складки.

Вскоре устроили привал.

Всё вокруг было голо, только янтак — верблюжья колючка — зеленел, несмотря на полыхающее пекло. У этого сорняка длиннющие корни: на десяток метров уходят они в глубь песка и сосут оттуда воду.

Все молчали. Только Симочка пробормотала:

— Ветерок бы...

Старик поднялся, развязал свой рюкзак.

— Минутку, — сказал он.

Четверо, не вставая, повернулись к нему. Из рюкзака он достал флягу.

— У меня две, — негромко сказал Старик, и все, как по команде, поглядели ему на бедро, где висела вторая фляга. — Взял про запас, — пояснил он.

Все зашевелились. Вот это здорово!

— Обе фляги полны, — спокойно продолжал Старик.

— Обе? — Симочка даже села. — Вы что ж, не пили?

— Уточняю: одна фляга, — старик поднял посудину, вынутую из рюкзака, — совсем полна. Другая — почти полна...

И, видя недоуменные взгляды, пояснил:

— Я в пути почти не пью. Как верблюды, — он чуть усмехнулся.

Кирилл приподнялся на локте.

«Как же Старик поступит? Вода его. Только его. Неужели не даст? Нет, Симочке даст. А другим?»

— Эту флягу, полную, — сказал Старик, — отдаю вам. Вам, четверым, — он протянул флягу Симочке. — С условием: разделите её на три части. Первую выпейте сейчас, на десятом километре. Вторую — на двадцатом, третью — на двадцать пятом. Не раньше! Понятно?

Старик обвел всех жестким взглядом.

Только сейчас Кирилл заметил — в Старике есть что-то ястребиное: косматые с проседью брови, большой, с горбинкой нос, тонкая жилистая шея...

— А вторую флягу оставляю себе, — скороговоркой закончил Старик. — Что? Несправедливо? — Он из-под насупленных густых бровей сердито оглядел всех. — Считайте как хотите. Я так решил.

Старик отошел в сторонку, отвинтил стаканчик с фляги, налил себе немного и медленно, прополаскивая рот, словно прожевывая каждый глоток, выпил. Так смакуют редкие вина дегустаторы.

Потом лег спиной к молодежи.

Ребята подвинулись к Симочке. Всё происшедшее поразило их. Это надо было досконально обдумать. Но, во-первых, пить...

Фляга была стандартная: три четверти литра.

— На три приема, — сказал Кирилл. — По двести семьдесят... На четверых. Значит, по шестьдесят пять граммов на нос...

Спутники молча кивнули.

На алюминиевом стаканчике Кирилл ногтем нацарапал черту. Это и было примерно шестьдесят пять граммов.

Первую порцию дали Симочке.

Кирилл незаметно нацедил ей чуть выше черточки, но девушка так грозно закричала: «Стой, вылью!», что он сразу прекратил лить.

Симочка пила долго, смакуя каждую каплю, а ребята отвернулись, чтоб не мешать ей. Потом выпили свои граммы остальные.

Заслонив рюкзаками головы от солнца, все опять легли. Ощущение свежести во рту исчезло удивительно быстро. Уже через несколько минут язык снова стал сухим, шершавым, царапал нёбо, как наждаком.

«Странно, — думала Симочка. — Почему-то я предполагала, что у него есть вода. Почему? Не знаю. Как всё-таки не по-товарищески он разделил. Ну, конечно, вода его. И всё-таки... Я бы отдала обе фляги. Всем поровну. Да, только так...»

«Молодчага старче, — думал Кирилл. — Догадался же взять посудину про запас. А я вот не сообразил. И всё-таки...»

Это «и всё-таки» терзало и остальных археологов. Да, странный тип этот Старик. Всегда угрюмый, неприветливый. Даже самый благородный поступок и то обязательно испоганит...

Привал был недолгим. И опять, конечно, растормошил всех Старик.

Двигались медленно. Каждый километр казался намного длиннее предыдущего.

И тут случилось несчастье. Симочка вдруг охнула, схватилась за плечо Кирилла, гримаса искривила её лицо.

— Нога! — Она медленно опустилась на землю.

— Этого ещё не доставало! — в сердцах пробормотал Кирилл, но, спохватившись, сразу устыдился, наклонился к Симочке. Расшнуровал ей ботинок, снял шерстяной носок — все они были в таких носках, защищающих от потертостей. Но, вероятно, снимать ботинок не следовало: щиколотка стала опухать прямо на глазах. Натянуть обратно теперь было просто невозможно.

«Вывих, — подумал Кирилл, — или растяжение?»

Старик подошел, стал на колено возле девушки, и хотя он не произнес ни слова, Кирилл тотчас отодвинулся.

— Минутку, — сказал Старик и вдруг быстро, резко дернул за ступню.

Симочка вскрикнула, побелела и, откинувшись, закусил губу.

— Идти не сможет, — объявил Старик. — Придется нести.

Но из чего сделать носилки? Вокруг не было ни деревца. Только кое-где чахлые кусты кандыма.

— Брезент, — скомандовал Старик.

Брезент расстелили, на него уложили Симочку.

— Несем по двое, — сказал Старик. — Сменяемся через каждые двадцать минут.

Он дал знак Кириллу и сам взялся за передние концы брезента.

Теперь группа двигалась ещё медленнее. Прошел час, два часа...

— Нет, — пробормотала Симочка. — Так не годится... Как черепахи... Оставьте меня. И немного воды... А сами — быстро... Потом вернетесь за мной. С водой...

Она с трудом шевелила окаменевшими губами.

— Как это оставить?! — отмахнулся Кирилл. — Подлецы мы, что ли? Чепуха!

— Не такая уж чепуха! — словно раздумывая вслух, медленно произнес Старик.

Мотя-Котя удивленно переглянулись. Бросить больную девушку? Одну? В палящей пустыне?

— Одну, конечно, не кинем, — продолжал Старик. — Пусть двое, самых быстрых, идут и принесут оставшимся воду...

Кирилл подумал: «Что ж, в предложении Старика есть здоровое зерно, «сермяга», как любит говорить Симочка».

Двое самых быстрых, если постараются, доберутся до машины ещё до темноты. Пойдут налегке. Оставят здесь всё лишнее. А остальные добредут до двугорбого холма и там отсилятся в тени. И брезент у них будет на троих. В крайнем случае и заночевать не страшно...»

— Пусть идут Мотя-Котя, — предложил Старик.

Это было естественно. Кирилл вряд ли покинет Симочку. А Старик — он стар. Мотя-Котя — самые молодые, самые сильные.

— Разделите воду, — сказал Старик.

— Попролам, — добавил Кирилл.

Он аккуратно отлил из фляги половину воды в пустую флягу, но, прежде чем отдать её, вопросительно посмотрел на Старика. Может, тот добавит уходящим часть своей воды?

Но Старик молчал.

Тут уж не выдержала Симочка.

— Попролам так всю пополам, — прошептала она.

— Нет! — отрубил Старик. — Мы же договорились. Эта фляга моя.

— Бросьте торговлю! — вспыхнул Мотя. — Мы и так дойдем. А вода, может, ещё Симочке пригодится...

Мотя-Котя ушли. Симочка лежала на брезенте, о чём-то тихо беседуя с Кириллом. А Старик курил и глядел вдаль. Долго, пока Мотя-Котя не превратились в маленьких букашек...

— Ну, — сказал Старик так спокойно, будто и не было безобразной сцены с разделом воды, — пора... Надо добраться до холма...

Кирилл встал. Они спяť взялись за брезент. Двигались медленно, отдыхали. Смены не было, нести Симочку тяжело и неудобно. Концы брезента выскальзывали из быстро потеющих рук.

Кирилл устал. Рубаха давно взмокла. Но особенно злило его, что Старик не просил передышки. Кирилл сам вынужден был через каждые две-три сотни шагов объявлять «перекур».

— Пить, — попросила Симочка.

Это было против условия: они ещё не дошли до двадцатого километра, далеко не дошли. Но ведь теперь всё изменилось. Мотя-Котя делают рывок...

Кирилл посмотрел на Старика. Тот молчал.

Кирилл нацедил из фляги ту же порцию — шестьдесят граммов — Симочке. Подумал, налил и себе. Хотел отмерить половину, граммов тридцать. Сохранить чуть-чуть на «черный день». Но не смог. Рука сама долила до черточки.

«Эх, слабец!» — обругал себя Кирилл, пряча от девушки глаза.

Старик лежал у тропы, подсунув руки под голову. Не пил.

— А вы что же? — удивилась Симочка.

— Когда полная фляга на боку — и пить не тянет, — отозвался Старик. — Тут ведь всё дело в психологии...

Симочка заметила: во рту у него по-прежнему что-то перекачивается, очевидно камешек. Она оторвала полоску от платка, украдкой сунула её за щеку и стала сосать. Кажется, чуть полегчало. Или и это психология?...

И опять они долго шли по раскаленной тропе. Теперь они делали, дай бог, километра по полтора в час. Но не сидеть же? Надо дотащиться до двугорбого холма...

Добрели до него, когда уже стало смеркаться.

— Пить! — взмолилась Симочка.

Глаза у неё воспалились, щеки впали, волосы растрепались. «Жар!» — покачал головой Кирилл.

Он и сам еле стоял от усталости. Достал флягу, налил девушке её порцию. Когда она выпила, налил себе. На этот раз он всё-таки удержался: вылил не всё, граммов двадцать оставил. Последние двадцать граммов...

Старик опять не пил.

— Вы и впрямь намерены тягаться с верблюдом? — грубо спросил Кирилл.

Он устал, и его раздражала эта странная выносливость Старика.

— Когда полная фляга на боку... — сказал Старик.

— Да, знаю: пить не тянет, — сердито оборвал Кирилл.

Они развели костер, поели. Кирилл, разделив пополам остатки воды — набралось по одному глотку, — выпил с Симочкой.

«Вот и всё, — подумала девушка. — Теперь только ждать...»

Она задремала. Вдруг ей послышался стрекот вдали. Да, явно рокошет мотор, прерывисто, с выхлопами...

— Машина! — крикнула Симочка.

Второй машины в отряде не было, а сломанную, конечно, ещё не могли отремонтировать. Но всё же Кирилл прислушался, насторожился. Нет, всё было тихо. Почудилось.

Симочка опять задремала, а Кирилл со Стариком молча лежали у догоравшего костра.

— Пить, — сквозь сон пробормотала девушка.

Кирилл поглядел на Старика. Тот делал вид, будто и не слышал Симочку.

«Где же совесть?» — покачал головой Кирилл.

Симочка долго лежала тихо, потом вдруг встрепенулась:

— Пить!

Кирилл злобно поглядел на Старика. Тот по-прежнему делал вид, что всё это его не касается.

— Послушайте, вы! — сказал Кирилл.

Он встал и пальцем поманил Старика от костра. Их мужской разговор не для Симочки.

— Вы слышите: девушка просит пить, — сказал Кирилл, когда они отошли.

Старик кивнул.

— Чего же вы так трясетесь над водой? Ведь скоро придут наши.

— Неизвестно: скоро ли? А сейчас, когда у меня полная фляга, всем нам, и Симочке в том числе, легче переносить жажду. Это психология...

— Насчет психологии я уже в курсе, — наливаясь яростью, прошептал Кирилл. — Короче: дадите девушке полстакана? Да или нет?

— Нет...

— Ах, так! — Кирилл шагнул к Старику. — Тогда... Тогда я отниму у вас флягу. Да, отниму!..

Старик в упор поглядел в суженные, бешеные глаза Кирилла. Что он в них увидел — трудно сказать. Но отстегнул флягу.

— Берите...

Фляга оказалась подозрительно легкой. Кирилл торопливо шагнул к костру, отвинтил крышку. Наклонил флягу. Ещё... Ещё... Перевернул. Ни капли...

— Так! — Он ошеломленно глядел на Старика. — К чему же эта комедия?

Старик молчал. Трясущимися пальцами разминал сигарету.

— Зачем всё это? — повторил Кирилл.

И вдруг его осенило. Ну конечно! «Всё дело в психологии».

Старик нарочно... делал вид, что у него полная фляга. Чтобы знали — есть резерв. На самый крайний случай есть резерв.

А сам-то не пил. Всё им отдал...

Ранним утром пришли Мотя-Котя, принесли воду. Мотя развел костер, заварил густой зеленый чай. Сидел и мурлыкал:

*В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...*

К вечеру из лагеря прибыла машина...

ЮРИЯ РОСЛЫЯ
ДЕРЖАТЬСЯ РЯДОМ

Юрий Рослый

Держаться рядом

Шторм налетел неожиданно. Они возвращались на моторной лодке из залива Ланги. Их было трое: директор Удымской рыболовно-мелиоративной станции Алексей Павлович Ивко, Вовка Черных и Константин Буров. Последние составляли подвижной отряд Госрыбвода, исследующий озеро Удым. Работа была закончена, и они шли на базу, где Ивко ждала семья и откуда Вовке и Константину предстояло выехать в город.

Ивко, закутавшись в плащ, сидел спиной к ветру, молчал, сердито посасывал желтый мундштук и все глядел на исчезающие за кормой в пелене дождя сопки. Они были похожи на длинное зазубренное лезвие, висящее в пространстве между серым небом и мутной белесой водой. Его худое, давно не бритое лицо скрывалось под капюшоном мокрого плаща, а пустой мундштук торчал дерзко и как-то беспомощно.

Ивко злился на себя за то, что он, человек уже не молодой, поддался мальчишеской беззаботности, с которой собирались Константин и Вовка, и затянул отъезд. И чтобы заглушить это чувство досады и какой-то неясной тревоги, он начал думать о том, как удачно закончилась их экспедиция. Место для строительства нерестово-выростного хозяйства найдено, а Константин, пожалуй, прав: нерестовик надо строить на террасе, тогда никакой паводок его не зальет.

Он представил себе весь залив и косу при входе в него, на которой они жили последние дни, и снова мысленно вернулся к утренним сборам.

Было пасмурно, тихо, но пока они снимали палатку и укладывали груз в лодку, заморосил дождь.

— Дождь начинается, и курево кончилось, пора собираться, — сказал Ивко. — Сегодня баню топят. Не мешало бы побриться.

Константин полез заводить мотор.

— А озеру конца не видать, — проговорил Ивко, — мутное, как глаз у дохлой крысы.

— Эй ты, нефтяной король! — крикнул Константин Вовке. Тот сидел на канистре с бензином, широко расставив ноги. — Даешь горючее на заправку!

Веселый окрик заставил Вовку подняться. Ивко, поглядывая на него сбоку, усмехнулся:

— Не надрывайся, Вова. Перелей бензин в свои сказочные сапоги — как раз войдет.

Вовка был самый младший, и они частенько подшучивали над ним, но он, казалось, не замечал этого.

«Шустрый парень, — думал Константин, перемигиваясь с Ивко и вспоминая, как перед отъездом в экспедицию Вовка неожиданно для всех сбрил свою рыжую шевелюру. — Парень безотказный, но сапожищи — умора!»

В этих тяжелых резиновых ботфортах он казался ещё меньше ростом, а плотный огнистый ёжик волос, отросших за лето, придавал ему комично воинственный вид. «Кот в сапогах».

— Держи, — сказал он, передавая канистру. — Помочь?

— Давай, давай отталкивай.

Однако Вовка не стал отталкивать лодку от берега, а, навалившись животом на борт, разглядывал якорь-кошку, будто впервые его увидал.

— Вова обнаружил ихтиозавра, — сказал Ивко.

— Первый раз такой цветок вижу, — заявил Вовка, не обращая на реплику внимания. — Маленькая былиночка, чуть не наступил. Есть ли он в определителе Комарова? — Вовка бережно протянул стебелек Ивко.

— М-да, — сказал тот, — ни в каких определителях этого нет. Новый вид. А назовут его...

На узкой ладони Ивко свободно уместился зеленый безлистный стебелек. Он был граненый, витой, словно скрученный неведомой силой. Вверх правильной спиральной лентой уходили маленькие розовато-белые цветки. Два полных витка.

— Забавно, — сказал Ивко. — Развитие идет по спирали. Вова нашел ключ к шифру жизни, — усмехнулся он опять, но цветок бережно вернул Вовке. — Спрячь.

О цветке забыли тотчас же, как оттолкнули лодку. Мотор — старый кашлюн «Л-6» — долго не хотел заводиться. Константин вспотел, дергая проклятую ручку. В конце концов пришлось обжигать

свечу, забитую маслом, и, когда, наконец, мотор застучал, южный ветер, тянувшийся слегка, начал крепчать, поднимая волну. Смешиваясь с дождем, брызги хлестали навстречу так, что Ивко выругался и, отворачиваясь от ветра, натянул поверх плаща брезент.

Они были почти на середине озера, когда южняк разыгрался вовсю.

— Салют, амиго! — крикнул сидевший на носу Вовка, широким жестом приветствуя южняк.

— Сейчас тебе этот амиго насыплет перцу, — проворчал Ивко. Он знал, что такое шторм на Удыме.

Восемьдесят километров в длину, от десяти до двадцати в ширину, озеро Удым с трех сторон огорожено сопками, закрывающими доступ ветрам, и только с южной, болотистой мари с редкими островками чахлах лиственниц на релках, оно открыто южному ветру с Японского моря. Не зря рыбаки спешат к берегу, лишь подует южняк. Растерявший большую часть своей силы, но еще грозный, южняк пролетает над прибрежной тайгой, тонко посвистывает в верхушках пихт, процеживаясь сквозь их жесткую хвою, и вырывается на марь, где ему нет преград. Кривые лиственницы на мари дрожат в его объятиях. Спутанные темные пряди мха, растущего на их стволах, трепещут и реют по ветру, как клочья разорванной одежды. Озеро Удым южняк взбалтывает до дна.

Беспорядочные мутные волны с беляками на гребнях мелькают вокруг лодки. Константин поворачивает лодку навстречу ветру. Нос их тяжелой, плохо отыгрывающейся на волне посудины то и дело зарывается. Фонтан брызг окатывает Вовку.

— Держитесь, мальчики! — кричит Ивко.

Волна бьет в борт. Вовка и Ивко вычерпывают воду жестянками.

«Метров двадцать в секунду, а то и больше», — подумал Константин о ветре, стараясь удержать лодку вразрез волне. Не выпуская штурвала, он стащил левой рукой съехавший на затылок промокший берет и попытался отжать его одной рукой, с него уже стекали неприятные холодные струи. И тут их неожиданно накрыло волной.

Мутная, полная поднятого со дна песка волна перехлестнула через борт. Залило мотор. Онемевшая и беспомощная среди яростной пляски

волн, лодка теряла остатки плавучести. Ивко выругался сложной многоступенчатой бранью, Константин отбросил крышку мотора.

— Выбрасывай груз! — крикнул он Вовке.

То, что случилось минутой позже, Константин вспоминал потом много раз, но так и не мог точно припомнить: то ли Ивко, который неуклюже полез на помощь Вовке, перевернул лодку, то ли её захлестнуло новой волной.

Константин вынырнул первым. Ошеломленный, он видел сначала только мутные волны перед собой. Шум ветра и волн, заглушенный прежде стуком мотора, теперь заполнили собою всё. Потом рядом с собой Константин заметил круглую мокрую Вовкину голову. Тут же плавала пустая канистра. Тяжелая лодка пошла ко дну.

«Мотор с редуктором потянули, — подумал Константин. — Да ещё кронштейн приварили, только топиться». Эта мысль пронеслась мгновенно, и тотчас Константин понял, что Ивко ещё не вынырнул.

Может быть, его отбросило волной? Нет, не вынырнул ещё. Наверное, ударился головой о борт. Константин удивился спокойному холодку этой страшной мысли.

Не сговариваясь, они ныряли с Вовкой несколько раз, отлично понимая безнадежность своих усилий.

— Сапоги тянут, а сбросить не могу! — прокричал Вовка и закашлялся, хлебнув воды.

Константин подплыл к нему. Вовка держался за канистру. Константин нащупал у пояса нож — подарок старика Дяталы, — выдернул его из размокших кожаных ножен, но, прежде чем протянуть Вовке, разрезал на себе ремень, освободился от брюк. Сапоги он сбросил ещё раньше.

— Разрежь сапоги. Куртку к черту. Рубаху заправь — теплей будет.

Вовка через несколько секунд вынырнул, тараща по-нерпичьи круглые глаза.

— Один есть!

Со вторым сапогом он возился долго, и Константин понял, что Вовка устал. Он утопил нож и порезал ногу, снимая второй сапог.

«До берега километров десять. Ни один катер не выйдет в такую погоду. Сидят теперь в тепле. Рассчитывать придется только на себя, — думал Константин. Но он ничего не сказал Вовке. — Всё это

очень похоже на десятикилометровую лыжную гонку, — решил он. — И не так уж страшно. Нужно двигаться без остановки. И отдыхать в движении. «Выигрывает тот, кто умеет расслабляться», — говорил тренер. Важно найти моменты для отдыха, уловить скрытый ритм движения волн. Только бы не свело судорогой ноги. Вода не очень теплая... Бедняга Ивко... Надо сказать Вовке, чтобы не бросал канистру. Только бы не свело ноги».

— Вовка, как ноги? — спросил он.

— Порез болит.

— Держись. Пойдем потихоньку к берегу. Сведёт — говори мне.

Они поплыли брасом по ветру. Волны настигали их и накрывали иногда с головой. Они выныривали, отплываясь пахнувшей тиной водой. Канистра мешала Вовке, но он не бросал ее, толкая перед собой. Константин старался экономить силы: расслабляя ноги, поджидал попутную волну, и, когда она подходила, это он чувствовал спиной, он расслаблял руки и делал ногами легкий толчок.

«Попал в воду — отращивай плавники, — подумал он. — Плохо, что нельзя разговаривать с Вовкой — наглотаешься воды. Нужно говорить только самое необходимое. Плохо, что Вовка утопил нож. Хороший охотничий нож с удобной рукоятью из сохатиного рога».

Он отогнал от себя мысль о том, что случилось с Ивко. Это случилось, и ничего нельзя было сделать. Нужно плыть и плыть. Они должны добраться до берега, который где-то впереди за пеленой дождя.

Плечевые мышцы начали уставать. Константин перевернулся на спину и, чуть шевеля кистями рук, двигал ногами расчетливо и осторожно, словно преодолевал подъем на лыжне без палок. Вовка плыл рядом, держась за канистру. Ничего, держится молодцом.

О том, что Вовку начало сводить судорогой, Константин понял, увидев, как посерело его лицо, перекошенное гримасой боли. Но сказал Вовка спокойно:

— Свело левую, в икре.

— Расслабься, — ответил Константин, нырнул и схватил его за ногу у щиколотки.

Икроножная мышца была твердой как камень. Он разминал её двумя руками. Вовка дрыгал ногой. Константин нырял ещё два раза, мня сведенную судорогой мышцу. И, вынырнув в третий раз, тяжело

дыша, он почувствовал, что устал. Кровь стучала в висках, и серебряные мухи ползали перед глазами по серым волнам.

— Брось! — крикнул Вовка. — Я сам.

— Холд ап, — проговорил в самое Вовкино ухо Константин, вложив в эти слова всё, что не мог сказать ему сейчас из-за шторма. Он нарочно сказал это по-английски.

Всю зиму они вдвоем штудировали английский, оставаясь после работы, и прокуривали до лиловой синевы воздух в лаборатории рыболовства. Это была Вовкина затея — изучить язык вплотную.

Они должны вернуться в лабораторию рыболовства и бросать окурки в большую раковину-перловицу, спорить и зубрить английский — вот что он хотел сказать ему этими короткими, произнесенными в один выдох словами.

— Держись, — повторил он уже для себя по-русски и нырнул в четвертый раз. Он разминал мышцу до тех пор, пока грудь не стало распирает от невыносимого желания вдохнуть побольше воздуха.

— Отпустило, — сказал Вовка, но глаза у него были какие-то тоскливые. — Возьми канистру, отдохни.

Константин не знал, что стоило Вовке произнести эти слова, но он знал, что Вовка не мог бы поступить иначе.

Темнело. Вода становилась черной и казалась какой-то очень тяжелой. Было девять часов вечера. Часы на руке Константина продолжали отсчитывать время.

«Значит, мы уже семь часов в воде, — думал Константин. — Куда нас отнесло ветром? Проклятый дождь! Берега не видно».

Ломит пальцы рук, начинают уставать ноги. Он давно уже вернул канистру Вовке.

Стало совсем темно. Где-то высоко над пеленой туч летит самолет. Странно слышать его спокойный ровный гул. В такой темноте нужно держаться рядом, пусть даже молча.

Дождь кончился, но ветер не утихает. Сквозь рваные клочья туч проглянула луна. Он давно ждал её.

По знакомым очертаниям сопки, проступившим при свете луны, Константин понял, что их отогнало ветром на северо-запад и они находятся в самой широкой части озера. Берега не видно, только темные угрюмые сопки в бездушном свете, лунные блики на черной

воде. И тогда он почувствовал, как словно холодная вода вливается в него и сердцу становится холодно.

«Это страх, — сказал он себе. — Сколько раз ты испытывал его? Разве вспомнишь! Каждый его испытал. Лучше думать о чём-нибудь другом. О том, что хорошо кончилось...»

И он в мыслях увидел снова рыжий ковер болотистой мари — зыбкой посредине между морем и сушей, врезавшейся в нее темно-зелеными стрелами леса. Марь начиналась в пяти километрах за поселком, в котором они работали с Вовкой на рыбозаводе. Сюда, на бесчисленные блюда озер, слетались стаи клохты, кряковых и шилохвостых; здесь, пачкая длинные клювы чернильной шикшей, бродили кроншнепы и высоко в небе проходили косяки гусей, перестраиваясь в полете перед тем, как опуститься на мелководную лайду.

Перелет начинался в сумерках. Но небо за лесом, там, где садилось солнце и откуда летели утки, было ещё светлым, так что можно было стрелять. Он сложил убитых уток в рюкзак и пошел к лесу, раздвигая высокую, шуршащую осоку. Ему нужно было торопиться. Часа через два на плот рыбозавода привезут рыбу, и Вовке одному не справиться с работой.

Он решил срезать путь: идти не по извилистой береговой линии, а напрямик через тайгу, выйти на зимнюю дорогу, которую заметил еще издали по четырехугольному проему просеки в зубчатой стене хвойного леса. Но когда он подошел ближе — просеки не стало видно. Можно было повернуть и пойти испытанным путем, спотыкаясь на осыпях под скалами, но тогда наверняка опоздаешь.

Лучше идти прямо, решил он и стал подниматься на сопку. Сапоги гулко стучали по обнаженным корням. Незаметно для себя он забрался в густой, словно щетка, пихтач, в котором было темно и сыро, словно в погребе. Не было видно даже левой руки, которой он прикрывал лицо, продираясь сквозь шершавые и колючие пихтовые сучья, держа ружье в правой.

Тогда-то и охватило его это мерзкое чувство досады на себя и какого-то страха, будто он помимо своей воли обокрал кого-то. За себя он не боялся. Можно было плюнуть на всё, развести костер, а утром выйти к поселку. Но ведь Вовка знает, что он должен прийти, и, не дождавшись, чего доброго, поднимет тревогу.

Его начнут искать всем поселком, как ту незадачливую студентку, что заблудилась неделю назад. А потом будут смеяться. Самое же скверное, что из-за его самонадеянности поднимутся уставшие за день люди, у которых полно своих забот. Они найдут его спокойно храпящим у костра на задворках поселка. Нет. Надо идти и выбиратьса самому.

И он лез и лез сквозь чащу уже почти на четвереньках, потому что ветки смыкались всё гуще и ниже.

«Не надо нервничать», — сказал он себе тогда и остановился.

Он закурил и при свете догорающей спички взглянул на часы. Красная секундная стрелка пульсирующими толчками неслась по замкнутому черному кругу циферблата. Мысленно Константин представил себе весь пройденный путь. По времени он давно уже должен был выйти на просеку. Значит, сбился и шел теперь параллельно ей. Константин смял окурок в кулаке. Теперь он круто забрал влево и через полчаса был уже на просеке, а ещё через час, исцарапанный и потный, стучал в двери заезжей, где они с Вовкой тогда жили...

«Важно не потерять себя», — подумал он сейчас, отвлекаясь от воспоминаний и стараясь разогнуть скрюченные пальцы левой руки. Всё тело ныло от холода и усталости. Безразличие предательским туманом заволакивало мозг.

Снова слышатся гул мотора. Самолет пролетел, перечеркнув безнадежную пустоту ночи живыми звездами бортовых огней.

...К рассвету ветер утих. Показался берег. Он почти рядом, в каком-нибудь километре. А может, дальше? Вода скрадывает расстояние. Держись, чтобы хватило сил на большее.

Мерзнет мокрая голова. В воде теперь теплее, чем на воздухе. Слоистые облака на горизонте, словно обручи, стягивают купол неба. Как сигнальный буй, мелькает в волнах рыжая Вовкина голова.

— Вовка! — окликает его Константин. — Как дела?

— Жрать хочется — ежа бы съел, — отвечает тот и сплевывает в воду.

Константин и сам давно чувствует мучительные спазмы в желудке.

Чайки проносятся рядом, кричат и кружатся над головой.

«Наверное, они чувствуют, что мы бессильны, и поэтому не боятся», — думает Константин.

Как хочется вытянуться во весь рост и не двигаться больше, а лежать, закрыв глаза! Лежать без движения. А почему бы не сделать этого сейчас? Всё кончится быстро, и больше не будет боли. Кажется, Вовка уже готов сделать это. Он совсем ослаб. Почти не двигается, вцепившись в канистру.

— Нет! — Константин изо всей силы хватает Вовку пятерней за голый бок.

Вовка стонет. Кажется, совсем зачоченел. Константин старается подталкивать его. Они плывут очень медленно. Теперь уже ясно видно, что до берега осталось метров двести. Они проплывут их. Проплывут!

Хлюпает проклятая вода. И этот бесконечный звон в ушах. Как будто звенят невидимые комары. Тысячи комаров. Нудный, непрерывающийся звон. К этому звуку примешивается ещё какой-то посторонний, похожий на рокот мотора. Наверное, опять самолет, а может быть, катер?

— Катер, — неуверенно шепчет Вовка.

Оба они поворачиваются на этот всё усиливающийся звук. Из-за скалистого мыса медленно выходит катер. Он чуть левее и впереди них. Как они кричат! Кричат до хрипоты, забыв обо всём.

— Эй! Э-э-эй!

Катер подходит. Он метрах в пятидесяти от них впереди, ближе к берегу. Вот он уже поравнялся с ними. Константин отчетливо видит черные буквы на красно-белом спасательном круге: «Кострома». Палуба пуста. Из трубы камбуза идет дымок, мотор работает спокойно, по-домашнему, на средних оборотах. Вот и белый бурун за кормой...

И вдруг Константин видит, как в черном проеме камбузной двери появляется чья-то голова. На палубу выходит парень в тельняшке. Обеими руками он держит голубой таз. Выплескивает что-то за борт. Константин делает отчаянное усилие: собравшись в комок, распрямляется, как пружина и, выскочив на мгновение почти по пояс из воды, подняв руку, кричит и, погружаясь, видит, как парень, вздрогнув, роняет таз и опрометью бежит к рубке. Константин ясно слышит звон упавшего таза.

Как тяжело, расталкивая руками и головой толщу воды, выбираться наверх. Константин выныривает рядом с Вовкой. Катер

уже развернулся и идет им навстречу, но Константин почему-то не слышит звука мотора. Всё как во сне. Звучит в ушах мотив давно забытой песенки, которую он распевал ещё мальчишкой. «А ну-ка, дай жизни, Калуга, ходи веселей, Кострома...» Кажется, кто-то снова роняет большой звонкий таз.

Сквозь забытие Константин чувствует прикосновение рук, смутно слышит чьи-то голоса...

Он приходит в себя от боли: кто-то сдирает с него кожу.

Над головой светлый квадрат открытого люка. Стук мотора. Константин пытается подняться, но чьи-то большие руки, всё время мелькающие перед глазами и причиняющие боль, прижимают его к подушке.

— Где Вовка? — спрашивает Константин и сам удивляется. Губы шевелятся с трудом, как на морозе.

— Лежи, лежи, здесь он. Грейтесь, сейчас дома будем, — это говорит, накрывая Константина одеялом, большерукий. Он склоняется над ним, и Константин видит его лицо и мичманку на голове. Руки у него пахнут спиртом.

Живое тепло разливается по всему телу. Константин закрывает глаза и старается рассмотреть бесконечное, колышущееся перед ним водяное поле, которое видно ещё отчетливее, если закрыть глаза. И вдруг он вздрагивает, как от толчка.

Они будут сейчас в поселке и сегодня на РМС, где директором был Ивко. Там ждут его жена и маленькая дочь. Как он посмотрит им в глаза? Что скажет? Как объяснит, что они с Вовкой живы, а Ивко нет? А может быть, он выплыл? Он обязательно должен был выплыть. Он не мог утонуть. Может, он поплыл к другому берегу? И они его не заметили...

Константин резко отбрасывает одеяло.

— Старшина! Старшина! — кричит он и пытается слезть с койки.

— В чём дело?

— Слушай, старшина, — говорит Константин, чувствуя болезненные спазмы в горле. — Давай назад. Там у нас товарищ. Понимаешь? Поворачивай назад! Быстрее... Какого черта ты на меня так смотришь?

— Эй, Силыч, — тихо говорит старшина, — давай-ка ещё спирту, у парня бред...

ЛЕВ ЭКОНОМОВ

ШТОРМ

Лев Экономов

Шторм

Ветер дул с моря. Стахов узнал об этом, не вставая с постели. Узнал по дребезжанью плохо закрепленного в раме стекла. Он приподнялся на локоть и посмотрел на часы. Фосфоресцирующие стрелки показывали без четверти пять.

В голову снова полезли беспокойные, невеселые мысли. Вряд ли теперь его пошлют на полеты в таких сложных метеорологических условиях. А в том, что погода ухудшится, у него не было сомнений.

Вспомнилась та злополучная ночь во время летно-тактических учений, когда он летел последний раз на перехват контрольной цели. Тогда он не просто напутал. Он ещё и струсил. А это хуже всего. Правда, об этом никому не известно. Все решили, что он просто потерял ориентировку. Да так оно сначала и было. И виной всему звезды, которые он увидел, случайно посмотрев вниз, когда до цели оставались считанные километры и она уже легла светленькой точкой на экране его бортовой станции обнаружения и прицеливания. Вверху, над головой, тоже были звезды. Они окружали самолет со всех сторон. Стахову показалось, что он попал в огромный черный мешок, набитый звездами. И теперь ему не выбраться из этого чертова мешка.

Потеря пространственной ориентировки — что может быть страшнее для летчика в слепом полете? Это всё равно, что оказаться посередине густо заминированного поля. Один неверный шаг — и прощай жизнь.

Дело прошлое, и Стахов мог признаться самому себе: на какое-то мгновение ему стало очень страшно. Так страшно ему было впервые в жизни. Рука невольно потянулась к защитной шторке. Стоило только натянуть её перед лицом, как летчика вместе с сиденьем пуль бы выбросило из кабины. И он уже поднял руку, чтобы сделать это. Сделать, не посмотрев на приборы, без которых в слепом полете летчику просто невозможно обойтись.

И, только коснувшись пальцами красной скобы на шторке, Стахов вспомнил об иллюзиях, которые иногда возникают у летчиков в сложных положениях, из-за несовершенства вестибулярного аппарата

или по каким-то другим причинам. Об этом тысячу раз предупреждал его врач. В таких случаях нельзя доверяться своим ощущениям, надо всецело положиться на приборы.

«Может быть, я лечу вниз головой и не замечаю этого из-за иллюзий?» — подумал Стахов и лишь тогда посмотрел на авиагоризонт.

Ракетносец шёл с креном. Стахов выровнял машину.

— Ноль сорок пять. Ваше место? — спросил штурман наведения с командного пункта, увидев, что летчик отклонился от цели и перехват уже не может состояться.

— Возвращайтесь на точку!

Это было позорное возвращение. Происшествие не могло не повлечь за собою неприятных последствий для летчика.

...Незакрепленное стекло окна задребезжало сильнее. В этом дребезжании появилась какая-то ритмичность, словно пришедший с моря ветер решил исполнить для задумавшегося летчика некий мотив.

Стахов невольно снова приподнял голову и посмотрел в темный квадрат окна. Рука потянулась к настольной лампе, стоявшей у постели, и через секунду комната осветилась мягким розоватым светом. Он увидел прильнувшую к стеклу белобрысую голову в пилотке и руку, барабанившую пальцами по раме. Стахов прошлепал босыми ногами к окну и открыл форточку.

— Товарищ старший лейтенант, вас просят немедленно прибыть на стартовый командный пункт, — ворвались вместе с прохладным и влажным ветром слова посыльного. — Форма одежды — лётная. Не забудьте шлемофон.

Поеживаясь и зевая, Стахов натянул на себя кожаную куртку, сапоги и выбежал на улицу, где летчика ждала дежурная машина. Радость звенела в его душе — ведь не случайно ему велено было взять шлемофон.

Начинало светать. На фоне бледной светло-розовой полосы хорошо были видны стоявшие вдоль взлетно-посадочной дорожки приземистые остроносые самолеты с короткими треугольными крыльями, квадратное стеклянное строение командного пункта с флагштоком на крыше. А неподалеку стоял, тускло поблескивая полированными боками уже расчехленный двухместный учебно-

тренировочный истребитель, Который летчики из-за спаренного управления называют «спаркой».

Несмотря на воскресный день, на СКП было довольно многолюдно. У синоптической карты, натянутой на большой деревянный планшет, склонились командир части Турбай и метеоролог Дымов. Тут же, опершись о подоконник широкого окна, стоял с трубкой во рту командир эскадрильи, в которой служил Стахов, капитан Уваров. Высокий, сутуловатый, он молча пускал сизые струйки дыма и, казалось, думал о чём-то своем. Крупное скуластое лицо его было озабоченно.

— Погода идет отсюда, — докладывал Дымов, указывая на карту. — Сюда и нужно лететь.

Они не сразу заметили Стахова. Он поправил фуражку и, слегка щелкнув каблуками, доложил обернувшемуся Турбаю о своем прибытии.

— Наконец-то! — сказал Дымов, протягивая руку. — Извините, конечно, что побеспокоили в воскресенье.

Стахов вопросительно посмотрел на командира эскадрильи.

— Это я виноват, — сказал Уваров глуховатым раздумчивым голосом. — Хочу вместе с вами слетать на разведку погоды.

«Всё проверяют меня, — подумал Стахов. — Ну, да пусть». И в голове помимо его воли снова метнулось воспоминание о последнем полете во время лётно-тактических учений, а вернее, о том, что было после этого полета, когда некоторые стали относиться к нему настороженно. Но Уваров первым тогда выразил Стахову своё доверие.

Турбай прикрыл темные, чуть навывкате глаза и некоторое время думал.

— Вот какое дело, — наконец проговорил он. — На море разыгрался шторм. Где-то в этом районе потерпел аварию и дрейфует сейнер, — он указал на карту. — Связи с ним нет. Нужно найти корабль и сделать над ним несколько кругов. Возможно, вам удастся визуально определить, что там произошло. А земля тем временем запеленгует ваше местонахождение и пошлет на помощь сейнеру спасательное судно. Ну и, конечно, о погоде в том районе нужно узнать как можно больше. Мы должны помочь рыбакам. Да и на побережье должны знать о шторме всё, чтобы заблаговременно принять нужные меры.

Турбай посмотрел на метеоролога из-под густых нависших бровей.

— У меня всё. Что у вас?

— Шторм — это враг, действующий по принципу: не ты меня, так я тебя, — сказал Дымов. — К шторму нужно подходить с меркой военного времени, как к очень опасному и коварному противнику. Нужно точно определить скорость ветра и направление его движения, интенсивность циркуляции воздушных потоков, барометрическое давление.

— Я готов к полету, — сказал Уваров.

— Я тоже, конечно, готов! — вырвалось у Стахова как-то по-мальчишески.

Спустя несколько минут летчики уже предстали перед врачом для медицинского осмотра.

Тот долго крутил Стахова перед собой, выслушивал, выстукивал. Стахов знал, что это делается не случайно. Ведь полет предстоял нелегкий. Летчик боялся, что врач придерется к чему-нибудь, и старался, что называется, «не дышать».

Уже рассвело, когда «спарка» Уварова и Стахова вырулила на старт и пошла на взлет.

Самолет с первых километров пути стало изрядно потряхивать. Над морем, которое клокотало и пенилось, сделалось довольно сумрачно, пришлось включить лампы подсвета приборов.

Лобовое сопротивление ветра настолько усилилось, что «спарка» резко снизила скорость. Ее кидало из стороны в сторону. А летчикам хотелось поближе подойти к штормовой зоне, только тогда можно было получить более точные данные о развивающемся шторме.

За самолетом наблюдали с командного пункта, время от времени приказывали менять курс. В одном из районов на истребитель обрушились потоки воды. Стахову показалось, что машина нырнула в морскую пучину и летит как-то боком.

«Ну нет, теперь я тебе не поддамся», — подумал он об иллюзии, сосредоточивая внимание на приборной доске. Он заставил себя думать только о показаниях приборов. И спокойствие не покинуло летчика. К этому спокойствию примешивалось лишь чувство досады за прошлый полет, за то, что он тогда, как какой-нибудь сопливый мальчишка, поддался мимолетному страху, выпустил из виду, что его

полет мог проходить и над морем, что звезды внизу — отражение их в воде, только и всего!

Стахову почему-то вспомнилось на мгновение, как летчики окружили его со всех сторон, едва он выбрался из кабины. Он пристально вглядывался тогда в лица товарищей, стараясь выяснить, догадались ли они, что он не просто заблудился, а потерял пространственную ориентировку.

Нет, теперь всё будет по-иному. И он ни на секунду не выпускал из поля зрения приборы, сличал их показания, анализировал. Словом, работал.

Где-то впереди всё время вспыхивали молнии и сильные грозовые разряды сотрясали воздух.

Пришлось выключить радио и радиолокационную аппаратуру, и теперь летчики могли полагаться только на себя. Работая, они следили за состоянием отдельных силовых узлов самолета, за плоскостями, которые тонко вибрировали.

Обследование нужного района продолжалось минут сорок. Летчики уже было отчаялись найти затерявшееся среди необозримых просторов моря крохотное суденышко, но на корабле заметили самолет, и вот темный полог неба вспорол несколько красных ракет.

Через минуту «спарка» уже сделала круг над тем местом, где дрейфовал сейнер. Уваров снова на некоторое время включил рацию и попросил запеленговать самолет.

Обнаружить, что произошло на траулере, летчикам не удалось, зато все указания метеоролога они выполнили успешно.

— Всё! — сказал наконец Уваров. — Двигаем на аэродром.

Стахов расправил онемевшие плечи и стал менять курс полета. Теперь ему хотелось как можно скорее попасть домой.

На мгновение он представил себе, как товарищи встречают их самолет. Что ж, ему не стыдно будет поглядеть в глаза однополчанам. После этого успешного полета Турбай, надо надеяться, допустит его к самостоятельным полетам в сложных условиях.

Впрочем, сейчас не время об этом думать.

Стахов сделал последний разворот, и в это время где-то над ухом так сильно грохнуло, что он невольно весь сжался и закрыл глаза. Но даже сквозь сомкнутые веки летчик почувствовал блеск молнии. А потом сделалось так темно, будто ему завязали глаза. Он даже не сразу

заметил, как загорелась красная сигнальная лампочка на пульте управления.

— Внимание! — услышал Стахов голос Уварова. — Горит двигатель!

Стахов посмотрел в перископ и увидел выбивавшиеся из-под серебристой обшивки языки пламени, а за хвостом — полосу дыма.

Ему некогда было думать, отчего это случилось: от прямого ли попадания молнии в самолет (а в летной практике бывает и такое), или электрический разряд произошел где-то рядом и от сильного сотрясения лопнула топливная проводка. Возникшая при трении металла искра воспламенила горючее. Руки сами, почти автоматически, стали быстро выполнять одну операцию за другой, чтобы не дать огню распространиться дальше. Вот уже перекрыт кран доступа горючего, убран на себя рычаг управления двигателем, выключены насосы подкачки и перекачки топлива, погашена избыточная скорость за счет набора высоты, нажата кнопка включения огнетушителя.

За эти секунды Уваров успел передать на аэродром о случившемся.

— Беру управление на себя, — сказал командир эскадрильи.

«Что ж, это его право», — подумал Стахов. Будь он сам старшим на самолете, он поступил бы точно так же.

Стахов опустил ручку и как-то сразу почувствовал себя беспомощным. Теперь было так тихо, что летчики, наверно, могли бы разговаривать друг с другом, не прибегая к переговорному устройству. Где-то глубоко внизу под плотными облаками плескалось бушующее море.

Уваров положил машину на крыло, пытаясь скольжением сорвать пламя, оно тотчас же исчезло. Но как только самолет пошел по прямой, огонь снова выбился из-под обшивки. Уваров еще раз применил скольжение. Это не помогло. Языки пламени стали ещё длиннее.

«А вдруг взрыв?»

Самолет между тем вышел из облачности — внизу по-прежнему простиралось море.

— Надо покидать машину, — сказал Уваров. — Катапультируйтесь, Стахов. А я пока передам на аэродром наши

координаты.

— Чего мешкаете? — спокойно спросил летчика Уваров через минуту, видя, что тот медлит. И это спокойствие тотчас же передалось Стахову. Он потрогал под собой резиновую надувную лодку и положил руку на рычаг выстрела катапульты. Всё это было делом двух-трех секунд.

Однако что-то (может быть, это можно было назвать интуицией) удерживало Стахова. Ему казалось, что Уваров найдет выход даже из такого трудного положения.

Между тем самолет резко накренился и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, стал скользить вниз, к бушующим волнам. Стахова прижало к спинке сиденья. Он видел, как ветер срывал с гребней волн белую пену. «Не успею выпрыгнуть!» Сердце замерло, а на лбу выступил противный липкий пот.

«Теперь уже всё», — решил Стахов, но в это время самолет снова перешел в планирование.

Уваров все так же спокойно сидел в своем кресле.

Стахов снова посмотрел в перископ. Пламя больше не показывалось из-под обшивки.

— Почему не прыгнули? — слышался голос Уварова.

— Не успел.

Пламя могло снова показаться в любую минуту. Командир решил идти на риск. Он заметил в стороне, почти у самого горизонта, узенькую каменистую гряду. С высоты она была похожа на спину выплывшего на поверхность моря кита. Не раздумывая, Уваров направил туда самолет. Ему хотелось спасти машину, её уникальные приборы, и он был теперь всецело поглощен заботой о том, как посадить самолет на один из этих пустынных, затерянных среди волн островков, не пролететь мимо, не промазать при вынужденной посадке на фюзеляж.

Грозовая зона между тем осталась в стороне. С каждым километром слабее чувствовалось её дыхание. И вот, наконец, из-за низких лохматых туч выглянуло солнце, море заиграло тысячами ослепительных искорок.

Стахов так напряженно вглядывался вперед, что у него даже стучало в висках. Острова, теперь это хорошо было видно, образовались из окаменевшей лавы, намытой гальки и песка.

Для вынужденной посадки с убранными шасси был пригоден только один из всей гряды. Но и его длина вряд ли превышала триста метров. Впрочем, «пригоден» не то слово. Инструкция разрешала посадку с убранными шасси только на мягкий грунт, иначе мог произойти взрыв. Но у потерпевших аварию не было другого выхода.

Летчики постарались не упустить во время посадки ни одной мелочи: своевременно выключили все тумблеры, сняли с плечей ремни парашютов, открыли кабину и убрали перед самой землей щитки. Если самолет пролетит мимо острова и сядет на воду, они смогут быстро выбраться из кабины и надуть резиновые лодки.

...Удар при посадке был таким сильным, что Стахов стукнулся лбом о приборную доску и потерял сознание.

Когда он очнулся, то увидел, что лежит на камнях в нескольких метрах от самолета. На лбу мокрое полотенце.

Подошел Уваров. В руках он держал подшлемник с водой. Тряпкой служил смоченный в воде рукав от его нижней рубашки.

— Лежите, — сказал он почти шепотом, увидев, что Стахов намеревался подняться с ложа, устроенного из камней и разостланных парашютов. — Вставать нельзя. Сейчас я перевяжу вам голову.

Он окунул тряпку в воду, отжал её и осторожно подложил под затылок.

— Спасибо, — сказал Стахов, почувствовав вдруг прилив нежности к этому угловатому молчаливому человеку с седеющими висками, и сжал ему руку.

«Может быть, и отец мой был таким же, — почему-то подумал вдруг Стахов, — скромным, внимательным, сильным». Но Стахов не помнил отца. Отец погиб на фронте в сорок первом. Тогда Стахову было только два года.

— Сообщить на аэродром о месте посадки невозможно, — сказал Уваров. — Радиостанция вышла из строя. Но уверен, что нас уже и без этого давно ищут.

Стахов чуть приподнял голову и осмотрелся. Поверхность острова напоминала ему панцирь огромной черепахи — она была изрезана щелями, заполненными водой. На самом высоком месте торчал железный ржавый стержень. Это была труба — основание радиомачты, на которой когда-то крепился блок метеоприборов и автоматический радиопередатчик. Он задумался над тем, почему сняли

автомат «робинзон» с этого острова. Моллюски и морские звезды, которых он увидел на берегу, навели его на мысль, что во время сильных штормов остров частично затопляется водой.

Правда, где-то он читал, что у островов, имеющих небольшие размеры и расположенных далеко от материков, максимальные приливы не превышают одного-полтора метров. Это успокаивало, но ненадолго: прилив мог увеличиться и за счет шторма.

«Не случайно же отсюда убрали метеорологическое оборудование», — подумал Стахов.

— Если ветер повернет в сторону острова, волны слижут нас с этих камней в одно мгновение, — сказал он с грустной усмешкой.

— Постараемся быть похитрее волн, — ответил Уваров. — Снимем с самолета трос управления и привяжем его к железной трубе, что вмурована в камень. Думаю, она может служить надежным якорем, пока мы не снимемся... — Он вдруг бросился к воде

Стахов, забыв о боли, приподнялся со своего каменного ложа и стал смотреть ему вслед. Минут через десять Уваров вернулся, держа небольшую морскую черепаху.

— Вылезла на берег погреться на солнце. — И вдруг брови его сомкнулись: — Почему вы встали? Надо обработать рану на лбу. И вообще вам лучше немного полежать.

— Не беспокойтесь, товарищ капитан, чувствую себя вполне бодро. Да и обстановка для лежания неподходящая. Я люблю болеть с комфортом: чтобы тишина, белые простыни, цветы. Давайте-ка посмотрим, что можно сделать из вашей черепахи, учитывая, что у нас есть керосин и зажигалка.

С молчаливого согласия обоих они решили особенно не рассчитывать на сравнительно небольшой неприкосновенный запас питания, который находился на борту самолета, а использовать «подножный» корм. Ведь неизвестно, сколько им предстояло пробыть на острове.

Сняв один из многочисленных бачков, имевшихся на самолете, они сделали керосинку. Стахов принялся за приготовление супа.

Усердно пережевывая черепашье мясо, Уваров рассказывал о своих исследованиях на острове:

— Растительности нет никакой. Кое-где в углублениях камней скопилась дождевая вода. Её надо собрать немедленно. Питаться будем

крабами, рыбой. Её можно наловить в запруды. Это я умею. Ну, а вы будете чинить радиостанцию, не так ли?

Вместо ответа Стахов вдруг засмеялся. Уваров испуганно посмотрел на старшего лейтенанта.

— Что с вами?

— Ничего. Продолжайте. Просто мне пришла в голову мысль, что мы похожи на Робинзона и Пятницу.

— Не совсем. Даниэль Дефо создал для них лучшие условия. На острове, где они жили, водилась всякая живность. Они ели жареное мясо, пили ключевую воду, молоко и даже вино, питались сочными фруктами. И вообще жили, как на курорте. Ну, да не будем отчаиваться. Мы же люди другой формации. И то, что было бы не по плечу Робинзону... — он не договорил и поднялся с места.

Стахов тоже встал, стараясь не морщиться от боли.

— Надо укрепить самолет, — сказал Уваров, кинув быстрый взгляд на товарища. — Я буду снимать с самолета трос. А вы всё-таки полежите. Это не просьба, а приказ.

— Слушаюсь, — ответил Стахов. — Только разрешите мне сначала собрать из щелей в камнях дождевую воду.

— Да, это надо сделать засветло. Возьмите шприц для промывки двигателей, им будет очень удобно работать.

Лишь поздно ночью смертельно усталые летчики позволили себе отдохнуть.

Суровую решимость выражало осунувшееся лицо Уварова, когда он сел в кресло и закрыл фонарь. Как командир, он решил первым нести вахту. Шум прибоя теперь доносился слабее. Вода к этому времени заметно поднялась. Волны перехлестывали через каменный барьер и докатывались чуть ли не до самолета.

Первая ночь на острове прошла без происшествий. Когда Стахов проснулся, в кабине было светло, стекла приборов ярко блестели на солнце.

По берегу в засученных по колено брюках и без рубашки бродил Уваров. Вид у него был удрученный — в сделанные им запруды не попало ни одной рыбы.

Стахов выбрался из кабины. С отшлифованных волнами скал каскадами спадала в море вода — отлив ещё продолжался.

Обойдя остров, он нашел на рифе, вдававшемся в море, колонию ракушек самых различных размеров и окрасок.

Стахов присел на корточки перед бирюзовой раковиной. «На безрыбье и рак рыба, — подумал Стахов. — Во всяком случае, это будет некоторым дополнением к нашим галетам и шоколаду».

Наскоро позавтракав содержимым ракушек, они принялись за работу, Стахов стал ремонтировать радиоаппаратуру, а Уваров продолжал крепить самолет и, чтобы утяжелить машину, заливал баки, из которых выработалось горючее, водой.

Нелегко было Стахову найти неисправность. По ходу работы он вспоминал премудрости радиотехники, которую изучал в своё время в школьном кружке, а потом в военном училище. Он разбирал один узел за другим, соединяя контакт за контактом.

Время от времени к нему подходил Уваров. Его скуластое лицо было мокрым от пота. Спрашивал своим глуховатым голосом, как идет дело, не нужна ли помощь.

Стахов отмалчивался.

Уваров кивал головой и снова брался за работу. Стахов заметил — Уваров очень устал, но не подавал виду, даже улыбался. Ему это было нелегко, если учесть, что улыбался он вообще очень редко — уголками губ или глазами.

...Несколько часов пролетели, как одно мгновение. Стахов позволил себе передышку, чтобы немного размять онемевшие от неловкого сидения ноги. И тут он увидел, что остров уменьшился в размерах. Волны с грохотом обрушивались на каменистые берега, всё ближе и ближе подбираясь к самолету. Пена срывалась с гребней волн и перелетала через фюзеляж. Взгляд старшего лейтенанта невольно упал на часы. Без четверти три. Он поднял голову — всё небо на горизонте было закрыто тяжелыми тучами. Они надвигались на остров.

Стахов бросился помогать Уварову, таскавшему к самолету крупные камни. Они не прекратили работу и тогда, когда над островом разразился ливень. Только подобравшаяся к самолету вода заставила их забраться в кабину. Для большей надежности они загерметизировали её.

Скоро сделалось темно, как ночью. Волны время от времени стали перекатываться через самолет. Он то и дело сотрясался от ударов.

— Не снесет нас в море? — спросил Стахов. — Нет ничего глупее, чем погибнуть так нелепо.

— Не должно. Мы крепко зацепились за камни. Впрочем, всё будет зависеть от того, сколько продлится шторм.

Всю эту ночь летчики не сомкнули глаз. Иногда они, подловив момент, когда очередная волна, только что разбившись о самолет, катилась дальше, на секунду открывали кабину, чтобы «хлебнуть» свежего воздуха.

К утру море стало утихать. Вода вокруг «спарки» уже не бурлила так сильно. У Стахова зародилась маленькая надежда на благополучный исход. Он теперь уже меньше прислушивался к каждому треску в самолете, реже озирался вокруг, освещая карманным фонариком обшивку кабины.

— Как думаете, командир, ищут нас? — спросил Стахов Уварова, когда стало совсем светло.

— Я в этом не сомневаюсь! — быстро ответил тот. — Думаю, что нам недолго уже осталось здесь загорать.

Стахову сделалось стыдно за свой вопрос. Он замолчал и взялся за дело. Сначала очистил стекла кабины от грязи и ила, а затем снова принялся за починку радиоаппаратуры. Наконец первая неисправность была устранена. В приемнике слышались голоса людей, потом музыка. Музыка наполнила его сердце тихой грустью о доме, о товарищах, с которыми он был не очень-то дружен раньше.

Приемник как-то связывал их с внешним миром. Ежевечерне, забравшись в кабину, они на несколько минут включали приемник, чтоб послушать последние областные известия. Включать чаще нельзя — энергия аккумуляторов была на исходе.

Однажды они услышали сообщение, которое сильно взволновало их. Потерпевший аварию сейнер был взят на буксир и успешно выведен из опасной зоны. На берегу в населенных пунктах своевременно приняты все необходимые меры предосторожности. Жертв нет. Всё ценное вывезено из зоны затопления. Но об Уварове и Стахове — ни слова.

— Либо считают нас погибшими, либо ищут, — сказал Стахов.

— Ищут. Не сомневаюсь, — ответил Уваров.

После этого сообщения они долго сидели молча, каждый думал о своем.

...Прошла неделя. Рана на лбу Стахова уже зажила, и он всё свободное время посвящал поискам пищи. Дело это было не простое: море кишело рыбой, раками, моллюсками, но поймать их голыми руками никак не удавалось.

И тогда летчики решили заняться подводной охотой.

Стахову уже приходилось во время отпуска плавать под водой и нырять с маской и дыхательной трубкой, однако о подводной охоте у него были самые смутные представления. Уваров же подводным спортом и вовсе никогда не занимался. Но тем не менее они, не откладывая дела в долгий ящик, с жаром взялись мастерить нужное снаряжение. Не умирать же им было с голоду.

Из рулевой тяги сделали гарпун, из очков — подобие маски, для этого пришлось заделать в них дырочки для воздуха стеарином, которым была залита коробка с бортпайком. Гофрированная трубка от кислородной маски должна была заменить летчикам дыхательную.

Маленький островок оказался огромной горой, уходящей своим основанием в неведомые глубины моря. Стахову даже жутко сделалось, когда он повис над темневшей внизу бездной.

Летчик поплыл к рифу. Здесь подводные берега были более отлогими, со множеством расселин, из которых тянулись темно-зеленые водоросли. На фоне темнеющей воды виднелись стаи мелких серебристых рыбешек. Бить их острогой — что стрелять из пушки по воробьям.

Целых пятнадцать минут пробыл Стахов в студеной воде, но ни одной рыбы не подстрелил. Они уплывали раньше, чем он приближался к ним со своим гарпуном.

Выбираясь на берег, он увидел камни, облепленные темными двухстворчатыми продолговатыми раковинами. Это были съедобные моллюски мидии. Ну что ж, это тоже пища.

Не повезло и Уварову, впервые спустившемуся в подводное царство. Он был так потрясен всем увиденным, что забыл об охоте. А потом потерял гарпун. Пришлось делать новый. На этот раз Уваров вместо алюминиевой трубки взял железную. Гарпун из неё получился увесистым, а стало быть, обладал и большей пробивной силой. Наконечник для гарпуна он сделал из трехгранного напильника, а к другому концу привязал длинный, тонкий и довольно прочный электропровод.

Наконец повезло. Дважды уже они добывали к обеду жирных бычков. А один раз попался крупный морской окунь.

А жизнь шла своим чередом. Ежедневно Стахов возился с передатчиком. Должен же он заставить его заговорить. Перебирая контакт за контактом, летчики всё-таки обнаружили неисправность в аппарате. И вот в эфир полетели радиogramмы. Одна, вторая, третья. Ответа не было. Значит, их не слышат. Удивляться было нечему: «садились» аккумуляторы.

«Надо поскорее убираться отсюда, пока мы совсем не ослабли, — подумал Стахов впервые за всё время. — Даже на аварийных резиновых лодках. Надо плыть, плыть и плыть, пока не доберемся до трассы, где ходят суда. Бортового пайка, конечно, может не хватить. Ну что ж, будем питаться планктоном, как питался француз Бомбар, который провел в океане на обыкновенной надувной резиновой лодке более шестидесяти суток.

Он поделился своими мыслями с Уваровым.

— Бомбар вылавливал планктон мелкой сеткой и пил в небольших дозах морскую воду, — сказал Стахов. — Мы воспользуемся для ловли планктона парашютом.

— Здесь нас найдут быстрее, — ответил Уваров. — Да и самолет покидать не хотелось бы.

— А если нас уже не ищут?

— Ищут, Юра. Обязательно ищут. Но как помочь поискам? Мне вот пришла в голову мысль: пока ещё аккумуляторы не «сели» окончательно, попробовать связаться с землей через ионосферу. В этом случае должна значительно увеличиться дальность передачи.

Решили дожидаться двух часов ночи. В это время на земле снижалась интенсивность радиопередач и увеличивались шансы на то, что их услышат.

Но это не понадобилось.

В полдень издалека донесся рокот мотора. Летчики встрепонулись, подняли головы и увидели в стороне летевший над самой водой вертолет. Нужно было чем-то привлечь внимание пилота. Но как это сделать? Уваров стал раздеваться. Он привязал нижнюю рубашку к гарпуну и начал размахивать ею.

Вертолет продолжал лететь стороной.

Стахов предложил Уварову облить рубашку керосином и поджечь. Через минуту клубы черного дыма поднялись над островком.

Вертолет развернулся и стал приближаться. Вот он повис над островом. Дверь откинулась, и вниз упала веревочная лестница.

АЛЬГИМАНТАС ЧЕКУОЛИС

ЧЕТЫРЕ ГОРОХОВЫХ СУПА

Альгимантас Чекуолис

Четыре гороховых супа

«Кукурузник» накренился на левое крыло. Земля опрокинулась и горой заслонила небо.

— Вниз гляди, тебе говорят! Теперь видишь? Видишь лагерь или нет, я тебя спрашиваю?

Деревья, рядом с ними не то кусты, не то камни, подозрительно близкие горные вершины — всё слилось в сплошной серо-пегий диск. Зигмас помотал головой. Пилот выровнял машину и пошел на четвертый заход.

— А теперь? Сюда гляди, сюда! — опять услышал Зигмас в наушниках сердитый голос летчика.

Зигмас утвердительно кивнул, и мотор, словно только того и ждал, сразу затих, пропеллер начал рубить воздух с размеренным посвистом. Разбуженные, зашумели ветки кедров, самолет подскочил на поляне и остановился. Зигмас выбросил за борт рюкзак, вылез; поддерживая машину за крыло, помог ей развернуться и остался один.

Под ногами затрещал мох, и снова тишина: ни птичьего голоса, ни дыхания ветра. Неяркое северное солнце едва пригревает. Растения кругом будто с другой планеты: черные, точно обгорелые, березки, унылые кедры, еле достигающие до плеча, низкие, словно притиснутые рукой великана. Зигмас достал карту, установил азимут и тронулся в путь.

Лагерь появился впереди совершенно неожиданно. Радостно вскрикнув, Зигмас пустился бегом. Но на стоянке никого не было. На небольшой площадке — затоптанный олений помет. Среди деревьев — натянутая медная антенна. Зигмас громко позвал, потом выстрелил в воздух. Никакого ответа. Порылся в палатках, перекусил, улегся и, поворочавшись немного, заснул.

Проснулся он от охватившего с новой силой чувства неуверенности, которое преследовало его с той минуты, как он отправился в путь. Зигмас протер глаза, огляделся. На стойке палатки висели надувная боксерская груша и перчатки.

От удара груша зазвенела и отскочила до самого верха палатки. Зигмас надел перчатки и принялся тузить грушу — левой, левой «хуком» справа. Вскоре вся палатка закачалась и загудела.

— Добро, добро! Будет мне кого потренировать!

У входа в палатку стоял высокий парень с большим рюкзаком, в ковбойке, распахнутой по самый пояс, в резиновых сапогах с отвернутыми голенищами. Он был невероятно худ, даже щеки запали. На жилистой шее выступало большое, как часто бывает у тощих людей, адамово яблоко.

— А может, я тебя потренирую? — огрызнулся Зигмас.

Легко, как кошка, незнакомец повел плечом, и рюкзак соскользнул наземь.

— Становись, становись! — Парень наклонился, и в руках у него оказалась вторая пара перчаток.

Зигмас сделал шаг — из глаз посыпались искры. Будто натолкнулся на бетонную стену.

...Холодная струя воды стекала по лбу. Упираясь локтями, Зигмас сел.

— А теперь давай познакомимся. Данила Каузов, начальник геологической партии.

Зигмас увидел клетчатый рукав. Безотчетно пожал протянутую руку. Встал. В голове шумело, по палатке мелькали какие-то точки.

— Пошли ужинать, — услышал он. — И лучше бы сразу сказал, что ты боксер.

Это звучало как указание. На будущее время.

...Утром Зигмас сквозь сон почувствовал, что Данила встал и вышел. Было темно и холодно. Зигмас взглянул на часы: всего пять. Поднимался Данила, кажется, беззвучно, а радистка Люда и рабочий Петя в соседней палатке все-таки слышали, побежали вслед за начальником и заплескались в ручье. Зигмас был не из лентяев. Но в удовольствии понежиться лишний десяток минут в теплой постели он себе не отказывал. А кроме того, после ухода Данилы — Зигмас никогда и ни в чём не боялся себе признаться — в палатке стало будто уютнее. Ничего себе начальничек! Вот и работай с таким, вот и советуйся!

Отыскав мыло, подпоясавшись мохнатым полотенцем, Зигмас вылез из палатки. От мисок уже поднимался пар. Впоследствии Зигмас

заметил, что Данила всегда такой: сразу успевает выполнять несколько дел.

«Умоюсь попозже», — решил Зигмас. Ели торопливо и молча. Пока Зигмас добрался до донышка, те трое уже отбросили в сторону росистую траву, которой обтерли ложки. Данила развернул карту.

— Пойдешь с Людой. И поживей навёртывай, ты тут не у тещи в гостях!

Зигмас демонстративно откинул в сторону миску, а Данила добавил:

— Всё вытрешь, вещи уложишь в мешки. Домработниц здесь нет. Для начала тебе тридцать километров. На первый день хватит. Пойдешь вверх по течению Вертушинки. Видишь?

По зеленым и синим линиям незнакомой карты Зигмас постарался запомнить маршрут.

— Всё остальное тебе покажет Люда. Я пойду по дуге, встретимся возле Чалдонских ключей. Твой счетчик в порядке, я его вечером отрегулировал.

Разворачивая карту, Зигмас ещё слышал за спиной шаги Данилы. Собирался кое-что спросить, но, когда повернулся, не было уже ни начальника, ни палаток. Люда улыбнулась, поймав растерянный взгляд новенького:

— Ничего, привыкнешь... Я тоже привыкла...

И первая, понукая оленя, полезла под кедры.

Зигмас был ей благодарен. Она придерживала ветки, чтобы не хлестали его по лицу; перейдя ручей, возилась с оленями, пока он, балансируя, скользил по камням, заросшим водорослями, окруженным кипящей пеной. Километров через пять они нашли скалу с пятном извести — знак, оставленный Данилой.

Это было начало маршрута. Люда сняла с плеч ручной бур, врезалась в землю на 60 сантиметров и, пока Зигмас пристраивал наушники с пористой резиной, прошла ещё сотню метров и снова начала бурить. Зигмас сунул щуп счетчика Гейгера в свежий шпур и даже вздрогнул, когда в наушниках запищало и засвистело. Но стрелка пометалась, пометалась и застыла на 10. Радиоактивность слабая.

Километра через два разряды и вой усилились. Зигмас сорвал с головы обруч. Счетчик показал 80. Еще не вполне уверенный, подозревал Люду.

— Да, тут руда, — подтвердила радистка.

Она огляделась и, отсчитав в сторону двадцать пять метров, опять сделала шпур.

Они потратили целый час, но Зигмас стал гораздо бодрее.

— Мне везет, — сказал он и попытался похлопать Люду по плечу.

Радистка покачала головой и осторожно, словно нянька, которая отнимает у ребенка игрушку, сказала:

— Нет... Маловато, очень слабое пятно... Шахты тут не будет.

Вскоре он вспотел, устал, его охватила ярость. Девушка мчалась, как на свидание, всё поглядывая на часы. Она легко изгибалась, ныряя в темные тоннели под кедрами, с козьей легкостью перемахивала с камня на камень, забредала по пояс в холодные пенистые ручейки и озерки, ведя за собой оленя.

«Второй Данила!» — злился Зигмас. Девушка вообще чем-то походила на начальника — стройная как тростинка, подпоясанная широким ремнем, порывистая в движениях, она вдобавок явно подражала Даниле: такие же рыжие лыжные брюки с прошитой стрелкой, такая же клетчатая ковбойка, расстегнутая до отказа: выглядывал краешек розового кружева. Только волосы туго, по-деревенски, повязаны платком.

Когда Зигмас второй раз обнаружил следы руды и они остановились, он долго не мог вымолвить ни слова — так запыхался. Люда достала носовой платок, вытерла ему лоб и, предваряя упреки, заявила:

— Лучше сразу обтерпеться... Ночью будут ныть кости и с утра ещё поболят. Но ничего, обойдется, быстро привыкнешь. Завтра пройдем уже пятьдесят километров, и так до осени...

Радистка сама собрала образцы туфа, налила из цветастого китайского термоса горячего крепкого кофе.

— Вчера Данила один покрыл всю дистанцию. Конечно, не совсем в одиночку, с двумя оленями. — Она улыбнулась, блеснули сощуренные глаза северянки. — С тех пор как Дрогов сломал ногу, — продолжала она беззаботно (на место Дрогова и был прислан Зигмас), — Данила всегда один работает. А в прошлом месяце мы оставили медвежью шкуру. На кедре растянули. Это Данила подстрелил. Может, найдет кто-нибудь...

Сумасбродная, несурзная девица! Зигмас нервничал, а ей, кажется, всё нипочем: и полупудовый бур, и нехоженная горная тайга, и даже обжигающий кофе — она выпила две кружки одну за другой, умудряясь в то же время тараторить без умолку.

До лагеря добрались поздно ночью. Данила подыскал изумительное место. Здесь росли несколько настоящих высоких кедров и черные раскидистые пихты. Рядом были утесы, напоминавшие разваленную печь. Должно быть, именно они и прикрывали деревья от бешеных, всесокрушающих ветров с океана. Ветви в вышине шумели, совсем как в родных местах в Литве, но Зигмасу теперь было на всё наплевать. Он упал ничком у костра и думал об одном: чтобы Люда не рассказала Даниле, как они работали. Но Люда ставила палатку, а потом тоже растянулась возле костра, у ног Данилы.

— Так что, нравится тебе работа геолога? — спросил Данила у Зигмаса.

— А я уже работал. На Коле, в Воркуте. Практику там проходил.

— Тоже сравнил! — начальник расхохотался. За ним Люда и вылезший из палатки Петя. Будто они что-то знали, но таили про себя.

Зигмас освирепел. Он сел, чувствуя, как исчезают усталость и робость.

Но как ни силился он проявить безразличие и самоуверенность, рассказывая про свой маршрут, он запинаясь, словно на экзамене. А Данила сунул руки в перчатки и стал лупить по груше. Даже не дал ему закончить:

— Я эти места знаю, — бах-бах! — я ведь шел параллельно. Больше — бах-бах! — надо в воду смотреть, тут ключи из глубины идут. Глина — бах-бах! — ерунда. Ты вглубь гляди!

Если б не этот разговор, Зигмас утром ни за что бы не поднялся. Ведь ночью глаз почти не сомкнул. Сводило икры. Только зажмуришься — под ногами разверзается зыбучее болото. Когда на рассвете Данила вышел, Зигмас схватил градусник. 38,5! Вытянул руки — пальцы дергает и сводит, словно во время лихорадки. Неужели нельзя было остаться в Литве? Вот влип так влип.

Обмотав шею полотенцем, Зигмас заковылял за утесы. Данила уже был там и, услышав шаги, даже не обернулся. Ведет себя так, будто один на целом свете. Подскочил и плюхнулся в омут. У Зигмаса

уже не было сил удивляться. Он осторожно притронулся ладонью к ледяной воле, потер нос, щеки, шею. Данила плавал, как в бассейне, тщательно проделывая все движения. Вынырнув, выбрасывал руки вперед и в стороны, чтобы опять надолго погрузиться. Только по выпученным глазам можно было догадаться, что начальнику тоже отчаянно холодно.

Для Зигмаса это был страшный день. Толстое мохнатое полотенце, которым он повязался вместо шарфа, душило, натирало шею. Зигмас уже плохо видел дорогу и, споткнувшись, больно ушибся: камни были острые, как ножи. Его уже несколько не интересовало, что о нём подумают, и он несколько раз кричал Люде, чтобы обождала, не бросала его одного. Но радистка останавливалась, только когда Зигмас её нагонял. Тогда она брала счетчик, шла проверять, а потом еще укоризненно покачивала головой.

Однако с полудня Зигмас с удивлением ощутил, что в голове прояснилось, сердце бьется хоть и учащенно, но равномерно, а ноги ступают тверже. Всё шло так, как предсказывала Люда. Под вечер он даже что-то замурлыкал себе под нос.

С каждым днем партия уходила все дальше в горы. Кедровые деревья всё ниже и ниже жались к земле. Появилось больше прогалин. А за ними, казалось, совсем близко виднелись рыжие обнаженные склоны сопки. Когда темнело, они ещё долго сверкали на солнце, и с них в долину падали золотые отблески. Данила укладывал в папку все новые карты пройденных мест — ободранные, замызганные, словно побывавшие в руках у первоклассников. На них пестрели пометки об интенсивности — желтые, синие, зеленые, черные пятна. Будто деревенская юбка.

Чем выше, тем больше высыпало на картах красноты. Зигмас думал, что Данила остановится. Залежи были отличные, никто не стал бы их упрекать. И всё-таки начальник вытаскивал новый чистый лист. «Надо добраться до водораздела», — говорил он. Но прошло ещё две недели. Вертушинка сузилась, стала ручейком, который легко перепрыгнуть, а склоны ни на километр не казались ближе. Только снежные шапки на сопках становились всё белее, сползали языками всё ниже.

Взберешься на высокий утес, и можно обозреть весь пройденный путь, обидно короткий, как думалось теперь Зигмасу. Вот вертушинский омут, вот утесы первого лагеря, а дальше всё тонет в

голубизне долины: ни тропки, ни дымка от костра, так и кажется, не хватит сил всего человечества, чтобы обойти эту тайгу.

Близилась зима. Исхудалые олени кричали так жалобно, что сердце разрывалось. Первые морозы иссушили траву, скрючили мох, и корма для них почти не стало. В ручейках и родниках появился лёд.

Зигмас надел меховой комбинезон Дрогова. Ноги Зигмаса пообломались, лицо обветрилось и загорело, мышцы окрепли. Он действительно притерпелся. Два раза начальник гонял его, сонного, голодного, на вторичную проверку небрежно проведенных маршрутов. После этого очередные пятьдесят километров, конечно, представлялись сущим пустыком.

Как и прежде, Данила мало интересовался Зигмасом, а тот не видел необходимости расплачиваться за это откровенностью или почтением. Остальные считали поведение начальника совершенно естественным. Люде иногда влетало даже больше других: и за то, что трещал край палатки, и за то, что кровоточили копыта оленей. А девушка и не пыталась огрызаться, только смущенно смеялась.

Как-то раз, взволнованная, собираясь что-то сказать, она положила ладонь на локоть Данилы. А тот как откинет голову.

— Это ещё что? Может, тут, в тайге, начнем любовь крутить?

Возмущенный Зигмас хотел было заступиться, но передумал: их дело. Не так уж важно всё это, необходимо просто как-то просуществовать два-три месяца. Его волновало теперь другое. По вечерам Люда включала рацию и сообщала товарищам, что партии одна за другой возвращаются на базу. Но никто, кроме Зигмаса, на это, кажется, и внимания не обращал. Те втроем закопченными пальцами скребли карту, как ребята, готовящие поход: лихорадочно отбирали друг у друга циркуль, вышагивали им по карте ещё десятки, еще сотни километров, будто можно птицей перелететь через эти ущелья и горные цепи, а не тащиться с рюкзаками, счетчиками, бурами, спальными мешками на плечах. Ни один из них даже не заикнулся, что больше нельзя, что пора возвращаться, что на дворе октябрь.

Зигмас в отчаянии пытался загипнотизировать Данилу — уставится ему в затылок и беззвучно шевелит губами:

«Псих! Зима нагрянет, кто нас отсюда вывезет? Ведь тогда конец! Домой, дурак, домой!»

Но Данила не оборачивался.

Однажды утром начальник встал, озабоченный, раньше обычного. У него была своеобразная логика:

— Кормежка кончается, надо поторапливаться.

Съели гороховый суп, сваренный густо, как пюре, без всяких жиров. А потом Данила, подгоняя оленя бичом, побежал вверх по склону. Люда направилась по долине налево, тоже бегом. Олени тащили теперь только тяжелые кожаные чемоданчики, обитые железом, со сложными никелированными замками. В них лежали величайшие ценности — образцы руд, результаты всей работы. Остальную кладь приходилось нести самим.

Зигмас тоже перешел на бег. Тут уж не отстанешь. Он прислушивался к счетчику, брал образцы минералов и мчался вдогонку за девушкой. Убедившись, что девчонка готова носиться до самого вечера, Зигмас подумал: «Бросить всё, присесть. Хватит, наплевать! Как только станет совсем невмоготу, сяду — и всё тут. Пусть несут. Тогда и всем придется возвращаться». Но такой момент никак не наступал. Ноги подкашивались, мускулы ныли и всё же работали. Как машина.

Данила запоздал на ночевку; на ужин опять ели гороховый суп, но эти трое были очень веселы. Данила обнаружил очаг. Образцы начальник завернул в целлофан, а потом бережно положил в отдельный резиновый мешочек. Пятно замечательное. Может, другого такого и нет. Данила сказал об этом просто, будто каждый год делал подобные открытия.

Он изводил Люду: та где-то упала и разодрала свои лыжные штаны. Данила показывал, как ей придется маневрировать по городским улицам с заплатой сзади. А Петя глубоко порезал о камень колено. Люда промыла, перевязала ему рану и, забывшись, долго гладила отросшие ежиком волосы паренька. Поглаживала, а сама смотрела на Данилу.

Утром опять было гороховое пюре.

— Вот бы мяса! — тихо сказал Зигмас Люде. Но Данила услышал.

— Пюре — очень полезная еда. Особенно когда другой нету! — усмехнулся начальник с довольным видом. — Настоящая пища!

Не то на десятый, не то на пятнадцатый день проснулись в полночь от стужи. Термометр показывал тридцать градусов ниже нуля. Утром всё оказалось покрыто снегом. В долине не было видно кедров:

метель намела сугробы по самые верхушки. Только ещё торчали ветви, вылезшие за лето. Им предстояло засохнуть.

Теперь Зигмасу стало ясно, почему верхушки кедров похожи на грибы. В глазах у начальника Зигмас заметил растерянность и в глубине души возликовал. Разве не был прав он, Зигмас, в своих безмолвных упреках? Самолету тут не приземлиться, вертолет не долетит.

Данила разодрал свою рубаху и роздал новые портянки. Поели горохового супа. Зигмас проклинал это желто-зеленое, сладковатое, даже не застревающее в зубах варево и рассказывал Люде, какой закажет обед в городском ресторане. Прежде Данила высмеял бы его, но сейчас молчал, и Зигмас ощутил это тоже как некую победу.

Труднее всего было поднять оленей. Потом они побежали, как собаки, поджимая копыта, сердито фыркали и, мотая головой, норовили боднуть. Данила уговаривал их, увещевал, как усталых людей, как добрых приятелей.

Шли без остановки двое суток. Ночью не спускались в тайгу, где есть топливо и защита от ветра: времени было жалко. Только вырыли яму в снегу и, прикрыв её палаткой, переночевали, прижавшись друг к другу.

На следующий вечер слышали собачий лай, увидели блуждающие огни. Это люди с факелами вышли им навстречу. Охотники ительмены, отец и сын, уже облачились в полный зимний наряд: в собольи шапки, в высокие меховые торбаса с узорами.

Землянка была поблизости. Сверкали новые, свежеобтесанные бревна. На колышках белела вереница собольих черепов раздвоенными носами к двери. Над дверями был приколот портрет Ленина.

Если верить карте, здесь должна была протекать речонка. Но теперь лед занесло снегом, только петляла тропинка да чернела прорубь. Ительмены накрошили в чай медвежьего жира, табаку, налили спирту. Отдавать свои «ветки» — лодки — они не хотели. Данила долго их упрашивал. Зигмас в первый раз видел его в таком состоянии, хотя начальник и пытался всячески скрыть волнение от охотников, а тем более от товарищей. Сын тоже уговаривал отца, переходя в возбуждении на непонятный геологам язык. В конце концов

старик не выдержал. Поплевал на ладони, тщательно вытер их о грудь своего мехового малахая и ударил с Даниилой по рукам.

Данила выложил на пол всё богатство: топор с резиновой ручкой, свою двустволку, бинокль, палатку, бидон со спиртом.

Утром охотники запрягли в «ветки» оленей и поволокли их по льду. Данила рассчитал правильно.

Ниже речка из-за большего угла падения ещё не совсем замерзла. Над черной водой стоял пар. На первую лодку погрузили кожаные чемоданчики с образцами и свернутую палатку, где также лежали камни. Рацию и прочее имущество сложили во вторую лодку. Данила велел всем сесть во второй челнок, а первый стал подталкивать к воде.

Зигмас не выдержал. Всё-таки тут есть крупица и его работы.

— Первая лодка скорее перевернется... Ничего не успеешь разглядеть... Всё пойдет ко дну... Отдавай нам чемоданы!

— Пойдет ко дну? — Данила насупился. На минуту призадумавшись, снял с себя пояс, сделал петлю, привязал один чемоданчик к левому локтю, второй и свернутую палатку — к правому.

— А теперь пусть попробуют идти ко дну! — Он резко двинулся, край льда проломился, и «ветка» ринулась вниз.

Зигмас ахнул и начал подталкивать вторую лодку. Люда не замечала ни Зигмаса, ни светлого льда, крошившегося под ногами. Всеми помыслами она была там, внизу, куда несло быстро уменьшавшуюся «ветку» Данилы. Зигмас усадил девушку спереди и налег на весла. Петя помогал ему доской. Зигмасу приходилось всё время оборачиваться, он приходил в ярость, боясь потерять из глаз Данилу.

Речонка была геологически молодая, вырывавшаяся из недр вода катилась куда хотела: по утесам, по бурелому, перескакивала через завалы кристаллических пород. Зигмас всем своим существом ощущал, как внизу пролетают подводные скалы. Но не они были самыми страшными. Соскакивая вниз со ступеньки на ступеньку, лодка глубоко зарывалась носом, водоворот поворачивал её и всё норовил выбросить на лед или ударить в каменные «столбы». Отталкиваясь от них, Зигмас, совершенно того не желая, только ускорял ход «ветки». Давно уже исчезли из виду застывшие на берегу ительмены, давно уже кедры стали высокими — их снежные кроны неслись над головами. Речушка спадала всё круче.

Из-за рёва падающей воды Зигмас не мог слышать крика. Скорее всего он почувствовал его и, повернувшись, увидел, как Данилина лодка подскочила кверху, исчезла в облаке брызг. Пенящийся порог приближался, как курьерский поезд. Зигмас поднялся на ноги, разглядел единственную падающую ровной дугой узкую струю и направил к ней лодку. Вскоре им удалось догнать Данилу. Он сидел на корме и греб единственным уцелевшим веслом.

Второй порог появился совершенно неожиданно. Это была самая настоящая западня. Упираясь в высокую стену из слоистого камня, речушка круто сворачивала вправо, потом ещё вправо и падала с высоты пяти метров.

Одно мгновение Зигмас видел повисшую над водопадом лодку Данилы, потом она трижды повернулась на месте и унеслась боком вдоль берега, скрылась за излучиной.

Зигмас и Петя одновременно били веслами. Войдя в крутой поворот, их лодка накренилась, зачерпнула воды и налетела на лед. В тот же момент они увидели перевернувшуюся «ветку» Данилы: далеко внизу она выплывала мокрым днищем кверху.

Зигмас выскочил и побежал по прибрежному льду. Перекатившись через водопад, река разливалась широко, как озеро. Она была совершенно пустынна, и Зигмас заорал так, как не кричал ещё никогда в жизни.

— Где Данила? — трясла его за руку Люда, не в силах поверить своим глазам. Зигмас забрел по пояс в воду, дальше шла черная глубь, пенистый поток сбивал с ног. Но Люда не могла ничего понять, она всё лезла поперек течения, порываясь броситься вплавь.

А потом до них донесся еле слышный вздох. У противоположного берега из воды показалась черная голова. Это был Данила, воскресший из мертвых. Данила шел, нагнувшись вперед, спотыкаясь, опустив руки. Вот он подобрался к выступающему из воды камню и уперся в него подбородком.

Переправились на ту сторону, но никак не могли добраться до Данилы. Не пускало течение. Отдохнув, тот вылез сам. Прижатые к бокам руки почти почернели: их оттягивали чемоданы.

— Чертовски великолепные камни! — Данила пытался улыбнуться, но голос его прерывался. — Такой чудесный якорь...

В снегу торопливо выкопали яму, развели костер, переодели Данилу в сухую одежду, а он всё никак не мог согреться. Люда из куска брезента соорудила у костра экран, от которого, как от печки, по яме распространялось тепло. Забыв обо всем на свете, девушка прижалась лицом к груди Данилы. Данила в забытии ласково гладил Люду по голове. Зигмас и не подозревал, что у начальника могут быть такие нежные чувства.

Обтаявшие края ямы сверкали, как стеклянные. От брезента шел пар. Данила уже сидел, укрытый всеми одеждами, а сверху — грудой кедровых веток, и ничего не говорил — словно просто отдыхал после тяжелой работы.

— Послушай... — Зигмас замялся: разговоры между ними до сих пор не доставляли особого удовольствия ни тому, ни другому. — Неужели ты не перепугался? Я бы... да и всякий другой... Черт знает, что стал бы человек выделывать!

Данила улыбнулся, взглянул на Люду, словно спрашивая совета. Она тоже улыбнулась, но иначе, по-своему.

— Что ты! Я крепко струхнул... — После каждой фразы Даниле ещё приходилось останавливаться. — Струхнул: а вдруг да испугаюсь по-настоящему? Тогда всё. Тогда бы не выкарабкался. Да где там!.. С перепугу у человека весь кислород в поджилки уходит.

— Хорошо. Допустим, я тебя понимаю... — Зигмас придвинулся поближе. Больше он не мог держать камня за пазухой. — Ну, а вообще? О нашем походе? Ведь ты знаешь, — Зигмас замялся. — Ну, а если бы мы не нашли охотников на месте? Тогда... Ты ведь понимаешь, ты сам сибиряк...

— Я с Сивцева Вражка... Есть такой в Москве.

— Ну всё равно! Ты давно... когда ты кончил?

— В позапрошлом.

Зигмас опустил руки: стена, разделявшая их, несколько не уменьшалась.

Однако Данила не забыл невысказанного вопроса Зигмаса.

— Выходил ты когда-нибудь на марафонский бег? — спросил вдруг Данила.

— Нет, где уж мне!.. Сам знаешь, какой из меня спортсмен.

— Да я совсем не про спорт! — Данила досадливо нахмурился. — Не хотел я тебе говорить, ты у нас человек случайный. Через пару дней

расстанемся, и поминай как звали. Но ты скажи, у тебя когда-нибудь разрывалось сердце от счастья?

Зигмас молчал.

— Каждому нужно покрыть свою марафонскую дистанцию. Всего себя бросить в бешеный темп. Бежать, когда уже отказывает сердце и всё затягивается туманом, когда ты чувствуешь, что сделал всё, а говоришь себе «ещё»! Тебе помогают тысячи незнакомых людей. Потомков, если тебе так хочется. Понимаешь? Им ты оставляешь свои дела. Геологическую карту, шахты, шоссейные дороги в тайге! Распаханную целину!

Данила обеими руками дернул ворот: ему уже стало жарко.

— На свете немало несчастных людей. Они немножко любят, немножко ненавидят. Обнимут — и сразу отпустят. Дышат — да только одной половиною легких. Помирают — и сами не знают, почему они такие несчастные.

Шуршал на ветках тающий от костра снег.

Зигмас чувствовал себя странно, будто во сне. Ему показалось, что с Данилой не случилось никакого несчастья. Данила такой, как всегда. Вот он даже не кутается в одеяло, грудь нараспашку!

— Так это и есть твой марафон? — Зигмас покраснел, сообразив, что, пожалуй, не так надо задавать этот вопрос.

— Нет... Должно быть, ещё нет. Может, в будущем... — Данила говорил совершенно спокойно, словно о будничных вещах. — Надо пробовать ещё и ещё. Если удалось один раз, трудно дальше жить по-старому... Буду проситься в управлении на Чукотку... Есть там одно место, я знаю...

— И Люда с тобой?

— Да, и Люда, и Петя. Мы друг другу нужны.

Петя сидел, упираясь руками в ветки и гордо откинув голову. Пете всего шестнадцать лет. Для Люды же вообще, кроме Данилы, ничего не существовало.

Утром на уцелевшей лодке они двинулись дальше. Переплыли ещё два-три порога, а потом река стала уже слишком глубокой, чтобы её могли стеснять какие-то пороги и водопады. Лишь местами приходилось прорубать ледяные перемычки.

У берега моря их ожидал вызванный по радио маленький буксир с громким именем «Робеспьер», насквозь пропитанный запахом селедки.

Седой капитан с нервно подергивающимся лицом божился, что если по дороге застигнет их шторм, то он укроется в первой попавшейся бухте и там зазимует.

...Неделю спустя с чемоданами в руках они стояли на деревянном причале, удивленные обилием людей и городским шумом. Тут же, над гаванью, светилась вывеска с надписью «Ресторан «Север».

Багаж они свалили на некрашеный пол, поручив его попечению швейцара. Только чемоданы и завернутые в палатку образцы Данила поставил так, чтобы не терять их из виду. Люда побежала за последними радиограммами: «Только взглянуть — и обратно».

Данила с подчеркнутой торжественностью вручил Зигмасу меню.

— Командуй парадом! Я слышал, как ты хвастал. Что ж, показывай свое городское воспитание.

Вернулась Люда, раздала письма, радиограммы.

— Для вас тоже хорошее известие, — Люда протянула Зигмасу синий листок. Она в первый раз сказала ему «вы».

Это был ответ министерства на заявление, поданное ещё летом. Зигмаса вызывали домой, в Вильнюс.

— Что мы кушаем? — Люда не могла усидеть на месте. — Зигмас выбирает. Вот наедемся!

— Стало быть, отделался ты и от Данилы, и от тайги, и от всего прочего. С чем и поздравляю! Думаешь, я не видел, как тебе было со мной трудно? — Данила холодно рассмеялся, откинув голову.

— Есть хочу! — нетерпеливо топал ногами Петя.

Официантка стояла рядом и ждала.

— Будьте добры, четыре порции горохового супа, — тихо сказал Зигмас.

Петя и Люда зашумели.

— Спятил совсем! — Петя провел ладонью у подбородка. Они ещё ничего не понимали.

— Зигмас? — Данила хлопнул ладонью по столу, и посуда со звоном подскочила. — Подумай! Ты же сам говорил, какой из тебя спортсмен...

— Четыре... супа, — упрямо повторил Зигмас.

Примечания

1

Вицы — скрученные ветки.

Салик — небольшой плот.

«Пятачок» — дистанция в пять километров.

Балбалы — камни возле статуй.

Челек — специальная бочка для воды, удобная для перевозки на верблюдах.